

Под луной охотницы

Burzum (Hlidskjalf) — Frijos Goldene Tranen

Она бессильно лежала на боку, рассматривая сложный узор на панцире, который покоился на земле; хвост распустила во всю длину, вопреки строгой привычке держать его подле себя. Никто не тревожил, даже птицы перестали петь, а ветер — нестись в никуда. Ее охватили томление и меланхолия, душа не могла найти спокойного места и стремилась к неведомому. В свои юные годы она знала и умела многое, но к чему всё? Многим из нас знакомо, и ей оказалось не чуждо: не видела она своего места в жизни, словно на нее ждала иная.

Она молода и сильна, ее любят и уважают, побаиваются, возлагают надежды. Тогда отчего все мысли покрылись рябью смутного, еле уловимого темного чувства, которое манило ввысь, но в то же время не оставляло места надежде? Ту самую надежду, которую питает всякое существо на заре жизни, полагая, что жизнь всё-таки уготовила приятные сюрпризы, и завтра будет хорошо, а послезавтра — так непременно...

Но она словно скользила мимо тропы жизни, отрешенно созерцая ее и не понимая: то ли это ее судьба, то ли таков путь всех шамани. Неужели нужно искать силу, чтобы в конце получить лишь тихий сплин?

«Как много места и свободы, но где я во всём этом?..», — смотрела она в закатную даль. — «Что же ты, душа моя? Болезнь тех, кто начинает знать... Так это зовется? Хах...».

Она знала, что потекает себе во слабости и грусти, но это неважно, неважно...

Коготь уже процарапал маленькую, но четкую дорожку на панцире. Она подумала: пройдут года, ее не будет, а панцирь останется, и след от когтя — тоже. Что ж, пусть так; и когда-то, много лет спустя, шамани будущего, возможно, прикоснется к этому следу и ощутит тот тонкий печальный настрой, который приютился в ее сердце отнюдь не со зла и мимолетного каприза, а от острого ощущения жизни, появляющегося у каждой молодой, настоящей шамани. Он — верный предвестник силы, но...

А разве нужны миру такие, как она? Ей всё больше кажется, что не очень. И другим, по-видимому, так тоже кажется — ведь они восхищаются, боятся, обходят стороной, просят о помощи, обманывают, но не любят и не могут полюбить такую, как она, хоть в ней много страсти и вовсе нету лжи.

Она потянулась всем телом, вздохнув. «Птицы наверху, в небе, а там легче. Им вольнее: захотел — взлетел», — подумалось ей.

— Шаанá, что ж ты делаешь? — строго спросила неслышно подошедшая наставница, Шёлли. — Зачем царапать? Портишь вещь...

«Главное — быть верной. Верной своей сути, ведь иного не дано. Нужно продолжать путь. Всегда верна, вопреки всему...», — напоследок подумала юная шамани, бережно оставив панцирь в покое.

**

Большой холм, ветер и редкие облака. На холме растут высокие травы саванны; сейчас, в сухой сезон, они желты и жестки. На нем же вынуждена жить в тихом одиночестве молодая драматия, а возле нее полукругом собралось около десятка

львят разных возрастов. Некоторые лежат, другие сидят, а двое вообще забрались на нижние ветки молодого дерева, отчего смотрят на остальных с озорным превосходством.

— Дети, это было давно. Очень давно, — после длинных раздумий, которые утомили юных слушателей, молвила крупная, старая львица. Она, прислонившись к дереву, глядела на закат; он так красив, что Мена́я на мгновение забыла о себе и о том, что должна рассказывать львьятам всякие истории, пока их матери заняты охотой. Вскоре солнце скрылось за другим холмом; этими большими холмами и знамениты земли прайда Велáри.

— А насколько давно? — они не смогли выдержать еще одной длинной паузы.

— Прошло уж, наверное, десять десятков лет. Где-то так... — немного погодя, ответила Мена́я.

Многие уже слышали это, да не один раз, но всё равно каждый издал вздох удивления, не сляясь даже вообразить, как много времени утекло с тех пор.

— Так что же потом было?

— А после в Хартланде появились лев Арсай и львица Айлиша. Они попросили приюта, и конунг принял их хорошо — они остались. Но по прайду и Союзу начали расходиться слухи, что Айлиша — северянка. Возникло роптание: мол, как конунг может держать у себя в прайде львицу-северянку, которая, ко всему прочему, оказалась шамани?.. И...

— А это правда? — удивленно спросил маленький львенок, широко раскрыв серо-голубые глаза.

На него шикнули. Кто-то дал тумака, чтоб не перебивал.

— Что правда? — сбилась с рассказа Мена́я, перестав смотреть в даль.

— Что Айлиша была северянкой.

— Правда.

Все притихли.

— Именно их приход подстегнул Маннауза, сына одного из ярлов, к захвату власти. Его род издревле мечтал об этом. В результате ужасной интриги и великой подлости ему удалось убить сына Кигали, Нрая. Все было сделано искусно, никто и догадаться не смог. Но он не знал, что Айлиша сможет раскусить его; все в Хартланде позабыли, что могут шамани, поскольку уже несколько поколений у них были ненастоящие. И, — Мена́я сделала паузу, чтобы добиться нераздельного внимания, хоть все и так слушали с открытыми ртами, — Кигали тут же убил Маннауза и всю его семью. Опечаленный смертью сына, он еще изгнал всех ненастоящих шамани, хоть они и не были в чем-то виновны...

Кто-то вздохнул; воцарилась тишина, и Мена́я было подумала, что сможет, наконец, отдохнуть от рассказов. Как выяснилось — зря.

— А это как — ненастоящие? — спросил тот самый львенок. Это Эхма́й, сын хорошей охотницы Мша́ни; еще маленький, но такой же напористый и невозмутимо уверенный в себе, как мать.

Все остальные подумали, что если задавать Мена́е чересчур много вопросов, то она вообще перестанет рассказывать что-либо. Сидевший на дереве львенок постарше не нашел ничего лучшего, как неожиданно прыгнуть на любопытного. Началась всеобщая детская возня. При другой няньке все бы давно получили по заслугам и быстро присмирели, но с Мена́ей всё по-другому:

— Ну-ну, не деритесь... Да не деритесь, вам говорю! — недовольно заурчала она.

Еще некоторое время ушло на наведение покоя и порядка.

— Тебе может рассказать Аратга́. Спроси у нее, — посоветовала Эхмаю Мена́я.

— Да я боюсь у нее спрашивать... — честно признался тот, съезжившись: становилось холодно, начинала царить ночь.

Все засмеялись. Правда, любой из тех, кто смеялся, вряд ли бы решился сам подойти с вопросом к Аратте; и почти каждому мама украдкой давала наставление поменьше видеться и говорить с нею, но непременно здороваться. И не забывать о вежливости, нет-нет.

— В любом случае, я и сама об этом много не знаю, — призналась Мена́я.

— И что было потом?

— А потом конунг Кигали и вовсе начал сходить с ума; он потерял всякое управление и власть, ничем не интересовался. В Хартланд пришли дренгиры всех прайдов и решили, что нужно назначить нового конунга. Кигали этому не противился. Кого выбрать, так и не решили, но оставили вместо конунга одного из помощников Кигали. Айлиша и Арсай попали сначала в скрытую, а потом — явную немилость. Говорят, что Арсай не желал уходить, но Айлиша смогла его убедить, поскольку иначе им и их детям грозила опасность.

— И куда они ушли?

— Никто из живущих ныне не знает...

— А что потом?

— Потом избрали конунгом Хизарра, а дальше вы должны помнить. Так ведь?

Все закивали, даже те, кто совершенно ничего не помнил.

— Кстати, перед тем, как вступить во власть, у него был очень долгий разговор с Кигали — говорят, они говорили целую ночь. Вскоре Хизарр пригласил к себе в Хартланд молодую шамани из Регноран... Имя... Ой, имя ведь забыла... — посмотрела Мена́я вверх, потом в сторону. — Ах, да! Юмлаани. Именно пригласил, потому как по старому закону, шамани нельзя приказать перейти их одного прайда в другой.

— А что с Кигали?

— Кигали вскоре умер.

Мена́я страшно устала рассказывать за весь этот день, потому умолкла, надеясь, что слушатели поймут смысл паузы и перестанут, наконец, ее мучить.

— Мена́я, а это всё действительно так было? — спросил кто-то.

Старая львица повела ушами в удивлении.

— А то как же? На то я хранительница историй, чтобы рассказывать правду.

— Он хотел сказать, Мена́я, что это было очень давно, и, может, кто чего переврал или забыл за эти годы, — заметила Шаминá, самая младшая дочь дренгира Велари.

Мена́я лишь снова повела ушами: на такое возразить нечего.

— Это верно... Это верно... Всё может быть.

— Пусть Мена́я лучше расскажет о Шаане. Просим, очень просим! — вместе попросили две маленькие львицы.

— Вчера ведь рассказывала, — та устало зевнула. Она действительно измучилась, сил оставалось мало, потому рассказывать о легендарной, ступавшей по од-

ной с ними земле шамани не было ровно никакого желания. — Ладно, скоро мамы ваши вернутся...

Дети поняли, что на сегодня больше рассказов не будет; те, кто побольше, тут же чинно разошлись, кто поменьше, бросились Менае под лапы, чтобы если не задержать, так хоть поиграть с ее хвостом или получить поцелуй. Меная — очень добрая, с ней проходят любые вольности, и попросить ее можно о чем угодно...

И вот старая львица видит вдалеке охотничью группу, облегченно вздыхает и громко говорит:

— Смотрите! Уже вернулись!

Львята наострили уши, заметили своих мам и тут же стремглав понеслись, забыв обо всём. Меная мгновение смотрела им вослед, потом сказала тихо, лишь для себя:

— Ой, да. Да...

— Добрый вечер для львицы!

Меная вздрогнула, не ожидая никого позади. Но голос она узнала.

Это — Аратта.

Она неслышной, тихой охотницей подкралась сзади, то ли нарочно, то ли сама того не осознавая. Теперь сидит лишь в двух прыжках, по своей привычке поджав левую переднюю лапу; Аратта смотрит серьезно, во взгляде ее янтарных глаз нету слабости, смешливости, легкой мысли. В этом она мало похожа на неизвестного ей отца, еще меньше — на мать, хотя внешне и по голосу — вся в маму (но этого она тоже не знает — мать не помнит). Тот же узкий нос и небольшие уши — признаки благородства; изящные лапы и золотисто-темный окрас со странным темным пятном на левом плече.

— Совсем состарилась... Тебя не заметила, — Меная заволновалась о том, что уж совсем плохо стала слышать.

— Я старалась не беспокоить львицу шумом.

Она действительно скрытна от природы. Даже голос Аратты необыкновенно приятный, тихий и вкрадчивый, без всяких повышений, мягкий и ровный.

— Как всегда? — улыбнулась Меная. Заметив непонимание Аратты, она молвила: — На прогулку?

— Ах, львица об этом... Нет-нет, я ищу Таэлу.

— Я не видела ее поблизости, — беспомощно махнула лапой Меная, мол, ничем не могу помочь.

Аратта сощурилась, потом чуть прикрыла глаза.

— Где-то здесь ей быть...

Потом запрокинула голову назад, потом села, прислонив лапу к щеке. Тот, кто не знал Аратту раньше, не привык к ней, мог явно подумать, что она не в себе или плохо себя чувствует.

Она неожиданно начала уходить, сказав на прощание маленькое, уверенное слово:

— Там.

Меная обернулась, глянув туда, куда кивком указала Аратта. Действительно, подле Сухого (так называли большой и старый, вовсе иссохший баобаб, которому было невесть сколько веков) мелькали силуэты львиц. Собрание возле него означало лишь одно: они идут на охоту. Группа Лии только что вернулась, это Меная видела. Значит, там — группа Таэлы.

— На ночную собрались, что ли... — Меняя недоуменно спросила саму себя, наблюдая за тенью Аратты, что растворялась в сумерках. «Поздновато хватились». Как бывшая хозяйка охоты, Меняя знала, что на ночную лучше выходить загодя, когда еще светло; отправляться после захода солнца — недобрый знак.

Днем Таэла попросила Аратту-шамани придти после захода солнца к сбору на ночную охоту; правда, забыла сказать, куда именно. Но Аратта не забыла — потому что никогда ничего не забывает — и нашла Таэлу сама.

**

Львица, суровая и непреклонная, как и все хозяйки охоты, властно и с удовольствием распорядилась:

— Нинлиль?

— Я здесь, — обреченно отозвалась молоденькая львица.

— Ты вот здесь, а я устала. Знаешь, я очень выносливая, но даже я устала. А отчего? Я устала от того, что ты бездельничаешь. Ты не загоняешь добычу. Ты вроде на прогулку пошла. А остальные? А что мне остальные, ой-ой-ой, — приложила Таэла лапу к груди, стараясь изобразить Нинлиль. Замышлялось это, как смешное, но никто не засмеялся. — Подождут.

Таэла обвела свою группу взглядом; молодые львицы хохотнули от страха стать следующей жертвой, а те, что постарше, лишь вздохнули.

Аратта молча наблюдала за ними в сторонке, разлегшись, и думала о судьбе обычной львицы.

Вот ты родилась. Мгновенно прошло детство: у кого безоблачно счастливое, у кого скучное, но неплохое, у кого — зловещее. Потом твоя первая охота; потом узнаешь льва; потом дети. И охота, охота, охота... А если ты львица Союза, то еще добавляется множество обязанностей и правил, которые должно соблюдать. Жизнь еще хуже, если ты — посыльная. Они в почете, но мало кто желает стать таковой. Тебя могут растормошить посреди ночи и заставить куда-то бежать. И...

— Аратта! Подойди, пожалуйста! — вдруг громко попросила Таэла.

Не дали додумать.

Она встала и подошла; тех, кого еще сегодня не видела, поприветствовала скромным кивком. Ощутила на себе десяток пар глаз: любопытных, выжидающих, у кое-кого — с хорошо скрытым, боязливым недружелюбием, у одной — с вызовом.

Кажется, все уже приготовились уходить на охоту, кое-кто успел сделать несколько шажков по привычной тропе.

— Скажи мне, пожалуйста, Аратта: обманывает Амриэль свою хозяйку охоты? А то меня весьма терзают сомнения.

— В чем обманывает, Таэла?

Амриэль первой сорвалась идти, но теперь села и сникла, не зная, что будет дальше.

— Она говорит, что вчера опоздала на сбор из-за того, что гнала прочь шакалов с Пятнистого холма...

— Не с Пятнистого, а Сумеречного... — робко вставила молоденькая львица небольшого роста, но Таэла лишь повысила голос:

— ...и нам пришлось идти без нее. Так это — правда?

«Вот уж мелочность», — подумала Аратта.

— Львица хочет знать всю правду?

— Да, хочу, — решительно сказала Таэла, желая разоблачить всех и вся.

— Но зачем? — с еле уловимой грустью спросила шамани.

— Как зачем? Никто не должен врать хозяйке охоты. Это недопустимо.

Таэле доставляли удовольствие и развлечение всякие склоки, ссоры, столкновения, интриги. Есть такая порода душ, которым это нравится. Видимо, она теперь хотела поглазеть, как именно Аратта сможет при всех раскрыть небольшой секрет Амриэль, и что с этого получится. Рискованно: с Араттой шутки плоховаты. Но хозяйка охоты знает: это извечная обязанность шамани прайда Союза — во всём помогать дренгиру, ярлам, хозяйкам охоты.

Шамани хватило краткого взгляда на Амриэль, чтобы словить: та действительно завралась. Ну, а Таэла, видимо, наверняка знала об этом; в небольшом представлении она в любом случае собиралась поймать кое-что для себя: Аратта прикроет Амриэль — и можно будет тихо-тихо пожаловаться дренгиру Урузу, что шамани подводит хозяек охоты; Аратта скажет правду — можно будет всячески пожурить Амриэль, даже придумать для нее какое наказание (а кто ж не знает, что Таэла и мать Амриэль издавна не любят друг друга).

Но Аратта тоже всё это поняла.

Раньше Таэла вряд ли бы решилась играть с шамани; но теперь, когда их с дренгиром связывает много больше, чем узы одного прайда, она подумала, что может изобретать всё, что пожелается. Причем игра со стороны выглядит абсолютно справедливой: хозяйка охоты хочет понять, почему ее львица не пошла охотиться. Амриэль это воспринимает именно так, и все остальные — тоже. Но на самом деле Таэле решительно всё равно, что та опоздала.

— Мы все живем во лжи. Пусть львица так не тревожится.

Аратта не имеет желания раскрывать маленькую тайну Амриэль, хоть она вовсе не является ее подругой. Ни одна львица прайда не есть подруга Аратты. Почему? Очень просто: у сильной шамани подруг среди обычных львиц, как ни крути, быть не может. Аратта и рада бы, да невозможно.

— Это плохо. Что живем во лжи, — повела ухом Таэла.

— Не так уж плохо. Будь все правдивы, то жизнь стала бы несносной. Ложь и правда — как тьма и свет. Слишком много света — и ты ослепнешь. Много тьмы — не видишь, — Аратта вымолвила это уверенно, не подбирая слов; так много раз ей говорила наставница Амаринэ.

— Так ты мне не поможешь? — раздражаясь, но сдержанным, вежливым тоном спросила Таэла. С Араттой лучше прямо не загрызаться. Нельзя сказать, что ее в прайде боялись. Но рубить уж точно опасались.

— Не говорила я такого. Я не могу отказать львице своего прайда, а особенно — хозяйке охоты.

— Тогда скажи. Она соврала? — хозяйка охоты не имела терпения на все эти игры слов.

— Ладно, я скажу. Амриэль соврала. Никаких шакалов не было. Теперь львица знает эту маленькую правду. Что дальше? — шамани выжидающе смотрела на Таэлу.

— Теперь пришла пора для наказания...

— А какое оно будет? — тут же уцепилась к слову Аратта.

— Не знаю... Не знаю еще. Разве это так важно?

— Мне любопытно. Кроме того, нужно определиться сейчас. Разве не так?

— Ну... верно, — согласилась Таэла.

— Так какое?

Львица занервничала; ее изводили вовсе не вопросы, а цепкий взгляд шамани, который не отпускал.

— Ладно. Я ей прощаю.

— Такое вовсе не стоит прощать.

Все удивленно и недоверчиво смотрели на Аратту. Эй, чего она добивается? Зачем наказывать Амриэль, ведь провинность совсем невелика?

— Не стоит, но я прощу, — дернулась на месте хозяйка охоты, начав нервно теревить хвостом.

Аратта покачала головой, глядя в сторону и вниз.

— Вот и всё твоё наказание, Амриэль. Признайся теперь, как было на самом деле, — шамани подарила взгляд Амриэль.

Та просто ответила:

— Я была с Маллазом.

— Ай-яй, как могла ты! Молодой львице не пристало пропадать неизвестно где со львами! Ей пристало лишь охотиться! Жуть какая. Твой проступок исцарапал мне душу! — возмущение Аратты было мастерским, но львицы хорошо уловили в нём издевку.

Кто-то хихикнул.

Таэла решила, что стоит как можно быстрее это проскочить, поскольку всё неожиданно сложилось отнюдь не в её пользу. Она быстро сказала:

— Что ж, Амриэль. Больше о таком слышать не хочу. Пойдем...

Но осталось ещё кое-что. На охоту не стоит идти вот просто так; как правило, хозяйки охоты или старшие львицы сами молвят коротенькое благословение-напутствие. Но если в группе или поблизости есть шамани, то традиция Союза велит сделать это им. А в прайде Велари чтут традиции, как нигде. Самое краткое из них подходит для всех случаев, и даже для приветствия: «Доброй охоты!». Есть и побольше: для первой охоты; когда с добычей плохо; для охоты на очень крупную добычу; для охоты во время похода; чтобы гиены с шакалами не мешали; для совместной охоты двух влюбленных, и так далее.

Таэла и остальные выжидающе посмотрели на Аратту.

Шамани подошла сперва к Таэле, к предводительнице. Это — традиционное напутствие на ночную:

— Ступай неслышно под луной охотницы, слушай хорошо ветер охотницы, почувствуй верно коготь охотницы, вонзай дерзко клык охотницы, — Аратта легко дотрагивалась к плечу, к уху, к лапе, к подбородку Таэлы.

Шамани вдруг вспомнила, что терялась, когда обучалась этому напутствию у Амаринэ: всегда почему-то начинала с уха.

И так — каждой львице. Вот Аратта обошла всех. Почти всех, кроме Айнай. Она прекрасно ощущала её неприятие, но всё равно подошла — ведь должна. Как только собралась молвить слова, Айная заговорила первой, сделав маленький шагок назад:

— Извини, Аратта, но всё это — глупости. Предрассудки. На охоте поможет лишь ловкость, быстрота и сила. Мы все это зна... знаем, — запнулась она от волнения. — Ты тоже знаешь.

Это совсем ещё юная львица-подросток, и это одна из её первых охот в группе вообще. Она почему-то решила на такой вот протест, надо сказать, очень смелый, но глуповатый (как оно завсегда в юности и бывает).

На нее недовольно и испуганно зашипели, заурчали, особенно львицы по-старше. Так сломать традицию и пренебречь!

— Сейчас же извинись!

— Ты что, с ума сошла?!

Ее начали совместно хаять и вразумлять; но чем больше все шумели, тем более упертой становилась Айная. Таэла угрожала запретить ей охотиться дней на десять, а потом отдать в иную группу, даже толкнула лапой в щеку, но та лишь олицетворяла собой гордое: «Я вам еще покажу, какая я славная охотница».

Наконец, шум стих. Аратта лишь спросила:

— Ты не хочешь?

Айная уверенно ответила:

— Нет.

— Как знаешь, — Аратта не собиралась упрашивать. Дело личное. Она молвила остальным: — Пусть идет так, на то ее воля.

Таэла вместе с Мшани и Нараей, старшими львицами, решили, что проведут воспитательную работу по дороге, и будет лучше, если Айная вовсю вкусит непростое искусство охоты в забое, а не в загоняющих.

На том и порешили. Когда уж уходили, то Айная вдруг подбежала к уходящей на запад шамани:

— Ты не обижайся... Не подумай, что имею что-то против тебя! Я действительно так думаю, и даже если был бы кто иной, я бы всё равно отказалась, понимаешь? Понимаешь? Без обид, извини, если что...

Терпеливо всё выслушав, Аратта молвила:

— Во мне нет обиды. Ты выбрала свою судьбу.

Юная охотница, молвив «Пока...», быстро убежала догонять группу. Она не подала виду, но слова Аратты определенно взволновали, даже испугали. Пусть лучше бы шамани обиделась, но, честное слово, не говорила этих полных фатализма, но, безусловно, верных слов.

Аратта хмыкнула и спокойно пошла дальше. Айнае определенно следует научиться принимать ответственность за свои поступки. И вообще... Обычные львы и львицы выбирают так: «делать — не делать», «идти — не идти»... Это поверхностно: если тебе нечто удалось, так думаешь, что это полностью твоя заслуга; если нет — уж, мол, таковы обстоятельства, извините... Так жить удобно. А нужно выбирать из последствий. Стоит продумать, к чему ведет каждый твой поступок; и это научит тебя полной ответственности за них. Другие могут позволить себе не делать этого, но действовать иначе настоящей шамани просто нельзя; в противном случае она станет безвольной, утратит намерение, и знание просто растерзает ее в прах.

Ей навстречу идет молодой лев их прайда, Вайлан. Некогда они были друзьями, еще в глубоком детстве. У Аратты никогда не было много времени на игры, ведь она начала учиться очень рано, но с ним всегда было приятно. Потом, когда они чуть подросли, у них вспыхнула взаимная симпатия. Но не более. Вайлан оказался крайне нерешительным и мягким.

«Дурак. А мог бы дерзнуть», — всегда приходило Аратте на ум, когда видела его. Она ж не кусается.

Из-за его откровенной трусости и неспособности принять решение ее симпатия переросла в противоположность. Аратта теперь чувствовала лишь легкое презрение к нему, хотя всегда старалась подавить это чувство, ибо он ей ничего плохого, по сути, никогда не делал.

— Аратта, привет! — даже неким заискивающим тоном обратился Вайлан.

Она лишь кивнула в ответ, стараясь силой взгляда дать понять, что сейчас не время для пустых разговоров.

Но он или не заметил, либо притворился, что не заметил.

— Эм... Ты куда так? И печальная какая-то! — с преувеличенной тревогой молвил он, сделав несколько мелких шажков к ней.

— Как видишь, иду. Вон туда, прямо. Погода сегодня хорошая, правда?

Амаринэ учила, что если хочешь мягко кого-нибудь отвадить от ненужного разговора, то необходимо решительно взять болтовню в лапы, сказать нечто неожиданное, попрощаться и быстро уйти.

— Ну, вполне ничего. И...

— Да, верно, верно. У тебя прекрасное настроение. Я рада, — весело молвила она, внешне оставаясь полностью серьезной.

Несоответствие ее облика словам ввергло Вайлана в оцепенение. Он не знал, что сказать.

— Пока. Доброй охоты.

— Доброй... — протянул он.

Аратта пошла дальше.

Вот навстречу снова попадается Меняя. Она — одна из немногих, кто питает истинно теплое, искреннее отношение к Аратте. Старая львица желает доброй ночи, интересуется, куда шамани идет (и получает, как всегда, вежливый и очень общий ответ), и предупреждает, стараясь оградить от опасностей непростого мира:

— Будь осторожна в ночи.

— Нет-нет... Ночь спокойна и нежна, если ее знать, — уверенно молвила Аратта и кивнула на прощание. Ее путь — на запад.

Она бродит в ночи не только потому, что так советовала наставница Амаринэ. Ей нравится одиночество, потому как с остальными ровно не о чем говорить; даже помолчать не о чем. Так, в тягость... Но для шамани это вполне естественно — быть другой, непохожей, выделяться. Что поделаться, если Аратта не желает видеть только свет дня, думать лишь конкретные, простые мысли, и никогда не смотреть вверх? Потому она не особо беспокоится, ведь ей очень нравится неясный для других путь шамани, эта тропа знания, по которой каждый идет в пугающем и чарующем одиночестве.

И для нее нету никакого выбора: однажды, в детстве, Амаринэ выбрала ее, и пути назад нет. На попятную никто на тропе шамани не идет — некуда. Позади хвоста — пропасть, и ты свалишься в нее сие же мгновение, когда решишь, что лучше пойти назад.

Наставница Аратты была необычной, своенравной шамани. В жизни она пришла к выводу, что шамани не нужна и даже вредна отрешенность. Она любила говорить, что шамани древности не знали, что это такое, потому были невероятно сильны. Ибо были ведомы желаниями и страстями. Амаринэ интересовалась всем, что с ними связано, собирала сведения, предания, рассказы о шамани прошлого; даже сбегала от Ааманы, своей наставницы, куда-то учиться (и никто не знает, куда). Она находилась в вечном поиске.

Она не раз высказывала, что древние шамани не считались ни с кем и ни с чем.

Наставница иногда говорила Аратте в самый неожиданный момент, например, во время трапезы:

— Делай так, как ведет тебя твои воля и намерение. Ты — шамани? Ты — дочь Велари?

Аратта согласно кивала.

— Прекрасно. Тебя должна вести страсть, а не отрешенность. Жизнь у всех одна; так жить интереснее и сильнее, чем убивать свою любовь и ненависть, а потом тешиться и умиляться, потакая себе в том, какая ты отрешенная. Шамани должна хотеть и стремиться к неведомому, желать стать сильной; не прятать свои чувства от себя. И помни, что всё и все вокруг — лишь тени, твои тени. Стань хозяйкой своих теней.

Потому Аратта всегда действовала так, как считала нужным.

Аратта пришла к любимому месту — небольшому и крутому скалистому холму, в котором есть прекрасная, укромная площадка. Всегда, карабкаясь на нее, она думала: «Счастье, что он находится недалеко от прайда». На ней можно спокойно отдыхать, смотреть на луну, прекращать внутренний разговор, сновидеть и делать еще множество разных дел; никто здесь тревожить не будет.

Амаринэ говорила, что это — место силы, и шамани прошлого тоже любили его. Аратту захватывала сама мысль, что они когда-то, много сезонов назад, тоже приходили сюда, как вот сейчас она.

И если приходили сюда шамани прошлого, значит, возможно, была и Шаана, предание о которой хорошо сохранилось — в общих чертах его знали почти все. Правда, она была из прайда Юнити, но вдруг она была здесь какой-то неведомой случайностью... Некоторые, правда, твердили, что история о ней — лишь красивая, но праздная выдумка. Но Амаринэ беспрекословно говорила:

— История правдива. Шаана была ученицей Шелли. Она — шамани нашей линии. Помни это.

Аратта верила наставнице. Ведь она знала наизусть свою линию, и там была Шелли; по крайней мере, ее долг — помнить последних десять шамани, которые передавали знание из поколения в поколение. Аратта повторяла имена шамани своей линии каждый день, чтобы не забыть. Будет стыдно перед своими учениками, если вдруг не будешь помнить...

— Анари, Шелли и Нарра, Иримэ Преданная, Мартиэль, Энная, Кирара, Лейра, Асантэ Безупречная, Аймири и Баширра, Эшалли и Унарр, Амана, Амаринэ... — повторила она, улегшись прямо, ровно и подобрав под себя лапы. В конце Аратта никогда не называла свое имя — еще не время, у нее нету учеников и учениц. Кстати, именно так следовало говорить: «Иримэ Преданная». Сама Амаринэ призналась, что не знает точно, почему, но предполагала, что это — из-за преданности прайду. Что касается Асантэ, то она была сильнейшей шамани и хорошей целительницей, потому и получила прозвище «Безупречная». Унарр же был единственным львом-шамани в их линии, который остался во прайде и стал наставником (редчайший случай!). Корнями их линия уходит во прайд Юнити, но, начиная с Мартиэль, она существует здесь, во прайде Велари. Все они, кроме случайно найденной в саванне Мартиэль (ее нашла Иримэ), у которой погибла мать, были родом из прайда Юнити или Велари. И Аратта тоже — дочь Велари.

Ее наставница избрала путь преданности прайду Велари.

И она пойдет тем же путем. Не потому, что так надо. А потому, что так выбрала. А это много сильнее.

Она расслабилась, глубоко вдохнула ночной воздух несколько раз, закрыв глаза, а потом глянула на полную луну.

Смотря на небо ночи, безусловно темное, как ее душа, Аратта дышит глубоко и иногда прикрывает глаза: ей хорошо. В ней нету для мира упрека, ведь он таков, каким и должен быть.

Некто может сказать: «Слушайте, ведь в ней злоба и злость, раз душа ее темна!». Нет, вовсе нет, слова лишь снова дают обман; на самом деле Аратта лишь загадка, а темнота ее — темнота бесконечности над нами, и в ее душе нету зла; сердце шамани не может держать плохого — для него нет ни доброго, ни худого, но есть лишь безусловность и намерение.

Ее не пугает бездонность вверху, Аратта знает: скоро наступит ее черед туда уйти: никому на земле не отмерено ступить слишком долго.

**

Луна — сестра шамани, и только львиц-шамани. Так учила Амаринэ. Около двух лет назад, когда Амаринэ была еще жива, они вместе шли на охоту (тогда это была одна из первых охот для Аратты). Юная шамани спросила:

— Как луна может быть сестрой? Не пойму, что это значит...

Амаринэ в ответ лишь повела ушами, не желая отвечать, но Аратта действительно желала объяснений. Она пытливно смотрела на нее, а потом даже повторила вопрос:

— Так что это означает?

Тогда наставница сказала, остановившись:

— Смысла говорить нет. Сама поймешь.

Аратта чуть обиделась. Неужели так трудно хотя бы намекнуть?

В тот же вечер Амаринэ сказала, что ученица готова сама уйти в ночь. Всё, что следовало сделать — найти уютное место и там просто глядеть на луну. Казалось, совсем просто.

Аратта сразу знала, в какое место пойдет, поэтому с этим проблем не было. Но в ту ночь ничего не вышло: Аратта вся измокла от внезапного дождя, а луны из-за туч видно не было, что ее очень расстроило. Амаринэ утром рассмеялась:

— Никому знание не дается сразу и даром.

Потом посерьезнела:

— Ничего. Будут другие ночи.

Конечно, были и другие ночи: сначала вторая, потом третья. Аратта честно пыталась остановить внутреннюю болтовню, которую каждый ведет сам с собою, и смотреть на луну. Но инстинкты в темное время работали острее: любой ночной шорох вселял тревогу, а то и страх, уши сами шевелились на любой шум, шерсть на загривке вставала сама собой; кроме того, глаза уставали неотрывно смотреть навверх, на белое пятно. В общем, Аратте вовсе не понравилось, да и ничего особенного не получалось.

Она решила, что история с луной есть некое иносказание, символ духа, но больше ничего, чем и поделилась с наставницей утром.

— Ой, нет-нет, — молвила Амаринэ, размешивая черный-черный сок хирайи в панцире. — Нету здесь иносказаний. Их еще не хватало. Для них попросту нет места. Помни: шамани прошлого, которые подарили нам это знание, были предельно поглощены поиском силы. Они не тратились на пустяки.

Во время речи она размахивала лапой, и, в конце концов, нечаянно топнула прямо по панцирю. Черный сок брызнул во все стороны, и они двое оказались с лап

до ушей в маленьких пятнах. Аратта отряхнулась, прикрыла рот лапой. Вконец — рассмеялась, хотя всячески старалась удержаться.

— Ой... В общем, когда будет хорошая погода, то продолжай, — отряхнула лапу наставница.

— Амаринэ нужна помощь?

— Не надо. Спасибо, — поблагодарила та, всё еще рассматривая беспорядок, который натворила.

А потом, в одну ночь, всё было как всегда. Аратта честно пыталась, и у нее честно мало что выходило. Точнее, вовсе ничего. Устав чего-либо ожидать (тем более, Аратта не знала, чего именно ждет), она просто прислонилась к камню, прижав уши. Прикрыв глаза, вздохнула, потом посмотрела на луну. Почти полнолуние, ночь яркая, светлая. «Красиво... Но надоело...», — подумала юная шамани.

Она томно вытянула лапы; появилось желание уснуть. Не отрывая взгляда от сестры шамани, снова закрыв глаза, несколько раз ударила хвостом о землю, и вдруг почувствовала хорошо знакомое чувство озноба в спине, шее и между ушами, которое много раз испытывала в сновидении и перед ним: будто некто вытягивает твою душу наружу. Это же ощущение даже можно нарочно вызвать, чтобы сновидеть. Только теперь оно оказалось пугающе сильным, слишком сильным; Аратта знала, что пугаться нельзя, но страх закрался. Юная шамани решила раскрыть глаза, вернуться в хорошо знакомый мир, но вместо этого вылетела из тела, и очутилась сверху самой себя.

«Как быстро... Какой быстрый переход...», — только и подумала она, разглядывая саму себя внизу. Мысли кристально чисты и ясны; никакой спутанности сознания и нечеткости, которые обычно сопровождают выход из тела, нет. Мир вокруг тоже необычно четок. У нее в жизни уже было достаточно такого опыта, чтобы сравнить; ничуть не испугавшись, Аратта осмотрелась вокруг. Вроде всё как всегда, она точно — вне тела, только луна очень-очень сияет: свет будто проникает повсюду, а особенно сквозь ее второе тело.

Она поняла, что раз уж так распорядилась судьба, появилась такая возможность, то утрачивать ее не стоит, и решила переместиться обычным для этого состояния способом — посмотреть на любое место вокруг себя, где хочешь очутиться.

Но вместо этого, ее свободное от бремени сознание устремилось вверх; яростный шум, который часто предвещает сдвиг сознания, — и вот Аратта в странноватом месте. Вокруг нее скудный пейзаж, какие-то камни, и отнюдь не ночь, но день. Солнце тут какое-то... блеклое. И всё остальное как-то тоже. Она пытается сделать несколько шагов, и это удается, но с трудом. «Тут весьма трудно ходить...», — ясно подумала она. — «Наверное, нужно перемещаться взглядом». Вспомнила совет Амаринэ:

— Смотри на свои лапы, если хочешь, чтобы сновидение стало лучше и четче.

Это было точно не обычное сновидение, но Аратта решила использовать этот прием. Посмотрела: лапы, как лапы. Они не переливаются, не полупрозрачны и не странного вида, как может быть в простом сновидении. Сделала еще несколько шагов; когда вспомнила, что не чувствует земли под лапами, то тут же ощутила мелкий песочек. Ощутила легкий восторг, знакомый каждой шамани, у которой всё получилось: она — сильна, она — может, она бродит по удивительному миру, и тайна рядом с ней...

Аратта побродила немножко, осмотрелась. Внимание привлёк большой валун, который, казалось, тихо сиял, и при взгляде на него ощутимо раздражало глаза (если, конечно, можно сказать, что у второго тела шамани есть глаза). Она подошла к нему; уловив безмолвное знание, поняла, что он весьма важен для нее, но Аратте никак не удавалось рассмотреть что-то на нем, будто испортилось зрение. Она пробовала так, и эдак; после нескольких попыток посмотрела вдаль, считая, что это поможет, но вместо этого Аратту с жуткой силой снова унесло вверх.

Теперь она очутилась в некоей совершенно странной местности. Казалось, она в пещере, только стенки переливались синим светом, а входов было множество: сбоку, сверху, по бокам — повсюду. Тела у нее теперь словно и не было, но можно было свободно перемещаться по этим пещерам-туннелям; перемещение было быстрым, но в то же время Аратта успевала всё осознавать. Ощущения понравились, Аратта летала так весьма долго, пока не вспомнила о самой себе, лежащей у камня под луной. Испугалась, что может не вернуться; когда появилась эта мысль, то белые переливы на стенках угрожающе замелькали. Аратта получила ясное безмолвное знание, что эти блики обладают неким своим, таинственным осознанием; они, в некотором роде, живые. Один из них влетел просто в нее, словно хотел изгнать из этого мира; волна жуткой вибрации и дрожи по телу, яркий свет, и снова ощущение, будто улетаешь вверх.

Но Аратта оказывается не дома, а в некоем красно-буро-черном мире. Всё вокруг такого вот неприятного цвета, и сделано словно из вязкого камня. Неба нет — оно тоже состоит из этого камня. Аратте здесь не нравится, страшно не нравится; приходит знание, что здесь нету ничего живого, более того, этот мир чужд всему живому. Она твердо решила возвратиться назад, под луну, в ее родной мир; охватил страх, что есть риск не вернуться. Зная, что во втором теле сказанное вслух становится чистым *намерением*, она прорычала (что далось с большим усилием):

— Домой!

Рев в ушах, провал вниз, темное пространство, потом снова рев, и Аратта словно мгновенно влетает назад в тело. Всё произошло очень быстро... Немного опомнившись, замечает, что часто дышит, а сердце — бешено колотится. Глаза закрыты. Пошевелившись, Аратта обнаружила, что находится в совершенно беззащитной позе на спине. Отряхнувшись, встала на лапы. Походила немножко, села. Начала вылизывать лапу, чтобы дать покой самой себе.

«Что будет, если так тебя найдут гиены... Или какой лев», — с тревогой подумала она. — «Впредь осторожней буду...».

Потом посмотрела на луну. Та продолжала скромно и загадочно сиять.

— Ах... Аааай... — протянула Аратта. Потом добавила: — Мрррр. Сестра...

Таковым был ее первый опыт с луной.

Понятное дело, что утром наставница была поймана у водопоя и со всех сторон забросана вопросами, невзирая на любопытные взгляды львов и львиц прайда, которые заметили необычный, живой энтузиазм Аратты.

Амаринэ немедля отвела ее в сторону, подальше от лишних глаз и ушей.

— Тихонько, успокойся. Теперь ты знаешь, почему шамани уходят в ночь. Существует время силы. Для всякой шамани оно разное, но в любом случае связано с луной. Она иногда помогает тебе, дает много силы, причем совершенно даром, как помогает близкая родственница или подруга, не требуя ничего взамен. В это время удается всё: сновидение, хождение в другом теле, уход в другие миры, даже рамзану

лучше делать или любое другое лекарство... Да что угодно... Теперь знаешь, почему луна — сестра.

— Причем старшая, — вдруг добавила Аратта.

— Вот! Вот! Ты начинаешь учиться, — было видно, что Амаринэ гордится ученицей.

Аратта начала, размахивая лапой и хвостом, пересказывать всё, что там видела, не успевая за собственным потоком слов. Наставница же спокойно лакала воду, слушая ее рассказ с таким же ровным сердцем, с каким слушает хозяйка охоты историю львенка о первой пойманной мыши.

— Кстати, а у львов-шамани то же самое?

— Что именно? — наставница не поняла вопроса и перестала пить.

— Им тоже луна помогает?

Амаринэ утерла воду лапой с носа.

— Хороший вопрос... Честно говоря, знаю об этом плохо. Амана говорила, что не помогает. Думаю, нет.

— Те места, в которых я была... Это другие миры, о которых львица рассказывала?

— Да, вполне. Это уже не обычное сновидение. Ты начала путешествовать во втором теле по бесконечности...

Они начали обсуждать эту тему. Вопреки обычному, Амаринэ теперь была словоохотлива, и рассказывала всё, о чем спрашивала Аратта, что привело ту в еще больший восторг. Амаринэ, оказалось, в молодости имела пристрастие к путешествию по иным мирам.

— У меня хорошо получалось по мирам скользить. Мне нравилось...

Выяснилось, что мир, откуда Аратта решила побыстрее убраться, очень нравился Амаринэ.

— Львица тоже его видела?

— Да.

— Выходит, его все воспринимают одинаково?

— Мы с тобой примерно одинаково воспринимаем наш родной мир, не так ли? Так и его тоже... — молвила Амаринэ и принялась. Потом буднично заметила: — Кажется, наши с охоты идут.

— Я примерно так и думала... Но... это действительно так странно...

Наставница подарила взгляд, полный укора.

— Не поддавайся вот такому детскому изумлению. Шамани не пристало потакать себе в удивлении. Шамани пристало быть сильной.

Это было любимое у наставницы: «Не потакай себе в том... Не потакай в этом». Потому Аратта сразу перескочила на другое:

— А почему наставнице так понравилось это жуткое место?

Амаринэ охотно рассказала, что ничего жуткого в том мире нет; наоборот, ей нравилось то, что в нем почти нет живого.

— Наверное, у меня мрачная натура, — молвила Амаринэ, призадумавшись. — Правда, его единственный, но серьезный недостаток — попасть в него сложно, он требует много силы, и даже с помощью сестры-луны и хорошего места он не всегда примет тебя. Вот что самое главное: в нем шамани может получить различные знания и навыки, которые обычными способами получить крайне трудно, и которым практически невозможно научить.

Это уже интересно. Аратта наострила уши.

— А какие именно?

Странно заулыбавшись, наставница вдруг уклончиво ответила, вильнув хвостом:

— Да ну, это такое...

От этих слов Аратте стало ну жутко любопытно.

— Пусть Амаринэ скажет, жизнью прошу!

— Ладно, ладно, — наставница мгновенно сдалась. — Понимаешь, — Амаринэ бросила взгляд на далекий силуэт дренгира Уруза, который шел к водопою в компании своих львицы и сына, — там всегда получаешь не совсем то, что намереваешься. О возможности получения всякого знания в том мрачноватом мире я узнала от Аманы. И сразу этим восхитилась. Сразу захотела научиться чему-то очень важному, узнать страшные тайны жизни и бытия. Также я хотела узнать, как это... ну... как бы... сводить с ума львов красотой, но... вместо этого вынесла всякие мелкие умения и смешные тайны. Точно помню: перед уходом в этот черный мир я вслух изрекла намерение: «Желаю знать, как сшибать львов с лап!». Конечно, это было в смысле любви, красоты, желания. Ну, а теперь гляди... Смотри внимательно.

Уруз говорил нечто неприятное своей львице, Айлаане: снова ругался. Та отвечала молчанием. Вдруг он споткнулся о что-то и плашмя упал наземь; когда встал, то начал ругаться еще сильнее.

— Видела? — спросила веселым тоном наставница.

— Да, Уруз почему-то упал. На ровном месте, бывает...

— Это по моему намерению.

— Как так?

Вместо ответа Амаринэ снова посмотрела на Уруза, который продолжал браниться и отряхиваться; Аратта внимательно наблюдала за наставницей. Вдруг та прищурилась, и дренгир, который было только начал идти, снова споткнулся! Теперь, правда, он не упал, успел удержаться на лапах.

— Что это за чепуха?! — прорычал он, оглядываясь: вдруг кто ему лапу подставляет? С подозрением посмотрел на сына Хагала. Это он вздумал очень глупо пошутить?

Айлаана лишь стояла молча, не понимая, что происходит.

— Ох... Получается, Амаринэ в прямом смысле может сваливать львов с лап?

— Да. Причем только львов. Можно сказать: что хотела, то и получила...

— Пусть львица больше так не делает. Уруз будет злиться на Айлаану и Хагала.

Амаринэ немного помолчала.

— Хорошо. Это я так... Чтобы показать... В молодости любила повеселиться.

Возникла неловкая пауза.

— А еще что львица там узнала? — нарушила тишину Аратта, спрятавшись в тени камня.

Амаринэ молчала, словно думала, отвечать или нет.

— Рыку, что оглушает.

— Аааа, так это там львица ему научилась?

— Да. Довольно бестолковое умение. В него вкладывается сила, стремление сдвинуть, сбить чужое сознание. Он требует силы; это опасная и непредсказуемая

вещь, и часто плохо кончается как для шамани, так и для жертвы. Так что будь осторожна с ним.

Аратта о нем знала, потому описание было лишним.

— Но ведь ему можно научиться и от наставницы, правильно?

— Верно. Просто это будет дольше.

— Львица меня научит?

Амаринэ равнодушно кивнула. Научит.

— Ты лучше сама попробуй посетить тот мир. Может, и тебе какое знание перепадет, более интересное, чем выпало на мою судьбу, — улыбнулась Амаринэ, тепло глядя на Аратту. Наставница всегда словно скрывала любовь к ученице, но иногда можно уловить редкий момент, когда хорошо заметно: Амаринэ любит Аратту. — Возможно, тебе повезет больше...

А через пару дней Амаринэ погибла, сорвавшись с отвесной скалы, далеко от прайда. Нашли ее не сразу, и никто не знал, как и почему она там очутилась. Она так и не успела всему обучить Аратту. Много чего не успела.

В жизни Аратты не было более тяжелого дня, чем день смерти наставницы.

**

Elend (The Umbersun) — Moon of Amber

Аратта не испытывала большого интереса к блужданию по мирам. Потому сегодня, как и все прошлые ночи под луной, она не особо намеревалась посетить тот самый тяжелый черный мир, или же какой иной. Ей вполне достаточно яркого сновидения, хорошего выхода из тела, чтобы тихо побродить по миру, не причиняя никому беспокойства и зла.

Уже после смерти Амаринэ юная шамани выявила интересную вещь: помогало ей не только полнолуние, но и новолуние или охотная луна, когда совсем-совсем темно и светят лишь звезды. Если первое было обычным практически для любой шамани, то второе — странно и вряд ли объяснимо. Аратта не раз думала об этой странности; но спросить было не у кого — жизнь сызмальства приучила ее к самостоятельности. Аратта одна, совсем одна на весь большой прайд Велари, но она уже свыклась и давно со всем справляется, не боясь ничего.

Привычно уютившись, прислонившись правым боком к уже холодному камню, Аратта закрыла глаза, ясно чувствуя, что сегодня луна снова поможет. Но сегодня всё произошло иначе, чем обычно.

Сама того не желая, сегодня она попала в этот мир, который для себя уже звала «первым», поскольку его достичь — проще всего. Аратта снова наткнулась на тот самый странный камень, причем он светился ярче, чем прежде, и нечто было на нем нарисовано; она вовсе не запомнила, что именно, но когда ее сразу выбросило домой, в свое тело, то она ясно помнила лишь один смысл, который успела поймать: «путь».

Опыт был необычно коротким и быстрым. Быстро вошла, быстро и вышла.

Аратта открыла глаза; билось сердце, как обычно бывает после выхода из тела или сновидения. Взглянула на сестру-луну, потом встала, отряхнула лапы, немножко подумала. Ясно, что сегодня больше надеяться не на что и следует идти домой. «Неожиданно... Что это за знак?», — задалась она вопросом.

От этого места к прайду не очень далеко; тем более, в такую хорошую, звездную ночь прогуляться назад домой — одно удовольствие. Аратта решила обойти Охотничий холм, который называли так потому, что с него было видно всё вокруг, даже лучше, чем с небольшой скалы дренгира. Неохота тратить силы, лучше дольше, но спокойнее обойти его. Лапы ступали по сухим и жестким травам, иногда те неприятно били то по лапе, то по щеке. Что поделаться — сухой сезон. Оттого и теплая ночь, оттого и такая яркая.

Аратта заметила за собой странное состояние: будто сновидение не полностью отпустило ее, а сознание задержалось между ним и явью; оттого всё вокруг казалось далеким и нереальным. И юная шамани ясно понимала суть слов о том, что мир нереален, как иногда говорила Амаринэ; более того, это было вполне конкретным ощущением, а не праздным измышлением ума, которому нечем заняться.

Состояние было приятным и легким, потому Аратта и сама не заметила, как добралась к главному месту собрания прайда. У веларийцев земли большие, потому оно часто меняется — кочует с холма на холм. Пещер здесь нет, потому все ложатся на отдых где придется; но дренгир всегда отдыхает возле места собрания — такое правило.

Шамани шла по нему — это наиболее короткий путь к одинокой, крутой, остроконечной скале: традиционному личному месту всех шамани Велари. Называли ее по-разному: Холодной (внутри нее, в нише — холодно), Северной (ниша с трех сторон закрыта скалой, а проход выходит на север) или скалой Анлиль (а вот почему именно так, уже никто не помнил); как и дренгир, Аратта не вольна находиться, где вздумается, а должна спать именно возле нее; если же куда отлучается, то прайд должен знать об этом.

Все вокруг спали, потому она ступала тихо.

— Аратта... Подойди сюда, пожалуйста.

Она слышала, как ее позвал дренгир, но смысл слов очень плохо улавливался сознанием; силясь понять их, Аратта уставилась в точку перед собой, чего оказалось вполне достаточно, чтобы сознание начало уплывать: ее силы начинали жить своей жизнью. Об этом Амаринэ предупреждала, и, как всегда, это дало о себе знать в тот момент, когда меньше всего ждешь. Снова то самое ощущение, будто всю душу тянет вверх, а по всему телу, от ушей до хвоста, течет колючая вода. «Сейчас свалюсь и вылечу из тела», — вполне просто и буднично подумала Аратта. — «Ай-яй...».

Иногда сестра-луна дает слишком много силы; так, наверно, было и теперь, потому Аратта управиться с ней не могла.

— Аратта? — громче обратился к ней Уруз.

Она уже находилась в полнейшей темноте, в которой иногда оказываешься, если выходишь из тела, но странным образом еще слышала мир вокруг самым обычным слухом. Такое бывает: одной лапой тут, другой уже там...

Но голос дренгира всё же вернул в обычный мир: темнота исчезла, лапы держали, а глаза смотрели на неясные трещинки земли, которые почему-то поблескивали от слабого света луны. Аратта тряхнула головой. Конечно, лучше всего сейчас окунуться в воду, чтобы полностью стать частью своего, домашнего мира, но негде.

Шамани подошла и слегка поклонилась. Уруз устало лежал под деревом, вытянув лапы во всю длину.

— Ты как?.. — спросил он в обычной манере. Он всех это спрашивал, даже если и видел в десятый раз за день.

— Хорошо, — вдохнула она ночной воздух.

Уруз без предисловий начал:

— Завтра утром Хагал отправляется в Иллари. По дороге зайдет в Хартланд. В общем, попрошу тебя пойти с ним. Приглядишь за ним, а потом мне расскажешь, что было да как... Кроме того, именно тебе предстоит вместе с ним держать прайд, когда я отойду от дел. Потому вам не помешает узнать друг друга как можно лучше.

Дренгир всегда так: решает всё быстро, неожиданно, импульсивно. И ставит перед фактом своего решения.

— Ты можешь пойти? Нету у тебя никаких дел?

Аратту никто не может подменить — во прайде нет другой шамани. Но сейчас никто не болен, помощь никому не требуется. Значит, можно.

— Могу. Мы пойдем вдвоем?

— Еще будет Бастис.

Хагал, сын Уруза, питал тайную, неразделенную симпатию к Аратте, но очень боязливую и вялую; молодой шамани не очень хотелось идти с ним наедине. Нет, она ничего не боится, ей это вовсе не пристало, но идти с ним вдвоем было бы скучно и нелепо. Хагал вообще-то лев неглупый, хороший и старается всячески походить на будущего дренгира, но получается у него не очень; Аратта иногда подумывала, что ей и прайду, когда он таки им станет, придется непросто.

— А зачем мы идем? — Аратта решила сейчас вытянуть побольше сведений и подробностей, ибо знала: днем у дренгира на это точно времени не найдется.

— В Хартланд вы зайдете так, из вежливости. Новости узнать, конунгу почтение отдать. А в Иллари у Этиайнена нужно договориться... там... — Уруз вяло махнул лапой. — В общем, Хагал знает, о чем. Я бы сам пошел, да не могу — дел многовато; да и для Хагала этот поход будет неплохим уроком. А ты с ним пойдешь так... просто... В Хартланде побываешь, в Иллари — тоже. А мы тут постараемся без тебя справиться.

Для Уруза Аратта — самая полезная и нужная львица во прайде; он полагал, что она в чем-то даже лучше, чем Амаринэ — та была весьма своенравна, а Аратта — крайне исполнительна, никогда не откажет, на нее всегда можно положиться.

Дренгир смотрел на нее, ожидая ответа, но шамани сидела молча.

— Вы с Хагалом должны находить общий язык, — добавил он.

— Мы всегда находили.

— Тем более. Так что? — с напором спросил он.

— Как дренгир говорит, так и сделаю.

— Я другого и не ждал, — довольно молвил Уруз, в уме отметив, что еще одно дело решено. — Доброй ночи.

— Доброй ночи моему дренгиру.

Уруз тут же лег спать, а шамани пошла дальше.

«Вот и стала понятной суть знака», — подумала она. Что ж, в путь так в путь; правда, их будет неожиданно мало — лишь она, Хагал и Бастис. Но, в целом, она обрадовалась возможности постранствовать — ведь это завсегда интересно. В Хартланде стоит навестить единственные родственные души в Союзе: двоюродных братьев и тетушку Меану. Больше родни у Аратты нет. Отца она не знала, а мать где-то, наверное, ступает по земле: она ушла с каким-то львом-чужаком, когда Аратта была еще совсем маленькой и еще даже плохо ходила. Этот лев, наверное, и был отцом. Но почему мать бросила ее — никто не знал. Эта трагедия оставила неизгладимый след на образе мыслей и характере Аратты.

У шамани прокатилось своеобразное чувство озноба меж ушами и по загривку. Она остановилась, принялась, осмотрелась. Слева, в десяти прыжках, зашуршали редкие кусты мирассы. Так и есть — кто-то там сидит и за ней наблюдает.

— Ну, выходи, кто там.

Никто и не собирался выходить, потому Аратта решила уж было пойти дальше, подумав, что чувства подвели и это какой дикобраз (они — любители копошиться по ночам).

— Аратта... Аратта-шамани! — неуверенный детский голос, с оттенками страха.

Она снова повернула голову, наострила уши.

— Пусть львица простит. Хотел лишь спросить...

Неизвестный львенок (Аратта не узнала его по голосу) продолжал боязливо сидеть в кустах. Потому она подошла сама. Ах, это Эхмай.

— Чего тебе? — мягко спросила шамани и прилегла.

Эхмай теребил сухие ветки. То, что он собирался спросить, ему было абсолютно неинтересно. Просто после сегодняшнего рассказа Менаи друзья начали подтрунивать над ним и называть трусом, ведь он сам признался, что «боится спрашивать Аратту». Эхмай с достоинством ответил, что просто пошутил. Слово за слово, и порешили: Эхмай подойдет к ней ночью (!), где никого вокруг не будет (!), и заговорит с нею первый (!), а потом задаст какой-нибудь вопрос (!). Понятное дело, друзья будут наблюдать, чтобы удостовериться. Кажется пустяком, но для львят это — сущий подвиг, ведь мамы предупреждали не пересекаться без нужды с Араттой. Потому львятами придумывались полные мрака и тайн страшные детские истории о том, чем занимаются шамани, особенно ночью.

— Я хотел спросить... Сегодня Меная рассказывала всякие исто... истории... Ну, вот, ну и говорила, что когда-то были ненастоящие шамани... И я хотел просто узнать, правда ли это. Эм... как так может быть? — ветка хрустнула под его маленькой лапой.

— Они были во все времена. Есть и сейчас. Хочешь знать, что это значит?

— Да.

— Точно?

— Аааа... Точно, — повел ушком Эхмай.

— Хорошо. Но я не расскажу, а покажу тебе. Так лучше.

Аратта встала, приложила лапу к груди.

— Сейчас я буду ненастоящей.

Маленькая пауза. Она начала веселым и легким тоном, поигрывая хвостом, но лишь глаза вовсе не выражали радостного настроения:

— Ах, Эхмай, ты желаешь знать, что такое ненастоящие шамани, — глубокомысленный вздох. — Что ж, поведаю тебе. Вот в чем суть: они учились плохо, нехорошо, встали на наш путь не по зову, потому у них нету силы и они ничего не умеют. Вот так! Они причиняют много-много вреда нашему пути, пятная своими поступками и незнанием хороших шамани. Ты, конечно, можешь спросить, правдива ли я. Я бы тебе, конечно, показала, но боюсь, ты еще слишком мал, чтобы справиться с этим. Потому — расти большой!

После этого легкий настрой словно ветром сдуло, и Аратта молвила:

— Сейчас постараюсь быть настоящей, — в словах, сказанных с придыханием, играли такие полутона, что Эхмай сжался и страшно пожалел о затеянном. Стало жутковато и очень неудобно.

— Боюсь, твоим друзьям, которые справа, в кустах, будет чуть непонятно, — громко молвила шамани; от этих слов у Эхмая чуть не выпрыгнуло сердце. Тотчас там раздался громкий треск: у кого-то сдали нервы, и зрители сочли за лучшее удрать прочь.

Он решил проситься. Шакал с ним, со спором: страшно!

— Аратта, пожалуйста... Я не буду больше...

— Ты боишься?

— Ага.

— Но чего ты боишься? — Аратта прижала его, боязливо, к себе.

— Не знаю.

— Тебе уже не интересно?

— Мне не было интересно. Я так... Мы просто...

— Но я должна тебе показать, ты спросил меня. Выбора нет. Ты сам выбрал свою судьбу.

Как-то враз мыслей не стало, словно их украл сверкающий взгляд Аратты. Он так избегал его, но она смогла поймать. Притупился и страх, а потом и на него кончились силы — он попал в бесконечность блестящей темноты.

И Эхмай распластался по земле, а рядом с ним зачем-то легла и Аратта, положив его лапку на свою. Она будет сновидеть вместе с ним: шамани может своей силой забрать в сновидение чужую душу, а особенно если она принадлежит львенку — дети не поглощены полностью обыденным миром, еще не привыкли жить, в отличие от взрослых.

**

Утром, сразу по пробуждению, Аратта сделала удивительное открытие: в облаках много красок, тонов и мягких полутонов, особенно если смотреть их игру вместе с восходящим солнцем. Нет, небо было и раньше, но как-то Аратта не замечала этого богатства. «Когда солнце взойдет выше, то игра света исчезнет. Это — лишь короткий миг. Воистину, нужно ловить момент, как добычу...». Томясь, она так лежала невесть сколько времени, утратив к его течению всякий интерес.

Сегодня они начнут свое путешествие. Хагал знает, где ее найти; но его пока нет, потому можно полениться.

Он вскоре должен стать правителем прайда, чему он без утайки рад и чем весьма гордится. В целом, это прайду решать, кому быть правителем (от отца к сыну правление само по себе не переходит — строгий закон Союза), но все знали наперед, каковым будет результат общего сбора.

С будущим правлением Хагала также связана одна весьма темноватая история. Кроме него, главой Велари (а это — полсотни голов) мог стать еще один молодой лев по имени Намиру́, из старого рода. Так вот, этот Намиру был ближе сердцу всех львов и львиц прайда (кроме, понятно, рода Хагала), поскольку слыл умным, сильным, смелым и весьма находчивым молодым львом. Надо сказать, небезосновательно: однажды он пришел вместе с охотничьей группой весь исцарапанный, в крови; выяснилось, что некие пять львов-чужаков решили вдруг ни с того, ни с сего пристать к охотницам прайда на восточных угодьях. Видимо, эти чужаки решили позабавиться, зная, что обходов там нет. Но Намиру не растерялся (он в этот день помогал охотницам), а сказал львицам ничего не бояться; чужаки стали насмехаться, но Намиру просто бросился на них. Понятно, львицам ничего не оставалось,

кроме как броситься вслед за ним. Обескураженные таким сопротивлением, чужаки сочли за лучшее ретироваться, а Намиру снискал уважение.

Но однажды Намиру вдруг взял и ушел в другой, соседний прайд Делванни. Это был весьма странный выбор: Делванни всегда считался самым слабым прайдом Союза. Собственно, он мало что объяснил, утверждая, что желает «уйти и устроить свою жизнь». Ходили слухи, что за день до ухода его видели вместе с Урузом и Айлааной, которые оживленно с ним разговаривали, в чем-то убеждая.

Аратте Хагал не очень нравился (хоть она и не питала к нему неприязни) из-за глубокой нерешительности, которую тот всегда прятал внутри; мечтатель и фантазер по натуре, он рано или поздно разочаруется и устанет влачить тяжелую ношу дреңгира. Но с ним придется ладить, ведь она избрала путь преданности Велари.

«Каждый хорош на своем месте... Но бывает и так», — подумала Аратта. Впрочем, для нее нет разницы, ведь, в конце концов, имеет значение лишь вызов, который ей бросила судьба; и остальные тоже должны принимать свои вызовы. Все мы одиноки в этом.

Она перевернулась на другой бок, стараясь спрятать глаза от утреннего солнца. Так пролежала совсем недолго, а потом и вовсе ушла внутрь своей скалы. В ней Аратта хранила множество панцирей, полученных в наследство от Амаринэ (а ей они достались от Аманы), а еще: добрый десяток полых плодов кигелии; всевозможные цветы, травы и корни — сухие и не очень; большие листья дерева хум; три черепа антилопы; огромное количество сока хирайи, которое некогда заготовила Амаринэ, и который теперь лежит себе без дела; палка для лечения зубов из очень твердого дерева, которую следовало закусить тому, кого лечат; еще одна, такая же, но поменьше — для львят; очень красивый прозрачный камешек, который когда-то нашел один из львов прайда (он был тверже любых зубов и когтей, костей и других камней, грани его — острые и совсем не ломались, и шамани Велари решили сохранить любопытную вещицу); небольшие кусочки ярко-желтой смолы дерева ига, которая чудесно лечит раны, но, к сожалению, страшная редкость в здешних краях (поскольку самих деревьев ига тут очень мало); эти кусочки, в свою очередь, хранятся в огромном, даже монструозном панцире черепахи, который непригоден ни для чего другого: некогда треснул (не без помощи Аратты, которая упустила его со скалы).

— Спит еще, наверное, — подумала она вслух о Хагале.

Аратта, чтобы не скучать, взяла к себе под лапы самый старый панцирь из всех, которые у нее были, и начала неспешно рассматривать. В нем она уже ничего не делала, но хранила как наследство прошлого. Интересно, что на нем сохранилась очень старая и глубокая царапина, которую, по преданию, оставила шамани Шаана. Аратта провела по ней когтем, потом еще раз и еще; конечно, она не верила, что история о царапине правдива — слишком уж неправдоподобно звучало. Как бы там ни было, предание и панцирь всё равно исправно передавали из поколения в поколение.

Аратта прикорнула, положив мордочку на панцирь. Телу так оказалось очень удобно, потому она плавно начала уходить; напряжение раздумий отпустило ее душу, потому она уснула и рассталась с собою.

Ей снится сон, самый обычный сон; намерения сновидеть, осознать себя, у нее не было. Вокруг много играющего света, Аратта на какой-то большой скале; она вроде и узнает это место... Возле нее — львица: стройная, шерсть у нее темного окраса, карие глаза, постоянная игра хвостом, улыбчивость и скромность в повед-

ках; Аратта чувствует родство с нею, будто это троюродная сестра, которую встретила лишь теперь, но всегда знала о ее существовании. Они о чем-то беззаботно болтают, то ли о погоде, то ли об охоте. Потом незнакомка признается, что ей очень нравится это место, где они находятся, и она всегда любила здесь сидеть. Аратта вдруг замечает, что у нее на мордочке выступила кровь, и глубокие царапины на левой скуле и челюсти. Она хочет помочь львице, говорит, что она — шамани, и может вылечить, на что та беззаботно отвечает:

— Ах, это... Это я получила очень давно, не обращай внимания. Твоя помощь пригодится другим.

Вдруг Аратту кто-то зовет:

— Аратта... Аратта!

Сначала юная шамани никак не может понять, кто это, а потом просыпается в обнимку с панцирем.

Это пришел Хагал.

— Как ты забавно спишь, — улыбнулся он. — Доброе утро.

— Доброе. Чуть вздремнула... В путь?

— Я и Бастис готовы, но... — замялся Хагал. — В общем, наверное, мы без тебя пойдем.

— Отчего так? — спокойно спросила Аратта. — Не хотите брать?

— Нет-нет, — поспешил оправдаться лев. — Тебя ждут Таэла и ее львицы. С Айнай что-то случилось на охоте сегодня ночью.

— Что? — наострила уши шамани. — Что с ней?

— Не знаю.

— Ты ее видел?

— Нет. Меня попросили тебя позвать.

— Почему они сами сюда не пришли?

Хагал недоуменно покачал головой.

— Ладно... Так, где они?

— У трех деревьев, возле сбора. Мы просто подумали, что если там всё серьезно, то тебе придется остаться... — это Хагал сказал уже на бегу; за это время Аратта успела прихватить охапку сухой сон-травы из запасов: простое и слабенькое средство, чтоб уснуть. Что-либо иное смысла брать нет: она не знает, что стряслось.

Когда Аратта прибежала вместе с Хагалом, то там уже было добрых полпрайда. Здесь же находился ярл Сантаяна: маленький, глуховатый лев, не без странностей, злобный от природы. Дренгира пока не было. Аратта взволновалась — если столько внимания, значит, там что-то серьезное.

— Что случилось? — спросила шамани сквозь зубы. Положила сон-траву на мать-землю. Снова спросила: — Что?

Все расступились, дали место. В центре всего были Таэла, мать Айнай Реная и сама молодая охотница, лежащая на боку.

— Ее слон на охоте подмял под себя, — испуганно молвила Реная. — Как же так...

— Когда?

Все наперебой заговорили:

— Еще до восхода! Затемно!

— Почему раньше не позвали? — вздохнула Аратта от эдакой всеобщей нерасторопности.

— Пока то, пока сё... Она сначала шла сама, — ответила Таэла.

Спешно прибыл дренгир.

Аратта начала осматривать неудачливую охотницу, а дренгир — выяснять ситуацию. Перво-наперво он сказал всем отойти и не мешать, потом пожурил при всех Сантаяну, что тот сам не догадался так сделать. Далее начал расспрашивать Таэлу; та явно нервничала, поскольку несла изрядную долю ответственности за всех львиц своей группы. Выяснилось, что они охотились на слонов. Дренгир разозлился:

— Как так — на слонов? У нас что, голод? Добычи не хватает?!

Впрочем, он слишком голос не повышал, поскольку Таэла — его тайная любовница. И знает это только он, она, ну и Аратта (а то ей не знать). Хотя, по правде, ночная охота на слонов — самая рискованная из всех; теперь в ней не было нужды, но, верно, хозяйка охоты решила таким странным образом проучить своих львиц, особенно Нинлиль и Айнаю.

Аратта позвала Айнаю по имени, потом лизнула в щеку. Но та не пришла в сознание. Это очень не понравилось шамани: может быть внутреннее кровотечение, «кровь изнутри», как зовется это среди целителей. Такое, как и огонь в крови, почти не лечится. Она ткнула носом в ее нос, уши, лапы, потом послушала сердце, дыхание; осторожно прошлась лапой повсюду. Но странное дело — вроде нигде никаких переломов, и, по всему, Аратта чувствовала ее как здоровую. Ничего трагичного. Закрыв глаза, лапой постаралась найти, где боль; первое, поспешное и тревожное впечатление прошло, и силы шамани ожили.

— Переверните ее, — приказала Аратта.

Все с опаской глянули на шамани. Стоит ли?

— Переверните на левый бок, ну же!

Хагал вместе с двумя другими львами осторожно проделали это.

Аратта начала довольно бесцеремонно ее трясти:

— Айная! Айная!

Так будят тех, кто всюю проспал общий сбор прайда, но вовсе не приводят в сознание после тяжелой травмы. Выглядело это грубо и странно.

— Аратта, перестань, ведь ей и так плохо, — вступилась мать за дочь.

Но шамани лапой ткнула Айнаю по ребру; неожиданно для всех, та дернулась и вздохнула от боли. Аратта знала, что делает — ощутила, где боль, и раскусила некрасивый обман юной охотницы. Для Аратты всё ясно — та в сознании и почти здорова.

— С ней всё хорошо. Она ударилась больно, но не опасно. Ничего страшного, боль уйдет через пару дней. Айная, вставай...

Та продолжала покоиться, не зная, куда деться от стыда.

— Давай, давай, — потребовала шамани. Все с интересом наблюдали.

Молодая охотница посмотрела на Аратту, на взволнованную маму, на остальных.

Айная весьма серьезно испортила охоту: неправильно понимала охотничьи знаки и жесты, делала всё невпопад; в конце концов, трусила броситься на молодого слоненка в нужный момент, и сделала это слишком поздно, отчего ударилась о землю. Это крайне расстроило ее, задело гордость. Сестры-охотницы не видели, как и что стряслось, потому она почему-то решила странным образом спасти честь, притворившись жертвой трагичного случая. Нет, она ударилась о землю, и больно, но на такие вещи львицы и вовсе внимания не обращают — каждый день случается на охоте, и ничего. Охотницы собрались вокруг нее, поскольку Айная не вставала;

сначала никто не придавал значения случаю, но Айная сначала еле поднялась, потом «не могла» идти — вжилась в роль. Таэла решила возвратиться домой, ибо охота и так не сладилась.

Часто бывает, что одно странное решение влечет за собой другое. Айная решила играть до конца, при том слабо представляя, чем это всё должно закончиться. Потому по дороге домой упала в «обморок». Львицам пришлось тащить ее на себе. Конечно, все обеспокоились; но пока пришли в прайд, пока расположились, пока послали за Араттой — прошло время.

А тут пришла пора разоблачения. Но Айная решила, что лучшая защита — нападение. Нужно выкручиваться из ужасно глупой ситуации, и она должна выкрутиться.

— Это ты, — злобно молвила она, привстав. — Это всё ты! Это из-за той глупости, того напутствия...

— Как ты смеешь?! Ты сама отказалась от него, сломала традицию и навлекла на себя беду! — возмутилась Таэла.

— А я потом подошла к Аратте, а она сказала: «Это твоя судьба. Потому с тобой случится плохое!», — угрожающе молвила Айная.

— Ложь, — молвила шамани, прижав уши и закрыв глаза.

— Что ложь? Разве так не было?!

— Ложь. Я не говорила, что с тобой случится плохое.

— Нет, это ты так нарочно! Нарочно! Я к тебе подходила, а ты меня взяла и прокляла. И за что? Ой... мне плохо... — и вдруг прикрылась лапой, отвернулась от всех и заплакала.

Аратта решила больше не тратить мгновения жизни на этот фарс. Помощь здесь никому не требуется. Она позвала Хагала, и он подошел вместе с Бастисом.

— Можем идти? — спросила Аратта.

Сын дренгира недоуменно махнул лапой; он мало что понял и не знал, можно идти либо нет.

Все остальные, от мала до велика, начали обсуждать, спорить, расспрашивать, недоумевать. Уруз, в свою очередь, не стал тратить время на шум и гам.

— Так, Аратта, что происходит? Объясни, — отвел он ее в сторону.

— Айная — лгунья. Она завралась. Ей не было плохо, — ответила шамани. Но этого было недостаточно: в глазах дренгира не явилось понимание. — У нее была неудача на охоте. Я думаю... она решила, что лучше притвориться больной и побитой, чем выслушать насмешки и неодобрение.

— Что мне с ней делать? — нетерпеливо спросил Уруз. Он решил слишком не вникать, а действовать. Аратте он верил, доверял ее слову и решениям, потому спросил совета.

— Ничего. Разве посоветовать брать ответственность за свои поступки, хотя она вряд ли послушается. Это для любого — неприятный совет, — махнула Аратта хвостом, прижала уши и начала уходить: обсуждать больше нечего.

Уруз думал недолго.

— Я ее накажу, — услышала шамани вослед. — Строго накажу.

Аратта остановилась. Она ведь шамани Велари. Хоть этот случай и был исполнен глупости, но она должна попытаться помочь Айнае. Но не потому, что питает какие-то особые чувства к ней, нет. Просто это ее добровольно принятый долг, оставленный в наследство от Амаринэ — заботиться о прайде. А шамани должны помнить о долге, который на себя взяли.

— Пусть дренгир позовет ее... — молвила она негромко, не оборачиваясь.

Голос Аратты имеет удивительное свойство: его прекрасно слышно, даже если она переходит чуть ли не на шепот.

— Айна! Ты где там?! — требовательно рыкнул Уруз, не медля. — Сюда иди.

Та подошла, опустив хвост, и предстала перед Араттой. Поняв, что проиграла, она бросила играть неудачливую роль.

— Мы часто делаем глупости, потому что их требует наше «я». Пусть оно не будет твоим мучителем, а ты станешь его хозяйкой. Ты сама хорошо знаешь, отчего так поступила, и хорошо знаю я. Но всё же есть способ: не воспринимай вещи мира как хорошие и плохие, но воспринимай их как вызов твоему духу.

Аратта вовсе нечасто говорила такие вещи для других. Нет, даже не так. Она впервые осмелилась дать подобный совет для другой души.

— Что?

Непонимание Айнай медленно превращалось в страх. Чего еще хочет эта ужасная Аратта?!

— Вот не надо было так тогда говорить! Меня проклинать!

И Аратта поняла, что пропасть между ними и ею слишком велика, чтоб ее перепрыгнуть. Они — не желают; ей — нету смысла. Они ступают по одной земле, но словно во разных мирах...

Пусть будет, как будет.

«Каждого ведет лишь его судьба, потому шамани нет дела до других», — говорила Амаринэ. Аратта спрашивала: «А если я кого-то излечиваю?». «Если хорошо подумать, то ты поймешь: это тоже лишь твой вызов», — отвечала Амаринэ.

— Хорошо. Не делай так больше, ведь меня не обманешь. Ты запятнала и себя, и сестер по охоте.

Шамани не желала больше говорить, потому выразительно глянула на Уруза. Тот мгновенно понял молчаливый намек и отправил Айнаю прочь:

— Иди. Еще поговорю с тобой.

— Да, мой дренгир, — жалобно молвила та и ушла.

— Отец, мы пойдем. Чего нам время тратить? — предложил Хагал, которому не терпелось отправиться в путь.

— Короткого вам пути! Идите. Вам уже давно пора быть за нашими границами, а вы еще тут.

И они пошли: Аратта, Хагал и молчаливый Бастис, который не проронил ни слова за это утро. Хагал предложил, глядя на Аратту:

— Нужно попить перед дорогой.

— Дельно, — согласился Бастис, хоть и обращались не к нему.

И они пошли к водопою — небольшой речушке. «Водопоем» здесь называлась именно она, хотя недалеко от прайда есть и небольшое озерцо, и ручей. Бастис и Хагал старались напиться побольше; Аратта не хотела.

Вдруг играющий вдалеке Эхмай заметил молодую шамани Велари.

Он подбежал к ней, но не знал, что сказать. В эту ночь он видел удивительные вещи. Сначала было безумно страшно, когда он попал в эту сверкающую темноту; потом бояться стало некому; а потом он бродил вместе с Араттой по очень странным и загадочным местам. Память словно укрылась туманом, и ему сложно было вспомнить, что именно и как они там делали. Кажется, просто гуляли... А еще

он помнил, что спросил ее: «Где мы?». Спросил словно мыслью, а не словом. Она так же ответила: «В мире снов».

Правда, их путешествие прервала мать — обеспокоившись о сыне, она нашла его спящим вместе с Араттой. Удивившись такому, она решила аккуратно забрать Эхмая, но не вышло: как только он проснулся, то зашевелилась и Аратта.

Мшани долго извинялась, что разбудила (это считается грубостью), но Аратта сказала, что это ерунда.

— Доброго дня, — сказал он, не зная, как себя вести.

— Привет.

Он водил когтем по голой, песчаной земле.

— А... Ну...

— Ты хотел знать — я ответила. Тебе понравился ответ?

— Да. Да, — закивал Эхмай.

— Это будет нашей тайной, Эхмай. Никому никогда не говори, — молвила шамани, прислонив лапу к щеке: знак обещания хранить секрет.

— Хорошо, — он прислонил лапку к груди.

— Маме не говорил?

— Нет!

— А друзьям?

— Нет.

Мгновение тишины. Аратта делает шаг прочь, но замирает от вопроса:

— А можно еще?

— Нет... Нет, Эхмай... — улыбнулась она. Редчайший случай: Аратта улыбается.

Такой он ее и запомнил.

**

Стояла жара, без единого облачка. «Дождя не будет. Отлично», — довольно думала Аратта. Она сызмальства привыкла обращать особое внимание на погоду: предсказывала для прайда. Словно услышав мысли, Хагал спросил:

— И какова будет погода?

Вопрос — для шамани, но она слишком сильно ушла в себя, не смотрела в его сторону. Кроме того, все знали о привычке Хагала болтать со самим собой; его часто не слушали, пропуская его слова мимо ушей — плохое для будущего дренгира свойство.

— Аратта? — неуверенно переспросил Хагал. Испугался: вдруг она чем довольна или обиделась?

— Хорошая. Вот такая дня два будет точно.

Ее имя — особенное. Оно довольно твердое, жесткое, как для львицы; от него нет ласкового прозвища. Потому шамани Велари давно заметила, что многие избегают звать ее по имени.

На древнем языке оно значит «неустранимая».

Тропа обхода, по которой они шли, сворачивала влево у оврага. Им же идти прямо, до самого Хартланда, а это — целый день ходу. Здесь же было большое сухое дерево, такое старое, что никто не мог сказать, сколько ему сотен лет. Оно обозначало конец земель прайда Велари по тропе к Хартланду, и львям идти дальше этого дерева строго запрещалось.

— Значит так, нам сначала нужно в Хартланд. Там побудем полдня, отдохнем, потом — в Иллари, — огласив незатейливый план, Хагал приготовился принимать возражения. Но их не было: Бастису было решительно всё равно, а Аратта отдала привилегию принимать решения самцам.

Бастис зевнул.

— Шли бы прямо в Иллари — короче было бы.

— Ненамного, — заметила Аратта.

— Намного, — сказал, как откусил Бастис.

— Нет, — не сдалась Аратта.

Немного поспорили и решили выяснить это у посыльных в Хартланде. Потом Бастис, который обычно очень немногословен, вдруг начал развлекать Аратту всякими шутками и последними слухами прайда; ей было неинтересно, но она оживленно кивала, будто слушая. Потом они разлеглись под деревом посреди саванны, чтоб переждать полуденную жару. Никто ничего не говорил: Аратта села, поджав лапы, и слушала свое дыхание; Бастис валялся на боку, раздирая когтем кору от безделья; Хагал был занят суетливыми мыслями о том, как он будет распоряжаться дальше. Они как-то еще не притерлись во своем путешествии друг ко другу, определенно из-за того, что этот поход был непривычным: два льва и одна львица-шамани. Если идет одна львица-посыльная, то всё понятно; если идут по парам «лев-львица» в гости к соседнему прайду — тоже понятно; если идут родственники к родственникам — тоже понятно; если это визит дренгиров либо же старейшин прайда друг ко другу — тоже всё понятно. А что тут? Сын дренгира, разгильдяй и молчун прайда, единственная шамани прайда. Куда они идут, зачем, и как это назвать? Если это визит по делу (идет будущий дренгир, как-никак), то почему в компании с ним лишь один молодой лев и одна молодая львица-шамани?

— Слушай, Хагал, а чего мы туда идем? Ты так мне и не сказал, — Бастис первым коснулся важного вопроса.

— Куда? — задал глупый вопрос Хагал. Не потому, что не понял, а потому, что не знал, как правильно и хорошо объяснить.

— В Иллари, куда же еще.

— А ты что, не знаешь?

— Да откуда мне знать-то... Аратта, а ты?

— Нет, мне никто не говорил, — она оставила свое занятие и взглянула на них.

«О, проклятье. А я думал, отец всё объяснил Аратте», — нервно подумал Хагал.

Бастис ухмыльнулся:

— Вот тебе и здрастье.

— Я думал, вы знаете, — замялся Хагал. — Честно... У нас немного необычная цель похода. В общем, как бы так: я иду, чтобы познакомиться с Луаной, дочерью Этиайнена; Аратта мне поможет узнать, хорошая она львица или нет. Если всё будет хорошо, то через десяток дней я приду с отцом и заберу ее. А потом... ну, потом... — запнулся Хагал, не зная, как сказать.

— Будем выбирать дренгира прайда, — пришла ему на помощь Аратта. На общем сборе ведь будут решать, кто станет дренгиром; а прежде чем лев может им стать, ему нужна львица. И очень желательно, чтобы она была из известного в Союзе рода. А вообще, случай более, чем необычный: Уруз решил отойти от дел и пере-

дать сыну правление очень рано. Видимо, думал, что так будет лучше; но все замечали неготовность Хагала.

— Хм... Странно, что твой отец сам мне этого не сказал, — добавила она.

— Он хотел, чтобы это тебе сказал я, — Хагал догадался сам.

Шамани кивнула и оперлась о ствол дерева, бесцельно теребя травинки.

— Знаешь, я постараюсь о ней сказать побольше, но, честное слово, сомневаюсь, что это как-то поможет в твоём выборе.

— Почему это? А вдруг она противная и порочная по натуре? — засмеялся Бастис и перевернулся через бок, чтобы видеть их обоих.

— Можно любить и такую.

Хагал задержал на ней долгий взгляд, полный симпатии. Аратта всегда манила к себе и расцарапывала душу недоступностью. Шамани ощутила течение его мыслей и из инстинкта львицы прижала хвост у бока.

— Но всё же... То, что ты скажешь о Луане, будет очень ценным.

— Пойми, мне нетрудно. Просто сам подход глуп. Если она тебе понравится, так ты не обратишь внимания на мои слова; если нет, то тем более. Ты сам смотри. Если хочешь совета от шамани, так вот он: решай сам.

Хагал немного подумал и сказал:

— Так мне не для любви-то. Тут об этом никто не думает. Она должна быть просто хорошей львицей дренгира, ни больше, ни меньше.

Аратта вовсе не удивилась такой разумности и сухости слов Хагала: заядлые фантазеры и неудачливые романтики всегда скрываются за цинизмом суждений.

— Тогда хорошо, — повела ухом шамани. — Что даст мне сила, то скажу.

— А зачем тогда я? — спросил Бастис.

— А ты пошел просто так, чтобы компанию составить. И вдруг себе кого-то найдешь.

— Оно мне надо... — сказал тот с истинным равнодушием. — Мне и так всего хватает.

— Это кого тебе хватает? — недоуменно спросил Хагал. — У тебя ведь нету львицы.

Бастис ухмыльнулся, Аратта тоже скрыла улыбку.

В некоторых вопросах сын дренгира демонстрировал прямо детскую наивность. Во прайде ни для кого не секрет, что Бастис — отец детей трех львиц, много старших за него; и это лишь то, о чем известно всем, а об остальном можно лишь догадываться. Он с детства вел разгильдяйский, простой образ жизни, не особо обременяясь всякими мыслями и правилами; но и вреда никогда никому не причинял, и слово свое держал.

Для Аратты стало понятным его присутствие. Возможно, Уруз знал о симпатии сына к шамани своего прайда или догадывался о ней. Кроме того, совместное путешествие молодых льва и львицы непременно что-то, да значит (либо по дороге приобретет значение). Присутствие Бастиса существенно меняло всю ситуацию и превращало пару в троицу.

— Верно... Нету.

— Ну вот, — торжественно молвил Хагал.

— Ну вот, — смешливо изрек Бастис.

Помолчали.

— Я вряд ли вообще смогу кого-то полюбить, — вдруг молвил Бастис для Аратты.

— Почему? — спросила она, сверкнув янтарными глазами.

— Мне как-то по душе нехитрая жизнь. Без изысков, сложностей.

Хоть общались они редко и мало, но Бастис очень любил говорить с Араттой. Он любил изливать ей душу, мог рассказать что угодно и знал: та будет молчать и слушать.

После этого каждый из них задумался о своем, а Хагал продолжил строить планы на будущее. Так они и отдыхали. Аратта снова прикрыла глаза и начала слушать дыхание — это прекращает внутренний разговор. Амаринэ хорошо научила ее делать это всюду и везде, когда есть возможность.

— Слушай, Аратта, а ты ведь можешь предугадать, что и как будет?

— Не поняла тебя, — шамани действительно не поняла внезапный вопрос Хагала.

— Ну, у меня с этой Луаной... Ведь вы умеете гадать, — негромко молвил сын дренгира, косясь на Бастиса: боялся, что тот его засмеет. Но напротив, Бастис ожил, наострил уши и проявил интерес:

— Да, я тоже такое слышал. Это правда?

— Правда. Многие шамани умеют предсказывать грядущее. Правда, не любят этого делать.

— Но если очень хочется, то можно? — улыбнулся Бастис.

— Вроде того.

Они выжидающе глядели на нее, но Аратта сидела всё так же невозмутимо, подобрав передние лапы под себя. Ведь никто ее прямо ни о чем не просил. Вот когда попросят, тогда, может, и получат, что желают.

— И что... может, сделаем? — первым попросился Хагал.

— А что мне за это будет? — чуть подмигнув, взмахнула хвостом.

Бастис заулыбался, поняв шутку, но Хагал, похоже, всерьез задумался о том, что полагается делать для шамани в таких случаях.

— Ладно. Но должна сказать, что личное предсказание всегда искажает намерение и судьбу того, кто вопрошает, — предупредила Аратта. Потом вопросительно глянула на Бастиса.

— Нет, мне не надо, спасибо, — отказался Бастис. Ну, он и не выражал желания.

А вот Хагал оказался трусоватым. Юная шамани, честно говоря, не ожидала, что тот так легко откажется.

— Ой, нет-нет, мне тогда тоже не надо, — отпрянул он назад, будто увидел змею.

— Как хочешь.

— А если гадать на что-то общее? — предложил Бастис. Ему всё равно было весьма любопытно: — Например, на исход нашего похода?

— Это лучше. Для шамани такие предсказания ближе. Они не претят традиции.

— А давай тогда... Можно? — вопросительно ел ее глазами Бастис.

— Можно, — сдалась она просьбе. Отчего бы и нет? Аратта знала, что шамани древности считали личное гадание вещь неправильной и глупой, но, в то же время без зазрения совести делали общие предсказания для прайда в любых ситуациях. А она ведь старается честно и искренне пронести их знание в свое время, желает походить на них, быть охотницей за силой и хозяйкой своих теней. Потому ей стоит поступать, как они...

Хагал тоже оживился, хоть и не подал виду.

— А если личное гадание вопреки традиции, тогда почему шамани умеют это? — Бастис когтями правой лапы легко царапал щеку, с интересом глядя на Аратту.

Вопрос был определенно интересным.

— Так... Нужно уметь всё, — ответила шамани, приглаживая лапой шею. Она грациозно глянула вправо, потом влево, потом обернулась: ведь ей нужно кое-что для гадания. Вообще-то нужен панцирь, это раз. Потом маленькие косточки, любые — три или семь штук. На крайний случай, можно обойтись без панциря, но без косточек — никак.

— Сейчас, я попробую найти, что нужно. Но не уверена, что смогу быстро...

— А что надо? — спросил Хагал.

— Косточки маленькие, любые. Но маленькие. Длинные.

Хагал пошел туда, куда глаза глядели. Пока Аратта всё еще осматривалась по сторонам, из-за дерева донеслось:

— О, тут кто-то кролика приговорил. Мелкий, наверное.

«Мелкими» львы называют леопардов.

— Аратта, иди глянь. Это сойдет?

Она пошла к Хагалу; Бастис остался на месте.

«Это знак», — решила Аратта, рассматривая остатки давно съеденного кролика. У кроликов много мелких, длинных косточек, потому они подходят как нельзя лучше — длинные как раз и нужны; кроме того, они были беленькими, чистыми, словно кем-то нарочно приготовлены.

— Сойдет?

— Как нельзя лучше. Если сможем еще найти пустой панцирь, в чем я очень сомневаюсь, так будет вообще прекрасно.

Панцирь они, естественно, не нашли, зато Аратта обратила внимание на плоский камень неподалеку, который хорошо подходил для их цели; определенно, судьба желала, чтобы ее предсказали. Главное — кости, а без панциря можно обойтись. Несколько мгновений, и они расположились вокруг камня.

— Во прайде вы таким не интересовались, — и поймите, львы: Аратта улыбается — редкий момент. Она красиво улыбается. Но насколько же ее улыбка редка, настолько же своевременна и искренна. Аратта всегда улыбается именно так: сначала посмотрев вниз, потом на собеседника, словно пряча свою радость.

Простой и честный Бастис сразу ответил:

— К этому все относятся... с недоверием, что ли... И боязнью.

— Так что, будет гадание на наше путешествие? — Хагал с любопытством смотрел, как Аратта раскладывает в ряд кости по камню.

— Гадают перед охотой, а тут — предсказание.

Сын дренгира решил смолчать: тон шамани похолодел, стал мрачноватым.

— Один, два, три... семь, — посчитал Бастис. — А почему семь?

Он ощутил странную колючую волну по груди и горлу; оторвав взгляд от костей, посмотрел на Аратту. Появилось ясное понимание: он перешел некую грань, за которой всякое любопытство вовсе не приветствуется, ибо превратит таинственное (хоть и очень простое по форме) событие в интересненькое времяпровождение ради забавы и праздности.

— Что нам делать? — осторожно спросил Хагал.

— Просто думать о том, куда мы идем.

Аратта закрыла глаза, прижала уши, чтоб отойти от мира и прекратить внутренний разговор. Потом вымолвила очень древнее вступление, подходящее к любому способу предсказания:

— Не давай всей правды, но дай лишь правду, — очень тихо прозвучал ее голос.

Амаринэ очень не любила предсказывать; карие глаза всегда сверкали яростью, если кто ее просил. Она отказывала почти всегда. Но безо всяких проблем научила этому Аратту, и даже не давала особых напутствий и предостережений — Амаринэ считала, что каждая шамани должна создать свое отношение к предсказаниям. Молодая шамани Велари могла предсказывать на трех или семи косточках (для этой цели у нее возле скалы хранились и панцирь, и сами кости), на крови самки любого копытного животного (такое предсказание — лишь для охоты), а также на осадке, который остается после испитой рамзаны (рамзаной зовется вода, смешанная с соком сладкого тростника). На косточках Аратта предсказывала нечасто, и ей не всегда удавалось правильно поймать смысл того, как легли кости; на крови — вообще один раз в жизни (охотницы попросили, хоть и не было особой нужды); а вот гадание на рамзанае было очень популярно среди беременных львиц, поскольку касалось материнства и всего с ним связанного. Аратта в нем никогда не ошибалась. Об этом в прайде знали все, и быстро привыкли, как привыкают к хорошему, тем более, что шамани в нем никому не отказывала. Аратта могла наверняка сказать, сколько детей будет у львицы, их пол, будут ли они болеть и всё такое прочее. Ее слова всегда воспринимались как должное — раз Аратта предсказала, значит, так и будет. Правда, если бы хоть кто-то из них знал, что шамани должна каждый раз подмешивать свою кровь в рамзану, то, наверное, желающих стало бы меньше.

И сбывалось. К ней даже приходили из Хартланда и Делванни ради этого. В Юнити были свои две шамани, которые сами со всем справлялись, в Хлаалу — тоже, ну а идти с Иллари и Регноран — слишком далекий путь.

— Мой вопрос — и ваш ответ, — Аратта вдруг кое-что вспомнила: а ведь два льва сидят и глазуют на то, что она делает. Раньше и она, и Амаринэ всегда делали это перед предсказанием, но этого никто не видел. Ничего в мире не бывает даром, и кровью нужно скрасить три косточки, а четыре оставить белыми.

Аратта привычным и решительным взмахом полоснула саму себя по плечу когтями.

Бастис внешне не подал виду, отметив точность и привычность движения; ему стало очевидно, что Аратта делала это не раз и не два, и такая вещь — обычна для нее; а Хагал чуть дернулся от неожиданной быстроты шамани.

Одна, вторая, третья... Есть.

Она поставила их на камне пред собой, в кучке.

— Каков наш путь?

Закрыв глаза, небрежно-решительным движением левой лапы расшвыряла кости. Из панциря это делать удобнее, чем из камня. Но уж как есть.

Львы с интересом начали рассматривать получившуюся картину. Две из косточек вообще выпали за пределы камня на землю, а одна даже ударилась и отскочила от Хагала. Но, похоже, шамани это ничуть не смутило. Аратта собрала их все возле себя на камне параллельно друг другу: та, что отлетела дальше всех, оказалась вверху этого ряда; под ней встали те, что отлетели не так далеко; та, что еле сдвинулась с места, очутилась внизу. Получился своеобразный, нестройный прямоугольник.

Аратта глядела на результат довольно продолжительное время, но потом без запинки заговорила:

— Идти будем долго. У нас длинная дорога. Домой попадем очень нескоро. Размолвка. Будем ссориться, нервничать. Но своей цели... — она сощурилась. — Цели достигнем. Сделаем, что надо, придем, куда нужно. Но попадем впросак, совершим глупость. Там будет много голов. И, вот знаете, все смотрят на нас. И там будет львица, львица...

— Будем возвращаться домой со львицей? — тихо переспросил Хагал.

— Мы точно будем идти не сами, нас будет больше. Знаешь, вот... Некая группа, что идет по одной дороге, с одним намерением. Львица... ай, сбил.

Хагал виновато прижал уши. Аратта очень задумчиво молвила:

— Даже не знаю, когда будем дома. Не вижу. Длинное путешествие.

— Значит, потом нас будет больше? — приятно удивился Хагал. Он уже подзревал, кто это может быть.

— Однозначно. К нам кто-то присоединится, и не один.

— Ооо! А ты говорил, что тебе никого не надо, — Хагал толкнул лапой Бастиса, но тот вовсе не отреагировал — глядел на Аратту. Увидев, что друг даже не думает хоть что-то ответить, Хагал молвил: — А вообще, маловато как-то... Думал, больше узнаем.

— На конкретный вопрос кости всегда дают конкретный ответ. Ни больше, ни меньше.

— Значит, путь наш далек? — спросил Бастис, глядя перед собой.

— Выходит, что так.

— Хорошо, — вдруг улыбнулся он. — А то скучно во прайде шататься.

Аратта не ответила, собрала кости и отнесла туда, где они покоились раньше — под дерево, а потом вернулась.

Хагал не отваживался что-то сказать, заметив, как на плече Аратты глубокая царапина окрасила шерстку в алый цвет. Он обдумывал, можно ли в таких случаях помогать шамани, стоит ли ей говорить о крови и как лучше зализывать такую рану.

Бастис же сделал то, что не решался сын дренгира. Он просто подошел и молвил:

— Гляди, ты слишком сильно себя поранила.

— Я сама, не...

Но он уже начал вылизывать ей царапину, уверенно придерживая за лапу; Аратта ощутила спокойную решимость льва, который не боится львицы, и оттого сидела тихонько.

— Спасибо, Бастис. Ты добр, — Аратта лизнула его в щеку.

— Ну их, эти гадания. От них только кровь, а толку... не очень много.

Аратта задумалась над его словами.

— Ты прав. Лишь кровь.

Она только что твердо решила, что больше предсказаниями заниматься не будет. Она ощущала себя весьма неважно, не в телесном смысле, а в душевном; Аратта хорошо прониклась сутью мудрости шамани, которую ей говорила Амаринэ: «Предсказания портят намерение и судьбу». Молодая шамани знала, что умеет предсказывать. Да, отлично, она еще раз себе доказала — может. Но...

«Я — охотница за силой. А настоящие охотницы на судьбу не уповают — они просто охотятся. Принимают ответственность за свои удачи и промахи; а чужие им ни к чему». Что-что, а Аратта обучена себя не обманывать. Ведь предсказывала

она не только для Бастиса и Хагала, но и для себя. А если шамани начинает вопрошать у судьбы, что она ей уготовила, то могут подкрасться сомнения — имеет ли она смелость принять любой вызов...

— Обидела тебя Айна? — вывел из раздумий внезапный вопрос Бастиса.

— Нет. Вовсе нет, — обычно ответила она. Потом молвила так, как реально хотела: — Духу шамани нечего защищать в себе. Нам нет смысла тратить силу из-за чепухи.

— Да ладно. Глупость-то она сделала несусветную, да еще подлую.

— Такова судьба шамани для прайда — сносить глупость. Чуть ложь. Видеть подлость. Так всегда было.

Хагал решил, что негоже будущему дренгиру просто сидеть и молчать.

— Идемте, — кивнул он на северо-восток.

На самом деле Аратта никогда не училась отрешенности; Амаринэ всегда говорила ей, что она «не нужна» и «вредна». Потому такие вещи ее задевали: она злилась и мрачнела из-за подобных выходов чужого «я»; и сказать, что она не обиделась на Айнаю, — не совсем правильно. Иногда Аратта думала, что совет наставницы не слишком хорош, либо же она неправильно его понимала; всё же шамани нужна отрешенность, иначе... «Воистину, можно блуждать по мирам, иметь силу отбросить чужое сознание прочь за мгновение, и обидеться на мельчайшую мелочь», — ступала Аратта, глядя в даль и ощущая сложность судьбы любого, кто пошел по пути знания.

И молодая шамани вспомнила:

— Будь безупречной и не имей к себе жалости, — говорила наставница, если Аратта чего-то боялась или о чем-то грустила. — Стань тайной и силой, потому что иначе можно утонуть в мелочности и недовольстве.

Но это иногда так непросто.

**

Ее разбудили рано утром и сообщили, что мать срочно зовет ее и ждет у водооя.

«Даже толком не умылась», — расстроилась она.

Когда Луанá, наконец, пришла, то матери не увидела. Спросила у львов прайда, которым заодно пожелала доброго утра, но ответа не нашла: они не знали. Оглянулась во все стороны, но матери нигде не было. Внезапно ухо словило весьма далекий полурок-полустон. Это, несомненно, мамин зов; пришлось перейти речушку и направиться на него.

Мама сидела под тем самым баобабом, под которым любили встречаться они с Нисмаем. «Хм... Что такое? Почему так рано? И как-то далеко, как для обычного разговора», — подумала Луана, вздохнув, не зная, что даст будущее.

— Мам, ты так далеко отошла!

— Не хочу, чтобы нам мешали. Доброе утро.

— Доброе.

Они потерлись щеками. Вдобавок мама заботливо пригладила ей шерстку на плече; Нуру часто так делает, будто шерсть дочери действительно взъерошена.

— Что, мам, теперь я такая, как надо?

Она сначала не поняла, о чем дочь говорит, а потом засмеялась:

— Вот, еще немного... Вот так. Идем, прогуляемся.

Луана начала идти справа от матери, которая направилась в открытую саванну.

— Что ж... Ты уже взрослая. Подошел именно тот возраст для тебя, когда... когда пора думать о будущем. Ближайшем будущем. Когда нужно принимать важные решения и не ошибиться. Их принимала я, также моя мама, и мама моей мамы — тоже. Вот так... Думаю, ты хорошо понимаешь, о чем я.

Юная львица молчала, еще не зная, куда именно клонится мысль матери, потому шла молча, не упуская слов.

— Сразу перейдем к главному. Дело в том, Луани, что наши предки были великими именно потому, что решались на поступки, принимали решения. Действовали... Что ж, вот что. В прайде Велари, как ты знаешь, есть молодой лев. Скоро он станет правителем. Понятно: он не может стать им, не имея львицы, — Нуру выразительно посмотрела на дочь. Думая, как лучше облачить мысль в слова, мать вдруг сказала ясно и просто: — Я знаю, что он подумал о тебе.

— Обо мне? — удивилась Луана. Признаться, это действительно застало врасплох. — Так неожиданно... А почему?

— Ты из хорошего рода, красива, умна, — молвила мать, не совсем понимая удивление дочери. — Кроме того, ты из иного прайда. Будущие правители редко берут себе львицу из своего прайда. Это вопреки традиции, ты же знаешь.

Луана поджала левую лапу, не зная, что и думать об этом.

— Как он мог обо мне подумать, если не видел? Кажется, мы встречались еще... лишь в детстве, — Луана села, поигрывая хвостом в раздумьях. Потом глянула на мать. Та тоже сидела и ждала, что еще дочь скажет, чтобы отразить любой возможный протест.

— Я вообще очень плохо помню... — молвила молодая львица, действительно крайне слабо припоминая этого льва. Она даже не помнила имени. Прайд Велари довольно далеко, они встречались лишь раз, и то мельком, ведь Луана не любит сидеть в прайде и может уйти куда угодно, иногда на несколько дней. — Он тоже меня не знает.

— Вот потому Хагал и хочет узнать тебя получше. Он скоро придет, через несколько дней. Не знаю, когда точно.

«Ах, Хагал. Вот как его зовут», — подумала Луана.

Заметив, что дочь хочет что-то сказать, Нуру продолжила чуть громче:

— Это будущее, Луани. Твое, твоих детей и нашего рода. Кроме того... Твой брат еще мал, но будет правителем здесь. Ты же станешь, — она особо выделила «станешь», — львицей правителя Велари. И это позволит сильнее сдружить наши прайды, возвысить наш род. Об этом всегда мечтал твой отец.

— Отец мечтает возвысить род? — недоуменно спросила Луана.

— Наш род должен быть высоко, держаться наверху; мы с отцом делали и делаем всё для того, чтобы сделать вам будущее. Но продолжить его вы должны сами.

Луана немножко подумала, осмысливая услышанное.

— А вдруг он мне не понравится? Или... мы не сойдемся?

— Это как так — не понравится?... — видимо, для матери это звучало абсолютно нереально. — Понравится! Ты думай наоборот: как понравиться ему.

— Пффф, — презрела Луана такую чепуху. Думать, как понравиться ему! Ведь она безумно хороша собой — тут нечего волноваться.

— Не «пффф», дочь моя, а жизнь!

Луана не знала, что сказать. Впрочем, действительно интересно: каков этот Хагал? А вдруг?.. Кто не мечтает быть львицей дренгира?

— В общем, неважно, — посмотрев в сторону, мать с деланным равнодушием махнула хвостом. — Ты будь готова: он может придти в любой день.

Луана уклончиво кивнула. Она действительно не знала, говорить всему этому решительное «Да!» либо же быть более осторожной. Смешанное чувство... Нет ничего плохого в том, что с ней хочет познакомиться лев, которому суждено стать правителем. Но и понравиться любой ценой Луана не собирается; если они сойдутся, то хорошо, ну а если нет, то пусть никто не обижается.

— Хорошо, мама. Но я не могу ничего пообещать. Мне нужно видеть этого Хагала — ни больше, ни меньше.

Нуру долго смотрела на нее, стараясь глубже понять, что именно подразумевает дочь.

— Ничего, не переживай. Ты хороша. Он сразу влюбится, вот увидишь, — наконец, молвила мама.

Луана лишь скептически вздохнула. Ладно, бежать впереди событий не стоит.

**

Бастис первым бросился вперед, чтоб подняться на всем известную скалу у западной границы Хартланда — с нее чудный вид. Хагал чинно, не спеша шел рядом с Араттой, чуть-чуть ближе, чем требует расстояние дружбы. Но лишь чуть — на большее он не решится.

Вчера, на полдороге, они решили, что с них хватит ходьбы. Еще до захода солнца уснули, утром покушали (Аратта и Бастис загодя договорились, что под благим предлогом оставят Хагала отдыхать — охотник с него никакой), и пошли вперед, полные сил. Хагал всё же понял суть их тихого заговора и обиделся, но никак это не выдал; но Аратта, конечно же, ощутила. Как ей не ощутить такой простой вещи? От досады и желания показать, какой он самец, Хагал почему-то со злостью бросился на семейство леопардов, отдохавшее под деревом. Да, леопарды и львы друг друга недолюбливают, но между ними издревле нечто вроде молчаливого перемирия: «Не трогаю тебя — и не трогай меня».

Они, конечно, вскочили на дерево; даже самые маленькие, и те угрожающе шипели.

Хагал для виду постоял несколько мгновений под этим деревом, а потом ушел к своим. На вопрос «Что это было?» ответил с деланной яростью:

— Ненавижу их всех.

Аратта не сновидела, даже ничего не снилось: просто ушла от мира в темно-серые глубины сна. Шамани привыкли обращать внимание на сны, они всегда снятся им яркие, цветные, живые, — такова привычка с детства, поскольку именно с пробуждения во сне начинается обучение сновидению — путешествию по миру своих снов; а со сновидения начинается обретение второго тела, в котором можно путешествовать по этому миру и другим.

«На самом деле всё не так, такие слова — не очень верны», — скажет любая шамани. Ведь второе тело есть у всех львов и львиц, но лишь шамани стремятся к этой тайне.

Для чего? Сложно сказать.

«Любопытство», — незатейливо скажет одна.

«Там — сила, и так обретают силу», — скажет мрачная последовательница тропы древних шамани.

«Таков путь знания», — со вздохом ответит третья.

«Там можно увидеть чужую боль. И найти того, кто пропал», — ответит особа с практичным умом.

«Так сказала амарах», — улыбнется юная ученица.

«Потому что мне это нравится», — подумает Аратта.

Когда пришли в Хартланд, к скале конунга (это — главное место в прайде), то в первую очередь возвестили о своем приходе. Как и водится в Хартланде, в ответ им было лишь «хорошо» и кивок: в Хартланде издавна равнодушно и без изысков относились к гостям, поскольку этих самых гостей тут всегда немало. Сначала их быстро и небрежно принял у себя конунг Амáн; потом Хагала, как сына дренгира, он взял на какой-то совет, а Бастис и Аратта остались предоставленными самим себе. Первый ушел рассматривать, что здесь да как, поскольку посещал Хартланд второй раз в жизни, Аратта же пошла навестить кровную родню.

Выяснилось, что братья ушли в прайд Регноран вместе с другими львами по какому-то делу. Родная тётя Меána была рада увидеть Аратту, и Аратта — ее; как всегда, та удивилась, как выросла племянница, и всячески похулила мать. Аратта за маму никогда не заступалась и слушала всё, как есть; ей даже не было неприятно. Впрочем, особо с тётей не о чем поговорить: Меана всё болтала и болтала, но шамани вообще не слушала — мысли унесли вдаль.

Меана отчего-то умолкла, задержала на племяннице взгляд дольше обычного, будто не видела ее много-много лет; Аратта это заметила.

— Себя бы ты видела... Подумать даже не могла, — тихо молвила она.

— Что случилось?

— Какая ты стала... Никогда не думала, что ты вырастешь такой красивой. И глаза такие, — Меана никак не могла подобрать слова, — правдивые. Искренние. Светятся. В тебе действительно что-то есть.

Аратта не знала что ответить, и вдруг устремила взгляд в землю, словно красота — большой порок.

Колючая волна прошла по левой щеке и шее, потому Аратта посмотрела налево; там, вдалеке, подле скалы, шла львица. Даже со ста прыжков было заметно, насколько она тощая; Аратта узнала ее — это шамани Хартланда, Скади. Шамани всегда издалека чувствует другую.

— О, во, во, идет... Влачится, карга. Уже какой день просят приготовить что-то от боли в голове — а ей хоть бы что. Кому уснуть тяжело, тот и сам подавно жует сон-траву, и к ней не идет. Иногда роды примет, иногда — нет. Пропадает целыми днями, неизвестно где. О небо, чем она живет?

«Это не новость. Скади всегда так жила», — подумала Аратта. — «Позор для нашей тропы».

Меана бросила взгляд на племянницу.

— Шла бы ты к нам, Ари, — то ли в шутку, то ли всерьез предложила она.

Аратта очень не любила, когда ее звали «Ари», но от тетушки такое можно молча и смиренно стерпеть. От родной крови можно стерпеть и не такое. Лишь была бы во вселенной эта родная кровь.

— Как же, тётя... Я — единственная шамани во прайде.

— А мы тебя заберем, а Скади во Велари отдадим. Вот так!

Юная шамани засмеялась.

— Не могу бросить прайд. Я — дочь Велари, — Аратта с чувством и множественством скрытых оттенков молвила это «дочь».

— Да я знаю... Эх, знаю. Ой. Чего-й она сюда идет? — с подозрением наострила уши Меана. Аратта обернулась и увидела: Скади шла к ним странной, заплетающейся походкой; было впечатление, что сейчас упадет. Она не шла, а влачилась, как хорошо заметила Меана. Она обычно так и ходила. Шерсть взъерошена. Хвост чуть ли не тянулся по земле. Вся худая, нескладная.

В целом, она выглядела жалко и неряшливо. И облик ее неизменно вызывал бы отторжение, смешанное с жалостью, если б не эти глаза, горящие огнем, прячущие сложное сердце, с темной бездной; в то же время ее взгляд всегда туманен и отстранен, словно Скади пришла из иных времени и мира, или родилась львицей по ошибке. Оттого все избегали с нею общаться без особой необходимости или даже смотреть на нее; никто не знал, что думать о ней. Львы и львицы Хартланда более-менее обвыклись, но гости всегда пугались Скади-шамани.

Правда, она никогда никого не трогала, а тем более — навязывала свою компанию.

Жила своей странной, полной неясного жизнью.

Иногда ее даже собирались изгнать (тихонько, скрытно, наивно пытаясь упрятать это от самой Скади), но всегда что-то мешало или нечто не получалось; кроме того, Скади иногда всё ж помогала — какая-никакая, а шамани нужна во прайде...

— Мне был знак вчера, что увижу кого-то из наших, — молвила она сиплым, низким голосом. Львята всегда пугались этого голоса. А вообще-то они ее любили подразнить.

— Из наших — это кого? — холодно спросила Аратта, взмахнув хвостом.

Скади улыбнулась, но улыбка больше походила на оскал.

— Давай, Скади, иди куда шла, я племянницу раз в год вижу. Давай, ступай, — небрежно, без церемоний замахала лапой Меана.

— Вот ты и пришла. Люблю, когда знаки верны, — та не обратила ни малейшего внимания на слова Меаны.

— Знаки всегда верны, — уверенно и так же недружелюбно ответила Аратта. — Их можно лишь лживо понять. Либо не поймать вообще.

Меана хотела вмешаться, как тут ее позвал кто-то из группы в пять-шесть львиц, неожиданно вышедших из-за другой скалы (а скалы здесь большие, высокие); она хотела отмахнуться, но позвали настойчивее. Пришлось извиниться перед Араттой. Меана молвила, что отойдет лишь «на миг» и тотчас вернется.

Но случилось иначе — Аратта ждала, но Меана всё не возвращалась. Скади села напротив, вытянув по редкой желтой травке передние лапы.

— Давно тебя не видела.

Аратта повела ухом. Ей не нужен этот разговор, ей не нужна Скади. Аратта знает ее, и решила: жизнь слишком коротка, чтобы тратить на перекидывание пустых слов со львицей-шамани, которая скатилась вниз. Только львята не знали, что Скади издавна пристрастилась к наралэ — наркотику на основе ибоби, который умеет делать каждый и каждая шамани. Аратта иная: ею ведет сила, управляемая намерением и страстью, одержимостью, неистовым желанием достичь большего — называйте как угодно. Она — как древние шамани — охотница за силой; ведь у шамани нет ничего, кроме личной силы. Ей со Скади не по пути...

— Нет времени... — тихо, про себя прошептала Аратта, решительно встав.

— Аратта, ты куда? Я хотела с тобой поговорить.

— Большинство разговоров пустые и никчемные, а особенно такого толка.

Действие важнее.

— Оу, ой, что же я — никчемна? — Скади приложила лапу к груди то ли в деланной, то ли в настоящей обиде.

— Мне нет дела до того, какова ты. Это — твой путь. И я считаю его плохим,

— Аратта сказала последние слова с придыханием, чуть оскалившись.

— Почему? — как-то смешно нахмурилась Скади, словно пыталась испугать львенка.

— Все знают — ты лакаешь наралэ почти каждый день.

— Так и есть, — просто, не скрываясь, ответила шамани Хартланда.

— Для настоящей шамани такая одержимость вредна. Теперь ты даже львенка не усыпишь. Так нельзя, — начала уходить Аратта. Но ее остановила целая тирада:

— Как ты можешь говорить, что можно и нельзя? Шамани никому ничего не должна. Откуда тебе знать, какова истинная шамани? Если я погрязла в бессмыслице, так ты — в чувстве собственной важности! — повысила голос Скади, но Аратте ни неловко, ни страшно не стало; она восприняла это с ровной душой и спокойным сердцем. — Хочешь сказать: ты — настоящая? — пытливо спросила странная шамани Хартланда.

— Я пытаюсь. Я очень пытаюсь, Скади.

Та пошевелилась, смерила Аратту взглядом и вдруг молвила:

— Амаринэ всегда до безумия любила тебя. И как гордилась тобой! А, может, она слышит нас? — Скади села и приставила лапу к уху.

Это вызвалось приступ еще контролируемой, но нарастающей темной ярости у Аратты. Она вполоборота повернулась, прижала уши, с оскалом молвила:

— Чего тебе нужно от Амаринэ? Оставь это — ты даже хорошо не знала ее!

— Аратта... А вот и неправда. Мы учились вместе.

Юная шамани подумала, что Скади вконец свихнулась от своего наралэ. Наставница Амаринэ, Амана, никогда не учила Скади; этого никак не могло быть.

— Лжешь ты. Твой ум вконец превратился в туман, — оскалилась Аратта. Без шуток: если потребуется, она может и просто лапой с когтями защитить то, что ей дорого.

— Нет, не лгу. Мы не единожды вместе с Амаринэ ходили к Зирэре.

— Кто это — Зирэра?

— Это известная свободная шамани, она вне Союза. Нам приходилось долго идти, чтобы попасть к ней. Найти ее — само по себе было задачей.

— Чушь. Быть не может. Моя наставница училась лишь у Аманы. Амаринэ мне никогда не рассказывала, — нахмурилась Аратта, прижав уши; она старалась ощутить ложь во Скади, но не могла уловить ее души. Такое бывает, если одна шамани старается уловить, чем дышит другая: здесь Аратте было вовсе не во что уцепиться.

Долгий взгляд.

Скади для Аратты выглядела всё более необычной и... любопытной. А презрение всё же отступало.

— Зирэра была львицей вне Союза? Свободной львицей?

— Да.

Аратта смолчала. Такое услышать — более, чем неожиданно.

— Амана знала?

Скади почесалась.

— Кажется, да.

— Почему она шла с тобой? — выпытывала Аратта, стараясь понять.

— Мы дружили. Кроме того, это не я с ней, а Амаринэ со мной: ей не очень получалось находить Зирэру, а я всегда с этим справлялась.

— Бахвальство.

Скади повела ушами.

— А ты вот знаешь, почему погибла Амаринэ?

— Нет! — резко ответила Аратта. Этот вопрос всегда терзал ей сердце.

— Скажу тебе. Она сновидела, а потом вышла из тела, попав в наш мир. Она спутала второе тело со своим настоящим и ступила со скалы, уверенная, что находится во втором теле. Такое бывает, особенно если не очень много опыта. Амаринэ очень хотела научить тебя хорошо обращаться со вторым телом, но ей самой не хватало опыта и знаний. Она всегда жаловалась, что сновидение ей плохо дается. Амаринэ полезла на то место силы ради тебя.

— Почему... отчего ты так думаешь? — дрогнул голос Аратты.

Скади легко продолжила:

— Я знаю, чем она жила. У меня склонность к сновидению, к блужданию по мирам. Мне легко в него войти, легко выйти — оно мне поддается. Потому я легко находила Зирэру. Амаринэ — нет. Она из-за этого переживала. Боялась, что не сможет многому тебя научить.

Вздыхнув, она продолжила:

— А я втянулась, потерялась. Думаешь, отчего мне нужно наралэ?.. Чтобы попасть еще дальше, забраться выше по древу миров. Но к нему привыкаешь, и нужно всё больше, больше... Я тебе скажу, что теперь редко бываю здесь, в нашем мире. А гуляю по другим.

И Скади начала рассказывать ей о путешествиях по мирам в другом теле; Аратта не понаслышке знала, что это да как, и сразу поняла — Скади реальный практик, ее опыт — настоящий. Она начала чертить лапой по земле и объяснять, что «реальный» мир, в котором они родились, находится где-то посерединке. Первый, очень похожий на наш, которого весьма легко достичь, Скади расположила справа. Темный — внизу справа. Желтый (в котором второе тело Аратты было несколько раз) — внизу.

— Самый неинтересный и бесполезный из всех. Кроме того, он крадет силу, — быстро-быстро говорила Скади, проглатывая слова. Тема ее вдохновляла: она рассказывала, забывшись.

Всё это она назвала древом миров и сказала, что миров на нем всего девять. Аратта мало что поняла из той схемы, которую ей обрисовала Скади, но ее опыт юная шамани могла вполне подтвердить собственным. Видимо, эта схема у нее сложилась после многих лет странствий по неведомому. Она была из тех личностей, которым жизненно необходимо делиться своими неудачами, успехами, переживаниями. Аратта слушала с интересом: Скади действительно оказалась хорошей сновидящей.

Вдруг ее поток слов иссяк:

— Но наралэ истощило мою силу. Я уже не смогу *видеть* в нашем родном мире, лишь иногда получается в иных. Я остановилась. И старею...

— Видение — это такое. Не главное. Главное — сила. Именно ею ты можешь помочь прайду.

— А что, цель твоего пути — помогать прайду? — Скади казалась удивленной.

— Я не кто иная, как шамани Велари. Это мой зов и мой обет.

— Но ты понимаешь, что это такое: помогать другим? — после долгого молчания спросила опытная, много видавшая шамани.

— Думаю, не хуже тебя, — твердо ответила Аратта.

— И ты осознаешь, что они вряд ли помогут тебе? — спросила Скади и открыла рот в ожидании ответа, будто хотела поймать его клыками.

— Что ты хочешь сказать? — Аратта наклонила мордочку вниз, начав смотреть недоверчиво, чуть искоса; это ее, личное, неповторимое, больше никто так не может.

Скади глядела на нее, теребя собственный нос, покусывая когти. Но эти манеры уже почему-то не раздражали Аратту.

— Ты должна помнить: ты одинока. Так всегда бывает, если отдаться им. Войти в их мир и пытаться в нем жить. Я вижу — ты хочешь быть ближе к ним, забыв о пропасти между вами. Нет, — покачала Скади головой, блеснув глазами, на мгновение подарив взгляд для Аратты, — для них ты просто — странная, странность, которую можно сносить, пока ты помогаешь. И когда ты делаешь для прайда то, что требуется — всё идет хорошо. Но как ты только осмелишься молвить, что у тебя свой путь, или станешь старой, — Скади снова посмотрела на Аратту, которая внимательно и с тяжелым чувством слушала ее, — то тебе не...

Юная шамани оборвала монолог Скади:

— Не говори мне, что я должна.

Та словно не слышала.

— ...потому если ты добра с ними — то получаешь лишь боль. Потому некогда шамани старались делать так, чтобы их боялись. Иначе... Ох, такова судьба шамани для прайда.

Аратта не показала этого, но невольно вслушалась в слова шамани Хартланда. Они не вгоняли в тоску и печаль — для этого дух ее слишком прочен — но дарили понимание некоей безысходной фатальности в судьбе каждой шамани.

— Хотя, ты наверняка пыталась стать поближе к ним. Но знаешь, что будет, если приблизишься,веришь, вложишь сердце? Вот тебе скажу: всегда поступать будешь правильно, именно так, как они совет дают, — а выходить дрянь будет. Не сможешь ты так, как они. Не сможешь. Не отдавай им слишком много, и не будешь похожа на меня... Зачем тебе почет от них? Ты ведь хочешь его? А зачем тебе почет? Ненадежная вещь. А сила — она всегда с тобой. Всегда.

— Они — это те, кто в прайде? Мой прайд Велари? Прямо говори.

Скади прикрыла глаза; весь ее вид говорил: «Зачем спрашиваешь? Сама ведь знаешь всё».

— Знаешь, ты мне нравишься. Ты мне чем-то напоминаешь Амаринэ. Хочу...

— Знаешь, Скади, было приятно побеседовать. Теперь извини: дела не ждут.

Аратта встала, вежливо попрощалась и ушла. Скади долго смотрела ей вслед.

Глубоким вечером, после теплого, полного солнца дня она и Бастис находились в большой компании десятка молодых львов и львиц. Они здесь условились ждать Хагала, которого всё не было; вскоре Бастиса пригласили посоревноваться в

поединке, и Аратта осталась одна. Спрятавшись в закатной тени под невысоким деревом акации, она думала о своем, теребя колючки. Вспомнила, что дома забыла набрать семян воканги, для которых сезон уже почти на исходе, и очень расстроилась. Вообще же, память у Аратты прекрасная, и забывать ей несвойственно. Потому она ударилась в бессмысленные и праздные размышления о том, почему именно она забыла это сделать, как тут к ней подскочил некий молодой лев, небольшой, с жиденькой гривой. От неожиданности шамани даже уколола лапу колючкой.

Он начал изматывать ее различными расспросами, развлекать нелепейшими шутками, теребить за лапу; правда, последнее он делал осторожно и неловко — еще боялся. Аратта очень понравилась ему внешне, да всем львам она понравилась, просто они боялись подойти: кто знал, что она — шамани, потому даже и не пытался; кто боялся ее вида и облика, трагически ошибочно полагая Аратту высокомерной львицей. Сегодня она была без черных полосочек на щеке (никогда не любила их наносить), потому лев оставался в неведении о том, кто Аратта на самом деле.

Надоедливую льва звали Унма́й. Аратта терпела, отводила взгляд, но потом прямо попросила оставить ее в покое. Но тот воспринял это как игривую строптивость: начал наседать на Аратту с удвоенной энергией. Вконец пришлось на него глянуть, как следует, и молвить:

— Отстань, а то лишу тебя сил льва.

Это — не пустое: такую оморочку Аратта сделать вполне может; но, понятно, в этом случае она лишь припугнула. Он недоуменно, со страхом отпрянул от нее и мирно отошел. Поделившись впечатлениями с друзьями, узнал, что Аратта — шамани.

— Злая она какая-то... — почесывал он гриву, опасаясь глядеть в ее сторону.

На нее смотрели мельком, украдкой; в Хартланде привыкли к странной и неуравновешенной Скади, а об Аратте мало что знали — она была здесь лишь несколько раз. Пара львиц возраста силы (уже не молодые, но еще далеко не старые) прошли мимо нее, поприветствовав близким каждой львице Союза: «Здравствуй, сестра». Они еще не успели далеко отойти, как начали ее обсуждать.

Шамани вздохнула.

«Покушать бы», — подумала Аратта. Но толку думать о пище? Ее лучше добыть. Она перевернулась на спину, глянула на слабеющие лучи солнца в небе, потом снова перевернулась на живот.

Итак, она собралась пойти и расспросить местных, куда лучше уйти поохотиться, как тут к ней подошла молоденькая львица: среднего роста, со странным темным пятном на левом плече (точно, как у самой Аратты!), худенькая, с печальными глазами.

— Ты... это ты — Аратта? — несмело спросила она, ища взглядом ответа. — Да?

— Да, это я, — ответила шамани.

— Меня зовут Мирэль.

И молчание. Аратта ожидала от нее еще чего-то; ведь не подошла она просто так вот познакомиться.

— Приятно тебя узнать, сестра, — наконец, молвила Аратта, стараясь поймать блеск ее глаз. Так она поймет, что за душа перед нею и с чем она пришла. Но та потупила взгляд, ни на что не решаясь. — Чем обязана?

— Я хотела тебя попросить... Я просто не знаю, возможно ли такое, и не хочу тебя обидеть, но...

— Проси. Просто проси.

Мирэль не решалась.

— Можно мы отойдем?

— Идем, — взмахнула хвостом Аратта.

Они начали уходить. Кто-то сзади начал громко звать Мирэль, потом там зашумели. Но Мирэль даже не обернулась. Вдруг она свернула с тропки; Аратта последовала ей. Они долго продирались через редкие заросли кустов акации, даже слишком долго, чем того требовала скрытность. Шамани поймала нерешительность юной львицы, но решила не торопить события, хоть ей и стало интересно.

Шамани снова уколола лапу колючкой, уже второй раз за день. Села и начала отряхивать лапу. Глянула на небо и подсознательно отметила: «Быть завтра хорошей погоде...».

— Мне кажется, мы слишком далеко за... — начала было Аратта, когда, наконец, справилась с колючкой.

— Послушай, — вдруг перебила Мирэль. — Может, ты подумаешь, что я сошла с ума или же хочу слишком многого. Только не обижайся! Я знаю, что шамани могут заставить всякого льва полюбить любую львицу. Возможно, есть какой-либо способ... Думаю, понимаешь. Скажем так... Скажи: ты можешь мне помочь привернуть одного льва из нашего прайда? Ты можешь такое сделать? Можешь? — ее глаза бегали; в сердечном отчаянии ей пришлось унять всякую гордость. Он ей просто нужен... Нужен.

Аратта ничуть не удивилась, хоть с такой просьбой к ней обратились впервые в жизни. Да, она умеет такое делать, Амаринэ долго и подробно объясняла, как проводить обряды приворота; когда же Аратта спросила «Зачем мне это?», то наставница ответила, что «Шамани должна уметь всё!».

— Могу, но зачем тебе? — Аратта легла и заложила лапу за лапу; ей стало интересно.

А Мирэль сокрушалась, истинно изливая душу:

— Я не могу... Я вот не могу без него. А он просто не обращает внимания! Ничего не видит! Ничего не понимает...

Она никогда не рискнула бы рассказать такое какой-нибудь другой львице, но Аратта — шамани, причем из иного прайда.

Немного призадумавшись, Аратта поиграла жесткими ветками акаций. Нет, она не станет рассказывать о том, что приворот — это плохо. Вовсе нет. Но нужно хотя бы знать, кого они будут приворачивать.

— Мне нужно сначала на него глянуть, — деловитым тоном молвила Аратта.

— Ты согласна?! Так быстро?! — Мирэль, казалось, не верила, что не придется долго упрашивать.

— Почему бы и нет. Это твоя судьба. А для меня — вызов.

Молодая шамани сделает это. Аратта не особо-то и сомневалась. Всё это во все не ради Мирэль, но ради своей силы. Ради одного вопроса: «А смогу ли?».

А для Мирэль всё равно; ей нет дела до вызовов и судеб, а есть лишь неразделенное чувство к Тайназу. Она не слушала шамани, ликуя и полагая, что всё повернулось как нельзя лучше. Вот он, отличный шанс!

— Как его зовут?

— Тайна́з.

— Пошли, — встала Аратта.

— Куда?

— Покажешь мне его.

Мирэль сорвалась с места и они быстро начали возвращаться назад.

— А что мы потом будем делать?

— Сейчас, сейчас... Сначала на него посмотрим, потом и скажу. Мирэль...

Аратта использовала известный всем львицам охотничий жест: прижала уши и сильно прикрыла глаза на мгновение. Он означал «Тише!» или «Молчи!». Больше Мирэль не говорила, лишь быстренько трусила вперед.

Они долго и нудно искали этого льва; Мирэль старалась совершенно равнодушно спрашивать у каждого встречного (равнодушие получалось смешным), не видел ли он случайно поблизости Тайназа, и получив отрицательный ответ, так же равнодушно говорила «Ладно, пустяки» и бежала дальше. Она боялась своих чувств. Это немного повеселило Аратту, но только поначалу; потом ей стало скучно и неумоготу бегать туда-сюда в поисках этого самого Тайназа. Она бы постаралась найти его чуть по-другому, не бегая, как это могут делать шамани, но для этого нужно хотя бы раз в жизни увидеть искомого.

Уж почти село солнце; они остановились возле скалы конунга. «Какой ветер... Сильный ветер», — подумала Аратта, глядя на облака. Она устала и не прочь уже где-нибудь разлечься и просто отдаться забытью сна.

— Его нигде нет. Ушел куда-то, — совсем отчаялась Мирэль. Она спрыгнула с камня и села; ее вид был весьма жалобным и тщедушным, казалось, что у худенькой молодой львицы приключилось большое горе. Но Аратта не глядела на нее, а наблюдала за местными: они готовились к отдыху. Молодая львица неподалеку переносила четырех своих детей с открытого пространства в пещеру. Аратта невольно задалась вопросом: это всё ее дети или нет? Она привыкла отмечать такие вещи; если это всё — ее дети, значит, очень крепкие здоровьем. Она знала не понаслышке, что рождается, как правило, четыре львенка, но выживает один или двое, а остальные уходят прочь из мира теплой крови через день-два. Это обыденность, к этому привыкли, и никто особо не горюет. Среди львиц даже ходит такое поверье, что при зачатию детям дается лишь две души, и если их остается четыре, то у каждой пары будет «одна душа на двоих», что значит: братья и сестры будут отлично ладить и понимать друг друга с полуслова.

Вообще же Аратту поразила размеренность и спокойствие, неторопливость здешней жизни. Что поделаться, Хартланд находится точно на пересечении нескольких огромных путей, по которым путешествуют копытные уже многие сотни лет; именно отсюда начался Союз. В прайде Велари как-то всё живее. У них даже бывает голод в плохие сезоны, отчего львы злее, а львицы — бойчее.

— Нету его нигде... — оглядывалась Мирэль.

Шамани подумала, что ей бы научиться не воспринимать мир так близко к сердцу; излишние эмоции, они всегда вредны. Потом Аратте пришло в голову, что каждый из нас приходит в этот мир со своими способностями, и, может, способность к живым эмоциям у этой Мирэль вовсе не находит здесь отклика, и такая жизнь, полная чувств, о которых никто не знает, весьма трудна...

— Что ж, раз нет, так нет, — рассудила Аратта. — Таков знак судьбы.

— А разве обязательно, чтобы ты его увидела?

— Обязательно, — твердо ответила шамани.

Внезапно Мирэль прижалась к земле, словно охотница, завидевшая добычу; она говорила почему-то громким шепотом и смотрела направо, на восток:

— Вот он! Вот он! Смотри!

Аратта ожидала, что он будет где-то далеко, но отнюдь нет — к нему всего пять десятков прыжков. Он неожиданно вышел из-за скал, весь грязный и усталый. «Видимо, с обхода», — предположила Аратта; потом вспомнила, что обходы в Хартланде — дело нечастое.

— Идем.

— Куда? — испугалась Мирэль.

— К нему, куда же еще. Заговори с ним, — подарила Аратта выразительный взгляд.

— О чем? — сжалась львица.

— О чем хочешь, главное — заговори.

— Ой нет, я... лучше пусть он... мне...

— Так нужно! Иди. Иначе не получится.

Последнее подстегнуло юную львицу и заставило загнать робость вглубь. Они пошли навстречу ему: Мирэль поспешила к нему суетливой трусцой; Аратта мягко и спокойно пошла за нею, удивляясь неумению этой вполне симпатичной львицы показывать себя.

— Тайназ, привет!

— Привет, Мирэль. Виделись уже.

— Ой, а я и не заметила. Я теперь так много всего не замечаю! Всё прямо мимо меня... Представляешь? — после каждого предложения Мирэль смеялась.

— А, да-да, — безучастно ответил Тайназ, зевнув, вовсе не слушая эту болтовню.

Определенно, Мирэль знала в кого влюбиться. Крупный, черная грива, карие насмешливые глаза с хорошо спрятанной ото всех печалью.

— Послушай, ты сегодня... это... будешь возле Восточных скал сегодня вечером? Сегодня, знаешь, снова собираются, — очень робко предложила Мирэль.

— Собираются каждый вечер. Не знаю. Может быть. Но лучше пойти поспать.

Шамани шевелила кисточкой хвоста, рассматривая их поочередно. Но больше — его. Старалась поймать душу.

— ...и если ты не возражаешь, то пойду прямо сейчас.

— Тогда доброй ночи!

— Доброй.

Тайназ ощутил взгляд Аратты и мельком взглянул на нее. Как ни странно, но он ни на йоту не поинтересовался, что за незнакомка пришла вместе с Мирэль. И тем более зачем он понадобился ей возле Восточных скал. Он спокойно ушел, не заботясь ни о чем.

— Ну вот... Он просто не хочет со мной говорить. Даже не знаю, что делать.

— Он просто устал.

— Нет-нет, не хочет! Не хочет, — упрямо твердила свое Мирэль.

Она что-то еще говорила о своем страхе, что «львице нельзя делать первый шаг» и что должен быть способ его «поймать».

— И что делать, Аратта? — с надеждой спросила юная львица.

— Боюсь, вы разные. Слишком разные, — вынесла правдивый вердикт шамани.

Мирэль, как ни в чем ни бывало, ответила:

— Я знаю. Потому и обратилась к тебе за помощью.

— На самом деле этот приворот не даст тебе счастья, а тем более — Тайназу. Ведь сложно соединить вместе несовместимое, верно?

Львица отвернулась, не желая понимать услышанное.

— Почему ты так говоришь? Неужели я настолько плоха? — с обидой спросила она.

— Не плоха ты, но лишь твои мысли о себе.

— Что же тогда делать? — Мирэль продолжала пытаться Аратту, стараясь выглядеть и говорить как можно более жалостливо. Ведь Аратта может сделать это, ну! Что ей стоит?

Шамани вздохнула, уж не зная, как помягче объяснить львице, что нету способа заставить Тайназа принять ее всю с истинной теплотой и страстью. Аратта уже немного жалела, что сказала всему этому «да»; но шамани принимают ответственность за всё, что начали делать, и стараются всегда идти до конца.

— Вот что. В этом случае лучше сделать остуду для тебя. Я и такое могу. Перестанешь думать о нем, и откроются глаза на мир. Конечно, при этом дружеские отношения с ним могут разладиться, но тебе...

Мирэль ужаснулась такой возможности:

— Нет! Хочу его и никого другого!

Аратта с тщательно скрытыми жалостью и презрением посмотрела на нее. Конечно, в таком случае лучше постараться сделать остуду без ее ведома, но она не намерена такое делать — зачем тратить силу впустую? Каждый сам вершит свою судьбу.

— Ладно. Тогда есть один способ. Или он, или ничего.

— Какой? Какой? — оживилась Мирэль.

— Пошли...Идем.

Аратта по пути объясняла, что и как они будут делать: не стоит влиять на Тайназа; стоит влиять на саму себя, постараться понравиться ему (а если не ему, так кому другому, и вдруг Тайназ взревнует). И есть способ сделать себя привлекательнее. В полную луну, среди ночи, стоит полностью окунуться в проточную воду, вымолвив при этом определенные слова. Очень старый способ, его все знают.

А время как раз подходящее: в эту ночь — полная луна.

— Конечно, нельзя уверенно сказать, что он обязательно обратит на тебя внимание. Но это много лучше, чем ничего, — объясняла Аратта.

Как ни странно, но молодая львица об этом способе не знала. Она согласилась.

Вокруг ночь, заросли, и никого. Лишь нечто живое дает о себе знать вдалеке, плещется в тихой и неспешной воде небольшой речушки; все ее в Хартланде так и зовут — Маленькая. Мирэль серьезна и чуть испугана — глаза большие — и заворожено слушает Аратту, которая рассказывает нехитрый и простой ритуал, стоя в воде. Она не решается ступить в темные воды, опасаясь, будто в них сидит зло, которое поглотит прежнюю и отдаст новую, не похожую на саму себя Мирэль.

— Тише, Мирэли, тише... Я чув твой страх, но, поверь, он не стоит и пыли под твоими лапами. Входишь в воду, прижимаешь уши; думаешь о себе, только о себе, только о своей жизни. Больше ни о чем. Прижми уши — вода не попадет. Окунись полностью, ощути холод и покой вод. Потом вернись назад в мир и глянь на луну...

— Луну?

— Да.

— Но зачем?

— Она благоволит всем львицам. Поможет тебе. Обратись к ней так: «Сестра-луна, желанна я есть, но дай еще часть той силы, что движет мир, чтобы смогла исполнить я то, что должна». Я буду рядом и помогу тебе.

Мирэль сидела, поджав лапу и хвост. Не возникло вопросов «Зачем? Почему? А это сработает?»; что-то спрашивать было бессмысленно, ибо Мирэль глубоко и темно ощущала — это таки сработает, безо всяких шуток.

— А можно еще повторить... слова? — робко спросила она.

Аратта глянула на полную сестру-луну; по ее спине пришел так хорошо знакомый с детства озноб, и холод растекся по телу. Она ощутила этот вечный зов в бесконечность; но она не должна уходить из тела, она должна довести до конца начатое — помочь этой львице. Шамани глянула на Мирэль, которая уже вошла в воду, готовая всё проделать; просто она забыла слова, те, что должно сказать, потому ждала от Аратты повтора, помощи.

Но полный холодного огня взгляд Аратты испугал ее (хоть нет в нем никакого зла, а лишь сила шамани, что живет своей жизнью, не слушаясь хозяйки, особенно если на бесконечном небе такая луна); ком страха, неуверенности начал скатываться по склону ее души, она утратила решимость, потом смелость, а потом отступила: сделала несколько шагов назад.

Все они бегут от странного и неведомого. Страх в их душах.

— Знаешь, Ар... Аратта. Наверное, я не буду... Не надо. Лучше как-то так, без всего... этого.

Шамани молчала, ждала.

— Не можешь его привернуть, так бы и сказала, — вдруг решила обвинить Мирэль Аратту, чтоб оправдаться, но тут же испугалась сказанного. — А так, наверное, не стоит... Так мне его не... Пойду я.

И, всплеснув водой, убежала прочь, в прайд.

А луна осталась вместе с Араттой на прежнем месте. Шамани не провожала убегающую взглядом; она не ощутила ни разочарования, ни досады, ничего подобного. Правда, она не ожидала такой легкой сдачи. Думала, что всё дойдет до конца. Что ж, каждому по смелости его.

«Чего бояться тут? Красивый момент, и нет в нем страшного. Видела бы ты страшное, Мирэль, видела бы ты страшное...».

Аратта сама окунулась во темные воды. Почему бы и нет... Не терять же такой момент. Намерение, которое она уже собрала для Мирэль, не находило выхода; потому стоит его истратить на себя. Отжав уши, Аратта глянула на большой белый диск светила неба, окруженный еле видимым светлым ореолом. И шамани воззвала к сестре:

— Сестра-луна, желанна я есть, но дай мне еще часть той силы, что движет мир, чтобы смогла исполнить я то, что должна.

Глянула на себя в отражении. Капли стекали по щекам, подбородку, волнуя воду.

— Должна...

Ей было хорошо и приятно, потому шамани прикрыла глаза.

— Привет. Что ты там делаешь?..

Она вздрогнула от неожиданности. Обернулась влево — там Тайназ! Она сразу узнала его: запомнила облик и запах, там, возле скал конунга.

— Привет, — лаконично ответила Аратта, оставаясь во водах.

— Ты купаешься?

— А ты решил подсмотреть за львицей, которая тайно гуляет в ночи?

— Не подглядывал я... Вовсе нет. Только шел и услышал всплеск. Подумал...

— Что подумал? — молвила она, отряхнув ухо: капли раздражали.

— Мало ли... А ты та самая, что с веларийцами пришла? Да? Я тебя узнал. Ты с Мирэль была.

Аратта не отвечала до тех пор, пока не вышла из воды: беспощадный холод воды начинал пробираться в тепло тела. Стоило уйти от него.

— Кажется мне, что тогда на меня ты вовсе не смотрел.

— Это кажется, — заметил он, и Аратта не нашла слов.

Помолчали.

— Да. Я пришла с веларийцами.

— Не знал откуда ты, — Тайназ подошел ближе, — ведь у нас много гостей здесь, в Хартланде. И не знать откуда такая красивая гостья — стыд.

— Не стоит стыдиться. Гостья — из Велари, — не глядя на него, Аратта медленным и тихим голосом передала ему эти слова.

Тайназу стало любопытно, он с удивлением заинтересованности глядел на нее; львица с первых мгновений поразила его своей необычностью. Когда смотрел на нее, то одолевало странное чувство — будто он действительно присутствует здесь-и-сейчас, и не существует у него ни прошлого, ни будущего.

— Как зовут тебя, красота Велари?

— Аратта-шамани, льстец Хартланда.

Он вдруг поджал лапу, недоверчиво сменился в облике, а потом чуть не оскалился.

— Шамани... из Велари, что ли?

— Да, именно так.

— А где твои полосы на щеке, шамани?

— Во водах истерлись, — осторожно и вкрадчиво ответила Аратта, не понимая его плохой, грубой реакции.

— Так стоит их наносить, чтоб я видел тебя издалека! Поняла или нет?! — неожиданно разъярился он.

— Не указ ты мне, что делать. С чего вдруг такой тон? — недовольно спросила Аратта. На самом деле ею овладели досада и непонимание: отчего этот молодой лев так вдруг изменился в отношении к ней? Она старалась ощутить, отчего. Но он не смотрел на нее, был враждебен, начал метаться перед нею со стороны в сторону.

— Попадись еще мне... — злобно молвил он и было начал уходить.

— Но-но. Это ты попадись мне еще, — не спасовала всегда смелая Аратта.

— А то что?! — чуть не закричал Тайназ; казалось, что услышали на сотни сотен прыжков вокруг. Его нос чуть не столкнулся с ее.

— А то вот... — Аратта, не ожидая сама от себя, вдруг ударила его правой лапой по щеке. И хорошо так ударила — остались кровавые дорожки когтей.

Он опешил; ожидал всего, но не такого решительного ответа. Ярость переполнила Тайназа, он желал отдать должное этой наглой и самоуверенной шамани, которая вздумала вот так вот... Что, это низко — бить львицу? Что за чушь! Пусть ощутит силу и присмирее! И он бы уже ударил в ответ, уже приготовился; пусть поймет! Вот она стоит, не шелохнется.

— Сейчас отвечу! Тем же!

— Хотел бы — уже ответил, — вызывающе ответила Аратта, выше подняв голову, мол, ну давай, отвечай, раз так решил.

Тайназ смерил Аратту взглядом. Глянул в ее карие глаза.

— Твое счастье. Твой день сегодня.

— Ночь теперь, лев. Оглянись, и ты увидишь.

— Ну тебя...

Аратта мало о чем жалела в жизни, но теперь ей стало немного жаль льва Тайназа. Всё же она слишком сильно выпустила когти, слишком сильно ударила. В общем — чересчур. Ладно, о прошлом думать смысла нет.

Молча отпрянув, Тайназ не стал больше говорить с нею и ушел.

Она немного постояла на месте, потом погуляла по незнакомым местам, чтоб немножко развеяться. Вернулась в прайд, туда, где ей днем показали место для ночлега. Узнав Бастиса, легла возле него. И случилось невероятное: Аратта вдруг заплакалась. Но, конечно же, так, чтобы не услышала ни одна живая душа.

**

На второй день Хагал сам нашел сначала Аратту (это было несложно — она всё утро провела в прайде, никуда не уходя), а потом — с трудом — Бастиса. Тот был страшно недоволен тем, что уже надо уходить: он освоился здесь, ему стало интересно.

— Чего так рано ушли? — возмущался тот, постоянно оглядываясь на юг, где остался прайд Хартланд.

— А что засиживаться? Мы ж Иллари идем, а не в Хартланд пришли.

Хагал нигде особо не находил друзей и развлечения. Кроме того, он всё это время не был предоставлен сам себе, а отирался возле конунга и его родни, а это оказалось до безумия скучным.

— Ага, — вздохнул Бастис. — Суров.

Аратта плелась позади; ей тоже не очень хотелось идти в Иллари.

Шли как-то разобщено, молча. Хагал впереди — как формальный лидер их маленькой компании; Бастис шел вторым, рассматривая здешние полные жизни земли, ведь повсюду равнина, что для веларийца необычно. Шамани шла за ним, по привычке львицы: слева и сзади.

Вдруг Бастис спросил ее:

— Да, Аратта, слушай. Мне рассказывали в Хартланде о Скади. Говорят, что она сумасшедшая. Это чего, реально так? Я видел, что ты с нею говорила.

— Вполне возможно, — безучастно ответила Аратта.

— А что ты о ней можешь сказать?

— Так... Как сказать. Она потеряла некую основу, что ли. Но она неплохая шамани, очень даже неплохая.

— Как? Я слышал, она вообще перестала кого-либо лечить.

Шамани промолчала.

— А что значит — потеряла основу? — спросил Хагал, чтобы и себе принять участие в досужем разговоре.

— Начала потакать себе. Но все мы это делаем.

— Это как?

— Когда ты слаб, то делаешь себя еще слабее мыслями о своей слабости. Вот это и есть потакание себе.

— Ой нет, не все. Я себе не потакаю, — засмеялся Хагал. — Дурак я что ли — слабее себя делать?

— А есть ли глаза, что на солнце глядят и не слепнут?

— Что? — не понял Хагал.

— Нет, наверное, — понял Бастис намек, так ответив.

— Так и нету в мире никого без упрёка. Потому все потакают себе. У всех есть слабость.

Львы и дальше продолжили обсуждать Скади, а потом и весь прайд Хартланд, а потом Хагал начал рассказывать, что слышал и видел у конунга. Но Аратту не заботили эти разговоры: воспоминание о Скади подняло темный осадок души и вызвало к жизни раздумья. Она понимала Скади, понимала эту шамани, хоть и всячески прятала это понимание от себя. Как относятся к ней, к молодой шамани?

Трусость Мирэль.

Подлость Айнаи.

Жестокость Тайназа.

А в прайде как? Да всё то же. Сторонятся.

И слепота, слепота, слепота, и нет чувства красоты и тайны, ничего нету, у них есть лишь жизнь, которую нужно дотянуть от рождения до смерти.

Вот как она недавно думала о простых львицах... Но что, что шамани? Аратта глянула на свои лапы — и как вода легко просочится меж когтями, так и сезоны уйдут незаметно; да, она так и будет жить, будет жить, но...

Но к чему всё это, в конце концов? Амаринэ не знала ответа? Или знала? Так если и ведала, уж не сможет рассказать: к чему ведет этот путь без цели. Придумать себе цель, что ли? «Может, стоит захотеть видеть?».

«Я умею множество вещей, которые не умеют другие, я сильна, но... никогда не признавалась, но я не... счастлива. Холод во мне и никто не даст мне тепла. Не вижу я жизни в других, и свою вот теряю... Теряю».

Может, это и не так плохо — Большой мир...

«Но ведь Амаринэ оставила меня для моего прайда».

Да и если подумать, то смысла никуда идти нету — нету для шамани места нигде, ибо их место — повсюду.

Наставница твердила, что основа всему — личная сила. И надо за нею охотиться, набираться ее. Ибо так делали древние шамани; а они не ошибались, они — безупречны. Но какой иногда утомительной бывает эта охота, и хочется прикорнуть; где угодно, но отдохнуть. Сила отделяет Аратту от других, а быть бессильной — это, видимо, не так уж плохо...

Нет, Аратта никогда не жаловалась на судьбу, но именно сегодня и именно сейчас поняла, что лапы ее ступают в холодной темной ночи к неясной и призрачной цели, и даже нет другой души рядом, что смогла бы хоть иногда разделять с нею путь.

— Эй, Аратта. Чего с тобой?

Бастис участливо глядел ей в глаза, снизу вверх, застыв в смешной позе. Хагал оставался неподалеку, непонятливо наблюдая за остановившейся Араттой; она же обнаружила, что смотрит на лапы, сквозь когти которых и течет ее время, как вода.

— Прости. Простите. У меня так, свое... Задумалась.

— Сильно ты задумалась. Мы порядочно успели отойти, пока заметили, как ты осталась позади, — сказал Бастис.

— Серьезно? — вдруг сказала Аратта и почувствовала, как ей ужасно хочется проговориться о всём том, что сейчас в душе.

— Да, — серьезно ответил Бастис на серьезный вопрос.

— Бывает, — вставил Хагал.

Бастис кивнул, будто согласившись с ним. Но глаза его оставались полными непонимания и некоей настороженности. Вообще же, Аратта ощутила, что за время этого похода он начал как-то по-другому к ней относиться; она не могла с уверенностью сказать, чем стало его новое отношение, но то, что оно изменилось — для нее не было тайной.

— Как думаешь, Аратта, какова эта самая Луана, что ждет меня в Иллари? — залихватски, даже нагло спросил Хагал.

— С чего ты взял, что она ждет тебя? — рассудительно спросила Аратта.

— Думаю, ей сказали, что я приду.

— Это вовсе не значит, что она тебя ждет.

Такой резкий ответ Аратты обескуражил Хагала, и он замолчал, чуть обиженный. Но выдерживал тишину он недолго:

— С чего ты решила, что она меня не ждет? Вдруг как раз наоборот?

— Не решала я такого. Не говорила.

— Слушай, Аратта, а разве можно узнать такое вот прямо сейчас? Ждет или не ждет? — снова проявил любопытство Бастис, улыбаясь. — Вдруг зря идем, и она Хагала не захочет.

Нет, нельзя такое узнать. Аратта решила больше не предсказывать зазря. Но она львица, а львицам от природы не нравится говорить сразу категоричное «нет!», потому она уклончиво протянула:

— Нуууу... Мрррр...

— Вряд ли не захочет, — сказал, как откусил Хагал.

— Тебе-то откуда знать? — насмешливо спросил Бастис.

Сын дренгира самоуверенно сказал:

— Меня, думаю, захочет.

— Я имел в виду возможность Аратты узнать, а не сомневался в твоём обаянии, — Бастису этот разговор определенно доставлял удовольствие и забаву.

— Аратта вряд ли сможет узнать, — сказал Хагал.

Симпатия и влечение Хагала к шамани, будучи неразделенными, как-то медленно, но верно превращались в своеобразную неприязнь к Аратте. Потому-то он решил ее уязвить.

— Чего ты так думаешь? — спросил Бастис.

Шамани слушала их разговор, не вмешиваясь.

— А как это возможно? Она здесь, Луана — там. Это чересчур. Не надо преувеличивать чьи-то возможности. Знаете, жизнь есть жизнь, а сказки есть сказки

— И что ответишь, Аратта? — глянул на нее Бастис, ожидая какого-то остроумного ответа или даже демонстрации своих возможностей.

Но Аратта ответила совершенно бесцветным и безучастным:

— Возможно... Вполне возможно, что всё так. Жизнь есть жизнь, а сказки есть сказки.

Полдень, как водится, провели под деревьями. Жарко не было — облака тому виной. Под вечер пошли дальше, но много не прошли; как появились на небе звез-

ды, так снова легли спать и так до рассвета следующего дня. Хагал, как выяснилось, не очень-то и помнил путь от Хартланда в Иллари, хоть и ходил по нему несколько раз. Честно признавшись, что чуть сбился с пути, он предложил просто идти на север; возле Иллари он местность худо-бедно помнил. Аратте и Бастису ничего не оставалось, кроме как согласиться.

— А еще предлагали посыльную, чтобы провела... Нужно было ее брать! — сокрушался Хагал.

Бастис отмахивался от него лапой:

— Чего ты расстраиваешься? Мы и так, считай, на прогулке. Спросу с нас нет: днем раньше, днем позже...

Вскоре они заметили вдалеке странную одинокую гору.

— Узнаю ее! — обрадовался Хагал. — Мы когда в прошлый раз шли, она была далеко-далеко справа.

Эту гору со скалами с западной стороны знали все во прайде Иллари; в отличие от Тихих скал, которые находились много восточнее, где на длинной охоте целыми днями пропадала молодежь этого прайда, эта гора издревле имела дурную славу. Да и земли вокруг вовсе не были охотными. Потому забредали сюда лишь случайно — тропы сюда не вели.

Но веларийцам откуда это знать? Решили идти прямо к этой горе. Почему бы и нет? С ее верхушки легче и путь найти. Может, оттуда даже можно увидеть скалы Иллари?

Когда они приблизились на прыжков сто к ее крутому подножию, то у Аратты сначала возникло необычное ощущение: начало покалывать лапы, будто по ним растекалась колючая вода. Это хорошо знакомое чувство второго тела, двойника. Шамани остановилась, прислушалась, втянула воздух. Рассмотрела гору. Ее влекла эта гора. Она сама не знала, чем именно, но влекла, и всё тут. Ее очертания, с одной стороны крутые и острые, с другой — мягкие и плавные, напоминали о чем-то несбыточном и высоком в жизни; а еще она подумала, будто видела ее в старых, давно забытых снах, или же встречала при странствиях во втором теле по мирам.

Львы обернулись, заметив, что шамани отстала.

— Что, Аратта, снова задумалась? — смеясь, спросил Хагал.

— Нет, нет. Львы мои, кажется мне, что это...

Она хотела сказать «...место силы», но запнулась и вовремя остановилась.

— ...красивое место.

Решили тут ненадолго остаться: львам место тоже пришлось по вкусу.

Она прилегла под баобабом; поразившись количеству кустов лизеи и воканги вокруг этой горы, решила вздремнуть — на местах силы хорошо отдыхать. А Бастис и Хагал пошли осмотреться вокруг.

**

Его лапы ступили на сырую, неприятную землю, от которой веяло холодом древности. Хагал остановился, рассматривая мрачные каменные стенки необычно большой, странной пещеры; впереди ютилась темнота. Она шла в бесконечность, не обещая приятного. По спине прошел озноб: место ему не понравилось. Земля, казалось, дышала; Хагал поскреб ее, мягкую, когтями. Она напоминала темную глину, но оказалась тверже.

Бастис же, питая глубокое равнодушие ко всяким чувствам, предчувствиям и прочей чепухе для львят и львиц, уже залез куда-то вглубь нее.

— Слушай, Баст, ну её, эту дыру. Уходим.

Тот засмеялся, причём громко. От смеха родилось эхо и пришло откуда-то настолько далеко, что Хагал точно понял: пещера большая, темная и абсолютно непригодная для всяких интересных прогулок.

— Идем, — еще раз, уже настойчивее, молвил лев.

Бастис вместо этого сделал еще несколько шажков.

— Выход рядом, успокойся. А место ничего так.

— Давай, нам стоит на гору выкарабкаться. Найти путь дальше. А не по пещерам лазить. Ну! Идем, я сказал!

— Достал орать, — молвил Бастис так, будто жаловался кому-то незримому на надоедливость друга.

— Болтаешь много! В последний раз говорю! — Хагал действительно хотел убраться отсюда: ведь впереди и так много пути.

Друг спокойно ответил, рассматривая стенки пещеры:

— Я молчу, но никуда не пойду.

— Бастис, я тебя...

— Тихо! — прижался тот к земле.

— Что?

— Там... слышишь? Вода. Слышишь, вода шумит?

Хагал наострил уши, пошевелил ими, стараясь получше услышать. Да... В его словах не было лжи. Вдалеке слабо шумит поток воды.

— И что?

— Как это «что»? Представь себе: река под землей! — восторженно молвил Бастис.

Но Хагала это совершенно не впечатлило. Он побрел к выходу, надеясь, что услышав его шаги, друг последует за ним. Возле выхода, у небольшого круглого камня, он увидел два панциря, один на другом. Из интереса Хагал поднял верхний; он был чистым изнутри. Нижний оказался почему-то синеватым.

— Эй, Баст, я тут нашел хохму.

— Какую? — голос друга раздался еще дальше, чем раньше.

«Вот дурак», — подумал Хагал, но вслух вымолвил:

— Тут два панциря, один на другом. Это сюда когда-то две черепахи зашли. Занялись делом. Но оно у них медленно идет. Так и померли друг на дружке, — засмеялся своей выдумке Хагал, снова потревожив панцири.

Из глубины пещеры ответили не сразу.

— Ага. И...

Сразу же раздался шум падающих камней и такой рык, что, казалось, стенки сейчас обрушатся от дрожи. Хагал прижался к земле, собрался, повинувшись инстинкту, и замер. Отжав уши, привстал. Потом выпрямился. А далее — обернулся.

— Бастис? Бастис?!

В ответ он слышал лишь ругательства.

— Живой ты там?

— Живой, живой... Слушай, я вроде себе что-то сломал, — голос Бастиса звучал необычно глухо, словно из-под земли.

— Спокойно, я сейчас буду. Что там? — отправился на помощь Хагал.

— Стой! Стой, я сказал! — заволновался Бастис.

Тот застыл.

— Не иди, тут отвесная стенка вниз!

— Отвесная стенка? — глупо переспросил лев.

— Да! И не видно ничего! Вообще!

— Ты что, свалился?

— Представь себе! Да ясное дело! Свалился! — раздраженно ответил Бастис.

— Тогда вылезай оттуда. Прыгай сюда, наверх. А нет, погоди! Что ты там сломал?

Послышалась возня и стук камней.

— Ничего. Вроде...

— Тогда давай, лезь наверх.

— Сейчас.

Хагал приблизился к границе света и тьмы, пока его глаза хоть что-то, да видели. Сначала он постоянно посматривал назад, на выход, тая в себе страх утратить свет дня, но потом понял, что лучше смотреть в темноту, чтобы глаза привыкли.

Послышался звук прыжка, еще один. Потом явно когти заскрежетали по камню; Бастис прорычал от боли — видимо, неудачно зацепился когтем.

— Что там?

— Очень крутая стенка, — громко фыркнул он.

— Я к тебе подойду.

— Смотри, не свались.

Лев начал тихо ступать вперед. Потом решил, что безопаснее и лучше медленно ползти на животе. Сидел странный, неразумный страх, что он не ощутит начала уступа или уже его пропустил, и так свалится вниз, ничего не поняв, как Бастис. «Гиена бы взяла этот поход», — подумал Хагал, сделав осторожный шаг. — «Гиена бы сожрала эту гору, эту дыру и вообще всё на свете».

— Скажи что-нибудь, — попросил Хагал. Глаза уже бесполезны, придется довериться слуху.

— Что сказать?

Вполне достаточно. Еще немножко. «Вот и край», — вздохнул сын дренгира, четко ощутив его, острый и крутой. Ощупал его лапой справа и слева; и с той, и с другой стороны начиналась стенка. Выходит, Бастис шел себе, шел, и вдруг взял да свалился — путь просто кончился...

Навострив уши, сказал другу:

— Ты как там?

— Сижу, — ответил он, чихнув.

— На слух где-то четыре прыжка... Высота...

— Да, где-то так, — ответил Бастис и еще раз чихнул.

Мгновение Хагал так и лежал, выглядывая из-за края, которого не видел. В сознание не приходило ничего: ни слов, ни идей, ни эмоций.

— Ты как так? Здесь резкий край, неужели ты его не...

— Будешь помогать или задавать глупые вопросы?

— Даже не знаю пока, что придумать...

Бастис еще раз чихнул.

— Для начала хотя бы прекратить спрашивать всякую чепуху.

— Ты чего чихаешь?

— Я разбил нос... Вроде того.

— Кровь течет?

— Течет.

Хагал словно очнулся и начал думать о выходе из ситуации.

— Осторожно обойди всё вокруг. Может, можно выкарабкаться в каком-то месте, а?

— Я уже пробовал. Обошел по кругу всё.

— И что?

— С той стороны, где ты, слишком узкий вход, понимаешь? Понимаешь или нет? — резко спросил Бастис. Видимо, он страшился не услышать голос друга.

— Да, да.

— Дальше идет стенка. Потом широкий вход, там шумит вода. Я туда идти не буду, ясное дело... Потом еще стенка, еще какой-то вход, вроде поменьше. Потом стенка, потом возвращаюсь назад.

— Слушай, я придумал. Ты только никуда не иди. Сиди на месте. Я найду какое-нибудь бревно, притащу его тебе вниз, ты по нему вылезешь наверх.

— Давай.

— Я еще Аратту позову.

— Не надо. Она смеяться будет. Как-то сами справимся по-быстрому...

— Да как, ты что? Придется сказать, — молвил Хагал.

Наверху зашуршало — Хагал ушел прочь, ко свету дня. Бастис же улегся на землю; она пахла сыростью, камнями и чем-то старым, очень старым. Очень непривычно вот так сидеть, когда не можешь ничего увидеть. Он подумал о тех, кто слеп от рождения или же утратил зрение во время жизни, и ужаснулся такой возможности. «Лучше сразу умереть», — подумал он. Подумав о своей судьбе, решил еще раз попробовать выкарабкаться наверх. После нескольких попыток Бастис вроде нашел некий уступ, вылез на него, но напрасно. В темноте он попросту потерял путь, и вылез совсем не там, где выход. Это был просто уступ, никуда не ведущий. «Лучше сидеть без движения», — разумно решил Бастис.

Тем временем Хагал быстро идет по саванне, стараясь найти подходящую корягу или бревно, которые могут помочь в освобождении друга. Но, как всегда в такой ситуации, ничего путного вокруг нет; в конце концов, это — саванна, деревьев тут не ахти. Наконец, Хагал находит вроде бы то, что нужно, берется зубами, и кусок трухлявой древесины оказывается в зубах.

— Тьфу...

Пришлось взяться за другой конец. Он оказался вполне себе целым, но Хагал явно переоценил самого себя: единственное, на что хватало сил, так это только на расшатывание этого старого бревна. А его нужно еще тащить прыжков эдак пять сотен!

— Нет-нет. Нет. Я ерундой занимаюсь.

Тут нужно не одного, а пять львов.

Хагал обеспокоился о Бастисе, потому предпочел вернуться назад, к подножию горы, где на западной стороне и находилась злосчастная пещера. По дороге решил найти Аратту, но этого делать не пришлось — она сама уже стояла недалеко от входа с явно встревоженным видом, почуяв неладное.

— Что случилось?

— Бастис там. Упал...

Заметив, что Аратта требует объяснений, он торопливо сказал:

— Пошли внутрь, зайдешь и всё поймешь.

В скальной стороне горы показались очертания пещеры; Аратта насторожилась — такие пещеры редко бывают бесхозными. Она прислушивалась к себе, когда входила, и ощутила здесь много мрачной силы. «Кажется, здесь живет шамани!», — неуверенно подумала она, и вдруг сомнения ее развеялись в пыль, когда она увидела панцири в левом углу. Это пещера какой-то свободной шамани, несомненно; странно — она не знала, что между Хартландом и Иллари есть такая вот гора, а тем более — эта пещера. Аратта вообще считала, что свободные шамани не живут на землях Союза. Кроме того, судя по всему, место старое: оно обжито не одним и не двумя поколениями.

Аратта заволновалась — они в незваных гостях у какой-то свободной шамани; хотя, по сути, любая свободная шамани — незваная гостя на землях Союза.

Несомненно, место она («Или он!», — чуть испуганно подумала Аратта) выбрала как нельзя более подходящее; рассматривая стенки и узоры, она иногда прикрывала глаза — казалось, силу можно прямо вдыхать; признаться, ей здесь нравилось. Она словно попала домой. А вот Хагал, по ощущениям, боится. Ну, все они боятся... Все они боятся.

— Жив ты там? Живой? — спросил Хагал у Бастиса.

— Нет, всё уже.

Не обратив внимания на шутку друга, Хагал снова шел вперед, в тьму. Вдруг он ясно понял: идея с бревном не очень удачна; точнее, она может оказаться вовсе бесполезной. Узкий проход, шириной в прыжок, шел вправо, и в одном месте весьма круто. Потому любую длинную вещь вряд ли удастся сюда втащить.

— Ты что, уже вернулся с бревном? — раздалось гулкое эхо голоса Бастиса. Казалось, говорит сама пещера.

— Нет. Я с Араттой. Я тут посмотрел... Знаешь, думаю, тут проблемка. Точнее, проблема.

Молчание.

— Какая?

— Здесь, мне кажется, нужной длины ничто не пролезет. Всё короткое пролезет, а длинное — нет. Здесь путь кривой.

— Ты что, пробовал?

— Нет.

— Так зачем такое говоришь? — Бастис разозлился от того, что ему убивают надежду на спасение.

Хагал потоптался на месте, не зная, как быть. Вдруг он заметил, когда глаза привыкли ко тьме, что путь есть не только вправо, где путь кончался злосчастным обрывом, но и влево. Они этого не замечали раньше из-за особого расположения — если смотреть со стороны света, то его почти не видно.

— Слушай, здесь есть еще проход.

— Какой проход? — в голосе Бастиса — смесь удивления и надежды.

— Тут, наверху. Ведет влево. Может, по нему можно пройти? Пройти к тебе? — молвил Хагал, действительно вознамерившись в него залезть и посмотреть. Он понимал, что другу плохо, и это приключение всё меньше походит на шутку.

— Не иди туда... — сказал Бастис. Не услышав ответа, чуть не зарычал: — Не иди! Сам еще потеряешься, и уже двое будем тут сидеть. Аратта? Ты тут?

— Да, — отозвалась, и себе пробираясь поближе, заходя во вязкую темноту. — Тут.

Вздохнув, Хагал отказался от своего намерения.

— Проклятье... Бастис? — друга он звал по имени крайне редко.

— Что?

— Не знаю, что делать. Аратта, я выйду... подумаю.

— Хорошо, — тихо ответила она, ощутив, как Хагал проскользнул мимо нее.

Он вышел наружу; от досады он стукнул лапой стенку клятой пещеры, потом шикнул и потер ее о гриву — больно ударился. Не зная, как быть, вздохнул, посмотрев на землю; кроме того, уже прибывали сумерки.

— Что, здесь обрыв? — спросила Аратта, свесив лапы с края. Она не видела ничего-ничего.

— Да, — ответил Бастис

— Твой путь кончился и ты упал?

— Так и есть, Аратта.

— Не беспокойся. Если мы тебя не вытянем, то я прыгну к тебе и умирать станет веселее.

— Ладно, — засмеялся Бастис, думая, что Аратта так странновато шутит.

Они помолчали. Шамани прислушивалась к звуку далеко падающей воды.

— Слушай, ты зачем сюда пошел?

— Так... Сам не знаю. Влекло что-то.

— Это пещера шамани, Бастис. Тут живет шамани. И они раньше тут жили. Тут очень много силы. Очень необычное место.

— Откуда знаешь?

— Чую.

Аратта решительно встала и побрела прочь, ко свету угасающего дня, бросив краткое:

— Я сейчас.

Она вышла наружу. Хагал всё так же беспомощно сидел, ломая голову над проблемой, которая становилась всё серьезнее.

— Не знаю, хватит ли моей силы. Я попробую что-то сделать. Идем за мной.

После этих слов она первой пошла внутрь, за ней тихо, теряясь в догадках, последовал Хагал. Теперь Аратта немного задержалась у еле видного прохода, который вел влево, потом продолжила путь. Стало вовсе темно, и Хагал не заметил, как нечаянно наступил на кисточку ее длинного хвоста, который свободно доставал до земли.

— Ой! Осторожней, — отдернула шамани хвост.

— Прости.

— Кто там?

Это спросил Бастис, но Хагал даже испугался этого голоса — так он был непохож на обычный голос друга.

— Это я, Баст, я. Это снова мы с Араттой. Ты как тут?

— Знаешь, сначала было вообще очень плохо... Метался во все стороны. А теперь... Очень странные ощущения; лежишь себе без мысли и лежишь. Иногда слышатся голоса или начинаешь вспоминать всякое. А иногда кажется, будто меня вовсе нет. Знаешь, нет никакого страха.

— Это хорошо, что у тебя нет страха, — молвила Аратта, опередив Хагала в ответе.

— О, Аратта, рад слышать, — радостно сказал Бастис.

— Послушай, я попробую помочь. Только слушай меня хорошо: тебе надо сидеть без движения и шума, а еще лучше — уснуть. Если будешь говорить и шу-

меть, то мои усилия уйдут в никуда. Ты... — она в темноте дотронулась к Хагалу лапой. — Ты выйди прочь, сядь недалеко от входа и никого не вздумай сюда впустить. Жди меня до рассвета.

— До рассвета? — изумился сын дренгира. — Почему так долго?

Она не ответила на вопрос. Зато Бастис сразу же согласился:

— Без проблем. Без проблем.

«На него явно эта темнота повлияла... Двинулся немного», — подумал Хагал.

Решил переспросить:

— До рассвета?

— И не раньше. Сиди и жди меня саму или с Бастисом. Хагал, я серьезно, дай обещание, что не зайдешь, — она подошла к нему, высоко подняв голову. Ему на миг показалось, что некогда видел точно такой же взгляд, давным-давно, в глубоком детстве. Но Хагал не успел ухватить воспоминание и сразу же забыл, как и когда.

— Обещаю.

Это было настолько странным, что ему ничего не оставалось, кроме как согласиться. Он вышел со словами:

— Я пошел... Удачи вам тут.

— Давай, дружище, привет! — весело ответил Бастис из своей ловушки.

«Точно двинулся».

Лев вышел на воздух, нашел теплый камень недалеко от входа и улегся на него. Он старался обдумать всё это дело, придумать некое объяснение, увидеть смысл во всех словах и действиях шамани своего прайда, но получалось плохо. Сумерки полностью легли на землю, затрещали цикады, а ночная птица начинала свои первые песни.

Уткнувшись, спрятавшись в лапы, он думал о том, идти ли ему в Иллари за помощью или не идти. Если по-хорошему, то следовало сделать это намного раньше... С другой стороны, Аратта говорит, что может помочь. «Как она может помочь? Неужели сама пойдет по тому проходу? Хм...».

За день он страшно устал, они много успели пройти. Сам того не желая, лежа на теплом камне, Хагал начал проваливаться в дрему, в этот переход между сном и явью.

**

Проснулся Хагал внезапно, от кошмара.

Зевнув, оглянулся. И тут же проснулся: неподалеку от входа в ту самую пещеру стояла какая-то незнакомая львица, довольно почтенного возраста.

Шерсть пепельного оттенка, довольно длинная, с темной полоской вдоль спины. Хагал нечасто видал такую. Сама львица довольно крупная, но он всё равно больше; если что, справится, не пропустит.

— Так, сюда входить нельзя. Пусть львица не входит.

— Отчего? — с подозрением спросила она.

— Нельзя.

— Это моя пещера, лев. Ты скажи лучше, что там творится? — она принялась и, наострив уши, смотрела в ее темноту.

Хагал с агрессией сказал, чтоб поняла — он не шутит:

— Ничего!

— Ну и что там делают молоденькие лев и львица? — вдруг весело спросила она.

— Так ты там была?! — перешел он на оскорбительное тыканье.

— Да не была я там. Вот сейчас буду, — отмахнулась она и сделала несколько шагов ко входу.

Хагал преградил ей путь.

— Не пушу.

— Тебя что, они в охрану поставили, а сами там забавляются? — засмеялась львица.

— Что ты несешь? Во своем ли уме?

Она внезапно впала во злость.

— Но-но, слушай! Сейчас так отдам, что всю жизнь не отмоешься и никто не снимет!

Ее угроза звучала настолько реально и пугающе, что Хагал присмирел.

— Я объясню... Объясню...

— Пора бы уже! Понимаю, союзный, что много в тебе спеси, но будь добр, сделай это, иначе хуже будет!

— Там мой друг упал. То есть, попал в ловушку, свалился с обрыва. А ему Аратта пошла помогать, но велела ни в коем случае не заходить до утра; это шамани наша... Мы шли в Иллари...

Львица глянула на Хагала, мол, от тебя толку ну очень мало. Потом снова посмотрела на вход, вдруг прилегла, подобрала под себя лапы, хвост и прикрыв глаза. Хагал так за нею и наблюдал; ему почему-то стало неудобно и плохо возле нее, настолько, что отошел подальше.

Незнакомка словно впала в оцепенение.

Но потом ожила, проснулась. Развернувшись хвостом ко входу, растянула передние лапы, положила на них голову, вздохнула, и... кажется, тоже начала ждать, отказавшись от намерения зайти вовнутрь.

И только Хагал хотел что-то сказать, как она опередила:

— Тихо. Молчи. Ждем.

Ждали они: Хагал в замешательстве и растерянности; львица — кто ее знает, что у нее на уме... Впрочем, длилось это недолго. Услышав шум позади, Хагал наострил уши и обернулся. Там появились из тьмы Аратта и Бастис; у шамани был грустный и усталый вид, а Бастис выглядел словно не от мира сего.

Хагал пробежал несколько прыжков, что разделяли их, и остановился прямо возле друга, который просто сидел и наблюдал ночное небо у входа, а когда заметил Хагала, то лишь повернул голову и улыбнулся.

— Как я рад тебя видеть! — просто и восторженно молвил он.

Неизвестная тоже подошла.

— Ну? Ну?! Чего там искали?! — набросилась она с обвинением.

Аратта, словно признавая полное право этой львицы на нападки и обвинения, с непривычной кротостью молвила:

— Это он шел, и провалился. Он не знал. Пусть львица простит, что потревожили.

— Ваша вина! Это — ваша вина! Зачем приходили туда, где тяжелое место, место силы? И лишь дураки вроде вас, играя, решились войти туда! С ним нужна осторожность: многие шамани были здесь, а некоторые искали смерть во тьме, ко-

гда приходило их время. А моя смелость лишь в том, что храню здесь панцири, ибо больше нигде. Почему ты его не предупредила? — упрек предназначался Аратте.

Она спокойно ответила:

— Они без меня вошли.

Тем временем Бастис тихо рассматривал звездное небо, упиваясь вновь обретенной свободой, а Хагал пришел в себя и набрался решимости, желая, как лев, выяснить всё сразу и наверняка:

— Так, кто ты такая, чтобы требовать объяснений и... — он начал угрожающе наступать на старую львицу.

Юная Аратта сразу почувствовала, что незнакомка эта — самая настоящая шамани, и, по всему, хозяйка сей пещеры. Она чуяла ее немалую силу; опасаясь за Хагала, она тут же быстро сказала:

— Спокойно, спокойно. Не надо беспокоиться. Возьми-ка лучше Бастиса... и подожди меня под баобабом. Или где еще.

— Не понял, — глупо уперся Хагал.

Аратта топнула лапой:

— Послушай меня, сделай, как говорю!

Он скорчил скептическую гримасу; как же надоели эти непонятные вещи. Он взял со собой Бастиса, который еще не вполне пришел в себя и ничему не сопротивлялся, и они ушли вместе.

— Теперь редко увидишь кого-то без лжи. Рада познакомиться, юная шамани.

Аратта не ответила радостью на радость:

— Пусть львица простит. Уже уходим.

Львица сощурилась и сделала шаг ей навстречу, дав понять, что разговор еще не окончен.

— Знакомой выдаешься мне ты. Могу знать имя, начавшая путь?

— Аратта.

— О... Аратта... — нахмурилась старая львица, теребя одной лапой другую. Потом радость узнавания осенила ее: — Амарах твоя — Амаринэ?

Она уже было собралась уходить, желая поскорее расстаться с этой странной свободной шамани, которая живет на этом месте силы; но имя наставницы заставило медленно сесть и пытливо взглянуть в глаза старой львицы.

— Да... Да. Львица знала наставницу?

— Знала, знала. Зирэра мое имя.

Да, это имя Аратта хорошо запомнила!

— Я знаю о львице. Мне рассказывали. Так это... у Зирэры училась моя наставница? Правда это? И Скади училась?

— Правда-правда. И Скади. И Амаринэ. Кстати, давно не видела ее. Верно, теперь всю занята тобой и прайдом...

— Ох...

— Что? Неужели?... — Зирэра мгновенно уловила эмоцию Аратты.

— Да. Нету ее в этом мире больше.

Помолчали, отдавая уважение ушедшим из мира.

— Много рассказывала она о тебе. И любила тебя очень, как дочь.

— А мне она — как мать, — вдруг воскликнула Аратта, окатив ее своим влажным взглядом. — Всегда была и будет.

— Аратта, я вот что тебе скажу...

— Что? — сразу ухватилась за слова Аратта; она почему-то ждала подвоха, будто эта Зирэра собирается сказать нечто плохое и неприличное об Амаринэ.

Но ее ожидания оказались напрасны:

— Видела я когда-то и твою мать. Она приходила, узнав обо мне от каких-то львиц, которых я лечила. Она хотела узнать, какова твоя судьба и как ты поживаешь. Я сказала, что ты стала шамани. Мать твоя очень хотела тайно забрать тебя с собой и жутко сожалела, что бросила тебя. Я подумала и решила ей устроить встречу, но не с тобой, а с Амаринэ. Ты знаешь об этом?

— Нет. Нет! А как это было?

Немного помешкав, Зирэра продолжила:

— Амаринэ встретила с нею здесь, вот на этом месте. И сказала, что она — не львица и не мать, а шакаля дочь, и может катиться куда угодно, но только пусть лапы ее не будет во Велари. И что она тебя никогда никому не отдаст, ибо не стерпит того, чтоб тебя снова бросили на произвол судьбы. А потом прогнала Аманиэль прочь.

Аратта от тяжести впечатлений слегла на траву земли, не чувствуя саму себя.

— Сначала я ненавидела ее. Теперь во мне нету мести и злости, а лишь один вопрос в сердце: «Почему?», — бесцветно молвила она.

Зирэра махнула лапой и хвостом, желая выразить простой ответ: «Кто знает...».

— Львица знает, что с ней сейчас? — смотрела Аратта на траву под лапами.

— С кем?

Аратта боялась назвать львицу Аманиэль своей матерью.

— С моей мамой, — выпустила она когти.

— Не знаю. С тех пор я никогда ее не видала. Но, судя по всему, она жива.

Заметив непонимание по наостренным ушкам Аратты, Зирэра добавила:

— На тебя смотрю и такое знание приходит. Чтобы больше тут узнать, стоит сновидеть. Лучше всего — вместе.

Юная шамани будто равнодушно махнула хвостом, повела ухом.

— Не стоит. Пусть живет, как знает. Она хотела этого, так пусть так будет...

А у самой сжалась душа.

Зирэра долго глядела на нее, стараясь словить получше чужую боль, чтобы не причинить зла худым словом.

— Если хочешь, оставайся со мной на несколько дней. Амаринэ всегда хотела, чтоб ты в свое время побыла немножко у меня.

Это было интересно. Аратта чуть ли не согласилась, но спохватившись, поняла: нельзя-нельзя. Конечно же, нельзя. Ее ждет еще путь, хотя к Зирэре у нее множество вопросов — Аратта истосковалась по помощи и совету. А то всё сама и сама, до всего нужно доходить самой, а это утомляет, истощает.

— Я с этими львами из Велари в Иллари иду. Хотелось бы, но не могу.

— Да пусть идут сами, не маленькие ведь, — махнула на них лапой Зирэра, как на бессмыслицу.

— Не могу я. Должна идти с ними. Мой зов — быть шамани для прайда Велари. Должна идти с ними. А то еще снова в какую пещеру забредут.

— Будь осторожней с этим, дитя, — глаза Зирэры оказались неожиданно заботливыми и печальными. — Не отдавай им всю себя — съедят. Не ступай по следам ошибок многих...

— Я не отдаю, я... Не отдаю.

Они стояли друг напротив друга, и Аратта не знала, что и как ей ответить.

— Приходи ко мне, когда будешь возвращаться от илларийцев, — молвила Зирэра таким тоном, будто не приглашала, а просила.

— А можно?

— Можно.

Аратта снова сделала попытку молча уйти, не попрощавшись, но старая шамани снова остановила ее.

— Иди сюда. Подойди ко мне.

Что она и сделала.

— Ах, нету хирайи. И нету нигде черной глины. Вот же... — и Зирэра даже тихо зарычала от досады. — Но ладно.

Сказав это, Зирэра почти полностью отвернулась от Аратты. Из учтивости юная шамани продолжала сидеть на месте. Когда Зирэра снова повернулась к Аратте, то обнаружила, что на лапе кровь, много крови, — Зирэра без пощады прокусила ее. Тут же этой кровью она начертила три линии на щеке Аратты, приговаривая:

— Знать, желать, сметь и молчать. Знать, желать, сметь и молчать. Знать... желать... сметь... и молчать...

Аратта сидела не шевелясь; эти слова она хорошо знает: Амаринэ часто так говорила, по делу и просто так: «Главное для шамани — знать, желать, сметь и молчать». А еще она знала — ей не просто нанесли три черты; если шамани начертит три полосы кровью на левой щеке другой, то так передаст часть своей силы.

Три полосы Зирэра сделала большие, щедрые, от щеки вплоть до шеи.

— Путь твой трудным будет. Ступай же и будь безупречной, а Зирэра сделала для тебя всё, что могла сделать.

Юная шамани поклонилась старой; неожиданно для нее левая щека и левая сторона шеи нестерпимо зажгли огнем. Но Аратта сжала зубы, обнажила клыки и прикрыла глаза — умела терпеть. А потом боль ушла, но появилось нестерпимое желание спать, тошнота и тяжесть в груди; ощущения были сильными и даже слишком реальными, потом Аратта прилегла на бок. Зирэра, видимо, прекрасно понимала, что с нею происходит, и положила лапу на нее.

Серость окутала Аратту. Пребывала она в странном полубессознательном состоянии; вроде и остается сама собой, и понимает себя, но вместе с тем и воли нету, чтоб выйти из этой серости. Нечто похожее можно ощутить, если объесться наралэ — так в самом начале бывает. Только там серость эта легкая, призрачная, туманная — в ней растворяешься, теряешься; тут же она была тяжелой, и тело словно наливалось тяжестью, становясь вовсе не призрачным, а реальным, более, чем реальным.

Очнулась Аратта резко и неожиданно. Гул в ушах и покалывает всё тело (да так, что пришлось даже отряхнуться). И глаза режет свет ночи! Встала на непослушные лапы.

Немного посидев, она пришла в себя, освоилась, ощущения ушли.

Аратта оглянулась вокруг. «Ушла, наверное...», — подумала она о Зирэре. Ее не было.

И дышалось вроде как-то по-новому.

Бастис и Хагал уходили прочь, куда глаза глядят. Сын дренгира ожидал от друга рассказа того, что же всё-таки случилось в пещере, ибо ему завсегда не нравились неясные и странные вещи.

— И как она тебя вытащила? — спросил Хагал, ища взгляда Бастиса.

Тот пока не отвечал.

— Ну?!

Мотнув головой, тот ответил:

— Извини, просто я еще не отошел... Знаешь, когда вы тогда с ней пришли, то я уже думал, что разговариваю с голосами. Мне, знаешь, всякие голоса слышались.

— Так как? — искал ответ Хагал.

— Я сидел в темноте; кажется, спал. Верить, даже не знаю: спал или не спал. Вдруг по всему телу такая волна прошла... Колючая волна. Невозможно описать. Я испугался, это точно. Но потом всё стихло, я снова упал в оцепенение. Потом... потом она пришла...

Хагал впал в раздумье. Потом резко спросил:

— Как пришла?

— Да так — пришла. Сквозь тот самый проход, в который ты хотел залезть. Там путь такой... долгий и кривой, но ведет как раз в то место, где я был. Она позвала меня, подошла, тронула лапой. И всё это — в полной темноте.

Хагал старался понять, что Бастис говорит.

— Она видела во тьме?

Он энергично покачал головой.

— Нет. Была так же слепа, как я. Мы пошли вдоль стенки, — и он остановился, показывая, как они осторожно шли возле стенки. — Аратта сказала, что если идти вдоль стенки, то выйдем на свет. Мы так и шли, друг за другом. И вышли через тот самый проход, кстати, довольно быстро...

— А почему так долго ждала перед тем, как пойти? Что она там делала? Почему сказала мне ждать до рассвета? — возникли резонные вопросы.

— Не знаю, — очень просто ответил Бастис.

— А что потом было?

— Мы вышли наружу.

Помолчали.

— Мда. В любом случае, это...

— ...много сильнее, чем можно ожидать. Это впечатляет.

Хагала действительно впечатлила смелость Аратты, которая, ни капли не солгав, действительно вытащила Бастиса из тьмы. И она будет шамани того прайда, в котором он станет дренгиром. Что ж — у него будет надежная подмога.

— Согласен, Баст. Сильно.

— Действительно. Она просто взяла и залезла в эту темную дыру, чтобы спасти мой хвост. Как ты ее уболтал это сделать?

— Она сама так решила. Сама...

**

Есть такая вещь: у шамани, особенно молодых, часто меняется оттенок цвета глаз, даже на протяжении дня. Ну вот так есть, и ничего не поделаешь. Вот и Бастис это заметил сегодня утром, притащив ей в благодарность тушку молоденького кабанчика. Он пристально смотрел Аратте из глаза в глаз, стараясь понять — обманулся или нет? Видит ли то, что видит, или лишь кажется?

— Вот. Я тебе принес... больше ничего вокруг нет. Заросли!

— Бастис, не стоило...

— А то как мне отблагодарить? По-другому и не знаю как.

— Спасибо за дар.

— Тебе спасибо.

И ответила на его немой вопрос, который он не решался задать:

— Да. Верно. Глаза сменили цвет.

— Как так? — изумился он.

— Раньше не замечал? — обыденно спросила его Аратта, заодно лапой приглашая трапезничать с нею.

Тот сел, посмотрев наверх, искренне стараясь припомнить.

— Нет. Точно нет, — молвил он и принял приглашение.

Бастис не спрашивал ее о своем спасении, хоть ему и хотелось. Хагал же от природы осторожный и расчетливый лев; он не желает попадать зазря в неприятности, делать лишнее и думать о лишнем. Считая историю с пещерой просто неприятным мгновением жизни, он хотел лишь поскорее об этом забыть. За ночь, что прошла, он особо о ней не думал. Так, иногда... Мельком.

Теперь он беззаботно спал под разлогим деревом. Они добрых половину ночи шли и, по всему, уже на землях Иллари. Можно и расслабиться — и так весь день впереди.

Луане идти в прайд после прогулки на всю ночь не хотелось; вообще никуда не хотелось, потому как не было такого места, куда б Луана действительно желала пойти. Она чувствовала, что этим днем случится некое судьбоносное событие, и вполне можно догадаться, какое именно. Рассвет застал ее у реки. Сначала умылась, потом глянула на собственное отражение, но увидела мало — вода сегодня была почему-то необычно мутной. Глянула на солнце — уже начинался его восход, и лучи добирались к ней сквозь ветки деревьев; это дало жизнь красивым узорам на песке и траве. Луана сидела и спокойно созерцала их.

«Пора домой, в новую жизнь».

Когда проходила по площадке возле двух черных каменных столбов Иллари, то заметила на себе взгляды: с любопытством смотрели охотницы. Предчувствуя некие новости, Луана продолжала идти. И предчувствие не обмануло.

Навстречу тут же выбежала мама, сердитая и торопливая. Но громко говорить (а Нуру имела обыкновение так делать) она не стала:

— Ты где ходишь? Где ходишь? Он ведь пришел!

— Кто пришел? — испуганно и так же тихо спросила Луана, поджав лапу.

— Хагал пришел, — выразительно кивнула мама, а потом еле видимым жестом показала лапой направо. Но дочь не смотрела туда, потому Нуру охотничьим жестом — шевельнув правым ухом — показала куда надо смотреть. Но Луана медлила. По правде говоря, она хотела откровенно поговорить с мамой, а не встречать этого неизвестного льва из Велари.

Потому мать решительно, лапой, повернула ее голову.

— Ммм... А где?

— Дальше смотри, — торопливо молвила Нуру. — Воон там, с отцом.

Сложно было издали разглядеть, что творится в двухстах прыжках от нее. Там было несколько львов; силуэты двух из них она не узнала.

Сзади к ней кто-то дотронулся, легко и без всякого подвоха, но Луана аж подскочила.

— Ого, — засмеялся брат. — Вижу, ты уже как на колючках.

— Иди отсюда, иди. Иди вон туда, — замахала лапой Нуру.

Тот послушно ушел, не смея спорить, а сестра Луаны, Шанасси́, которая пришла с ним, осталась.

— Что, сестра, теперь познакомишься со своим... — молвила она и не договорила. Луана поразилась тому, что ощутила ее вполне определенную и взрослую зависть. Луана хотела нечто сказать, но вместо всяких слов вдруг ни с того, ни с сего обняла сестру.

— Чего это ты? — удивилась Шанасси, не стараясь вырваться из объятий.

— Так. Просто...

— Не так просто, а давай теперь быстренько всё обсудим, — перехватила мать. Потом приступила к делу: — Посмотри, как ты выглядишь! И как ты выглядишь?! Шерсть взъерошена. Пригладь, вот так. Да не там! Вон тут. Я ж тебе говорила: «Будь готова!». Ну зачем мать слушать, верно ведь, да? Нет, нет, не махай головой. Не нужно ее слушать, она глупая и уже старая, ничего не понимает... Держись хорошо, много поначалу не болтай, будь серьезной; будет брать гулять — иди. Покажи себя! Не каждый день бывает такое... Уши не прижимай! Не прижимай, тебе сказала! А то так еще к нему подойдешь, как побитая. Кто ж тебя такую захочет? Верно, Шанасси? Верно. И... Чего это ты? Чего это ты вдруг плачешь? — с неким подозрением в умышленном вредительстве спросила Нуру.

— Не плачу я, — отрицала очевидное Луана: у нее по щекам уже скатились ручейки.

Шанасси встала рядом с мамой.

— Чего ты, в самом деле, Луана? — молвила она. Потом продолжила, стараясь выглядеть много старше, рассудительной и важной: — Глянь мама, она совсем потерялась, плачет и грустит, ничего не может. Да я бы прыгала от радости... — подытожила сестра.

— Я тебе сейчас впрыгаю. Впрыгаю! — мать не оценила разумности слов младшей дочери, обеспокоенная тем, что налаженный жизненный план почему-то не спешит быть таким гладким, как хотелось бы. — Ну?!

Шанасси поняла недвусмысленный намек матери и ретировалась. Только хвост мелькнул.

В прайд Иллари они прибыли без приключений. Их заметили на подходе и хозяин устроил радушный прием; потом Хагал, Бастис и Аратта вместе пришли к скалам Ирра. Некогда центр прайда располагался около двух каменных столбов — знаменитой достопримечательности Иллари. Но много лет назад на здешних землях случился пожар, потому прайд был согнан с привычного места на несколько сезонов, а сами каменные столбы стали сплошь черны. Когда все возвратились на родные земли, то жизнь прайда перешла на скалы Ирра, которые западнее этих самых столбов; никто не знал, отчего эти скалы так назывались.

Между Хагалом и Этиайненом, дренгиром Иллари, пошел неспешный разговор о всяких слухах и пустяковых делах. Главную тему визита они пока никак не затрагивали (Этиайнен не хотел спешить, а Хагалу было неудобно — он вообще по натуре довольно робкий лев).

Кроме того, Этиайнен был неприятно удивлен тем, что Уруз не пришел вместе с сыном; он думал, что дренгир Велари обязательно придет. И не потому, что клятва их сына и дочери есть что-то крайне важное (хоть и не пустяк), но каждый имел свои виды на будущее после установления этого союза. Полагалось сделать всё, как следует, а получилось так, что Хагала просто прислали «забрать» Луану к себе во прайд.

Бастис и Аратта молча шли рядом с ними. Юная шамани заметила, как косился на нее дренгир Иллари, да и остальные илларийцы, что попадались по пути: все замечали след темных, истершихся кровавых полос на ее левой щеке. Спрашивать никто не желал либо не решался. Аратта не могла их стереть — это будет равно пренебрежению даром силы от Зирэры.

— Я в Хартланде от конунга слышал, что в гостях у Иллари уже несколько раз были северняки, — начал Хагал, важно выделив это «...от конунга...».

— Да, именно так. Два раза были у нас в гостях, — серьезно молвил Этиайнен, присев.

Все остановились. Хагал повел ушами.

— Хм, но...

— Я знаю, что ты хочешь сказать, — с едва заметной насмешкой молвил дренгир Иллари, не смотря на Хагала. — Но поверь — времена меняются. Они стали другими.

— Или мы.

Этиайнен еще раз криво улыбнулся, снисходительно относясь к эмоциям молодости.

— Ты молод, Хагал. И хочешь смотреть на всё как на черное. Или как на белое... — молвил он, выразительно посмотрев на Бастиса и мельком — на Аратту. Шамани, остро чувствующая души, намеки и любые полутона, сразу всё поняла и, чуть прижав уши, сказала:

— Пожалуй, покину вас. Пусть меня извинит дренгир...

— Нет-нет, останься Аратта, прошу, — попросил Хагал. Ему почему-то было боязно встречаться первый раз с Луаной без Аратты.

Свое недовольство Этиайнен никак не выдал. А Бастис так ничего и не понял: был поглощен интересным для него разговором.

— Так вот. Представь себе, Хагал, что ты — дренгир Иллари. У тебя северняки под боком, — выразительно сказал Этиайнен, намекая на отдаленность Велари от прайдов Больших гор, — тебе приходится жить возле них. Прайд твой... не готов всем противостоять, и у него много других забот, кроме как постоянно охранять свои земли.

Молодой лев перебил:

— Почему? В конце концов, весь Союз может помочь! Конунг может помочь. Все мы...

— Хагал, Хагал. Молодость! Я хочу, чтобы будущий дренгир Велари и лев моей Луаны понимал всю ответственность власти, и ответ за жизнь любого льва и всякой львицы... в твоём прайде...

Аратта поняла, что тема ему крайне близка и трогает некие личные углы его души. «Наверное, кто-то когда-то погиб по его вине или нечто в таком роде», — подумала она.

— И тут! У северняков перемены, смена правителей, они становятся более мирными и спокойными. А потом сами приходят на твои земли, но с миром, без драки! Не знаю, как кто, но в тот день я вздохнул с огромным облегчением, ибо до того момента не знал точно, чем они живут. Теперь им самим хочется тишины и спокойной жизни. Короче, я устал это тараторить днями напролет... Ибо, поверь, это я уже говорил много раз. Буду только рад, если они придут ко мне в гости в третий раз. Вот вспомни: разве конунг имел что-то против?

Хагал изобразил припоминание.

— Нет. Он о северняках говорил так... весьма спокойно.

— Вот-вот. Союзу и без северняков забот хватает; а если отвергнуть их, то у них кровь легко станет горячей.

Дренгир Иллари махнул лапой. Тема исчерпана. Хотя нет, не совсем:

— Да, вот еще. Отучивайтесь говорить «северняки». Все вы, — Этиайнен указал лапой на Бастиса и Хагала (Аратту почему-то пропустил). — Стоит говорить «Саргáли». Они нервничают, если неправильно говорить; а такое нам не на лапу.

— Это дренгир к чему? Они что, придут на днях? — Хагал в некотором роде имел талант задавать вопросы, которые пахли наивностью.

— Придти не придут. Но это так, на будущее. Не помешает. А вообще: я — не они. Откуда мне знать? Может и придут. Хехе, — как-то мерзковато пропустил смешок Этиайнен.

«У него определенно проблемы во прайде. Нервы...», — подумала Аратта, улавливая его жесты, манеру речи, стараясь поймать взгляд — так легче чувствовать чужую душу.

— Хорошо. Пожалуйста, устраивайтесь. Отдохните с дороги. Я позабочусь, чтобы охотницы... не обошли вас вниманием, — это было для Бастиса и Аратты. — А с тобой, дружище, мы пойдем дальше, — это было уже для Хагала.

В подушечки лап неприятно впивались мелкие камешки — трава вокруг была напрочь вытоптана. «У нас дома не так. У нас трав больше. Они что, тут целыми днями топчутся?», — подумала Аратта, но не всерьез, а так, лишь чтобы подумать. Они прилегли под ближайший деревом (им оказалась молодая, еще маленькая сарисса), не сговариваясь, в унисон ощутив усталость от дороги и ходьбы. Бастис провожал взглядом уходящих Хагала и дренгира Иллари, чуть заметно ухмыльнувшись. У Бастиса завсегда был острый и наблюдательный глаз, и он отметил, что они направляются к неким трем львицам, но те стояли далеко — прыжков двести не меньше, да еще и в тени скал Ирра.

Аратта же, из привычки отмечать что-где-как растет, когтем разворошила кору этой самой сариссы, удивившись тому, что эту мягкую кору еще совсем не трогала местная шамани. Аратта ничего о ней не знала и никогда ее не видела. Она хорошо знала шамани прайда Хлаалу, довольно плохо, но всё же знала двух шамани Юнити, неплохо узнала Скади из Хартланда и поддерживала добрые отношения с Хельзой из Делванни. Но о местной... Даже не помнила ее имени. «Амаринэ когда-то говорила. Но я забыла».

— В нем неуверенность. Этиайнен даже чего-то боится. Что-то у него не так во прайде, — поделилась соображением Аратта, отодрав наконец кусочек коры и бесцельно рассматривая его.

— А что не так? — любопытно спросил Бастис.

Выбросив кору, она с удовольствием растянулась по земле.

— Не знаю. Но его очень затронул этот разговор о северняках.

— Даже больше, чем то, зачем пришел Хагал? Я думал, он будет суетиться и тут же... так сказать... представлять Луану во всей красе.

— Похоже, это его не очень заботит. Он просто освобождается от еще одной головной боли — как лучше устроить дочь. Он всё считает свершившимся.

Бастис искренне засмеялся. С Араттой определенно приятно разговаривать — она умна: и по-житейски, и так, по своему... Молвил:

— Он правдив, мне кажется. Прямолинейен. Что его болит, то и говорит. Видимо, эти северняки его раздражают или нечто в таком роде.

— Ой нет. Он хитер и уж точно не говорит, что действительно думает.

— Откуда знаешь?

В ответ ему было лишь скромное молчание и изящный взмах лапы, который мог означать ровно что угодно.

— Ну, я понял.

— Еще не встречала искреннего, прямого дренгира. Сколько вот их встречала — ни одного еще, — призналась Аратта.

— А чего так?

— Так... Такие они. Себе на уме. Видимо, власть меняет и берет свою дань.

Бастис хмыкнул и было улегся дремать, но некая мысль не давала ему покоя.

И он таки не смог ее сдержать:

— С тобой определенно страшно иметь дело. Всё чуешь.

— Удивлю тебя: шамани за это платят своим страхом.

— В смысле?

Юная шамани лишь мило и чуть кротко улыбнулась, взмахнув хвостом и глядя на землю. Она не знала, как лучше ответить и вообще стоит ли отвечать. Объяснить страх первого принятия наралэ еще можно. Но, например, страх, который ощущаешь, глядя в сновидении на свое отражение во воде? То-то и оно.

— Да, мы забыли. Стоит говорить «Саргали», — сказала она.

Бастису очень хотелось вымолвить равнодушно-вялое «Да шакал с ними...», но решил просто саркастично согласиться:

— Ага.

Немного погодя Бастис заметил, что какая-то львица быстро-быстро убежала из-под тени скал Ирра. Потом, томясь от истомы далекой дороги и желания поспать, уткнулся в лапы.

— К нам кто-то идет, — разбудил его тихий голос Аратты.

Бастис мгновенно пришел в себя.

— Кто?

— Добрый день для львицы! — первой поздоровалась с незнакомкой Аратта, которая подошла совсем близко.

— Здравствуй, Аратта. Извини, не знаю имени твоего друга.

«Но откуда тебе известно мое...», — шамани понятия не имела, откуда эта львица знает ее имя. — «Наверное, спросила у Хагала».

— Приветствую львицу, — ответил лев. — Мое имя — Бастис.

— Рада знакомству, — ответила львица.

Возникло мгновение тишины, во время которого Бастис удивленно смотрел на нее, и Нуру поняла, что он не знает ее. И, видимо, Аратта тоже.

— Я — Нуру, иду вместе с дренгиром, — представилась она для них.

В Союзе, если львица говорит, что идет «вместе с кем-то», то это может означать, что она — его львица.

— Ой, извинение для львицы! Просто Нуру выглядит так молодо. Мы не думали, что львица может быть мамой Луаны... — засуетился с комплиментами Бастис.

— Да брось, — засмеялась Нуру, явно польщенная. — Идемте. Желаете познакомиться с ней?

— С удовольствием, — ответил Бастис.

Аратта в ответ вежливо кивнула.

Вопреки ожиданиям, мать Луаны не стала занимать их длинными, пустыми разговорами ради приличий. Лишь молвила:

— Хорошо. Луана сейчас придет. Она немножко задержалась... На охоте задержалась. Следуйте за мной.

Чинно воцарившись на небольшом камне возле скал, Хагал болтал о пустяках с двумя местными львами уже довольно почтенного возраста. Он ожидал встретить Луану, но, как ему сказали, она «еще на охоте» (на самом деле та сбежала от строптивости, когда завидела Хагала). Преимущественно говорили они; он лишь сидел и согласно кивал, задумавшись о своем. «Интересно... Чем бы ее таким удивить или занять, если всё же она мне понравится. А то как-то глупо — просто на прогулку...». Хагал, почесав гриву, с недовольством подумал, что не знает ничего эдакого романтического, чего-то такого, что удивляет.

Он чуть успокоился, когда заметил, что к нему возвратились друзья. Этиайнен куда-то пошел по своим делам, но вместо него к ним присоединилась Нуру с дочерью Шанасси и еще двумя львицами, которых она не представила. Также особняком держалась некая львица возраста силы, в которой Аратта сразу признала шамани, несильную, но всё же; та постоянно всем улыбалась, разговоры лишь слушала, но ничего не говорила сама. Аратта вообще удивилась своей чуткости: она ощутила ее прыжков еще за сто. И вообще, отметила, что ее чуткость к безмолвному знанию как-то очень резко обострилась.

Аратта тоже участия в болтовне не принимала — ей было скучно. Она желала куда-то уйти, но не могла — всё же нужно дождаться Луану и исполнить свой несложный долг в этом походе: рассказать о ней Хагалу.

— Мммм... Аратта, тебе, наверное, стоит умыться, — вдруг молвила Нуру, намекая на темные полосы довольно неприятного вида на левой щеке.

— Боюсь, я не могу этого сделать.

Недоумение со стороны Нуру, любопытный взгляд — от неизвестной шамани.

— Это часть одного обряда. Так надо, — ответила шамани Велари.

В пустом времяпровождении прошло много времени; наконец, Нуру вдруг издали заметила Луану и дала о себе знать требовательным рыком.

**

Посреди ночи Хагал изливал душу Бастису, который постоянно звал и тихо желал лишь одного: чтоб тот рассказал всё побыстрее или перенес очень увлекательный рассказ на завтра.

— Дружище, я даже не знаю. Не знаю. Какая-то она... не очень... — вынес вердикт Хагал и с деланной скукой вздохнул.

— Не очень? Сдается мне, что из себя она даже очень, — вполне справедливо заметил Бастис. Он видел Луану, и она оказалась красавицей хоть куда.

— Это так... Но характер у нее скверный.

— У всех них такой. Больше или меньше — это уже такое, другой вопрос.

У Бастиса никогда не было проблем с противоположным полом; потому он, при всём желании, не мог вникнуть в суть дилемм и страданий Хагала.

— С Араттой советовался? — подкинул ему идею Бастис, растянувшись по земле: вдруг Хагал уйдет ее искать и оставит его досматривать последние сны перед рассветом.

— Да не успел! Не успел я! Как только Луана подошла, так всё сразу и закрутилось, а потом мы пошли... А где Аратта?

— Не знаю. Ушла куда-то.

Хагал немного подумал.

— Завтра спрошу.

Всё было чуть не так, как рассказал сын дренгира Велари. Точнее, вовсе не так. Он выставил всё в таком свете, будто Луана ему не слишком понравилась, будто он раздумывает: а стоит или не стоит... В общем, старался сохранить гриву, как говорят; сохранить достоинство и образ себя. Но на самом деле...

Их познакомили; он сел рядом с ней. Он чуял себя неуютно и не решался ни на что; она оценивающе рассматривала его. И чем больше Луана находилась рядом с Хагалом, тем больше чувствовала его неуверенность и внутреннюю слабость; оттого, повинаясь инстинкту самки, она еще более скептически и насмешливо смотрела на него.

Нуру, еще немного поддержав разговор, многозначительно молвила:

— Пожалуй, мне пора...

Остальные намек поняли правильно. Луана и Хагал остались наедине возле суровых, высоких и холодных скал Ирра.

Хагал сделал предложение:

— Может, пойдём попьём? Ты знаешь, где можно попить?

Что за глупый вопрос? Ага, да, не знает! Жить здесь с рождения — и не знать? Смешно... Ладно, первую глупость можно и простить. Луана, закрыв глаза, сидела, к чему-то принохиваясь. Потом повела ушами и ответила:

— Ну... идем.

Она пошла первой; Хагал чуть понаблюдал, а потом последовал за нею. Совершенно свободная, уверенная походка; Луана смотрит по сторонам так, будто является хозяйкой всего мира. Хагал шел позади, забыв о том, что это весьма неприлично — льву плестись за львицей. Признаться, она красива, как ни крути, с любой стороны. Но потом исправился и догнал ее; она никак не среагировала, оставаясь недоступной и холодной.

— Луана, вот что. Давай немного поговорим, — со забавным пафосом вздохнул Хагал. Ему вдруг не к месту и не ко времени невыносимо захотелось чесаться. Впрочем, почему «вдруг»? У него всегда так, когда нервничает.

То, что произошло дальше, Хагал предвидеть не мог. Луана вдруг передразнила его тоненьким, просящим тоном:

— Луана, Луана, ну давай, давай немного поговорим! Тям-тям-тям. Тям-тям.

Он опешил и, признаться, немного обиделся; даже споткнулся от этого. А Луана уже обычным тоном спросила:

— Зачем говорить без смысла, а лишь из страха промолчать?

— Эй... Если двое собираются, то молчать как-то не очень... принято, — наконец, ответил он на интересный вопрос.

— Кто такое придумал? Если вдвоем хорошо, то слова мешают.

— Но иногда всё же нужно поговорить, правда?

— Точно. Вот как ты шел и измышлял: «Что бы такое сказать?», «Чего бы ее спросить?».

Хагал лишь удивился, насколько хорошо Луана угадала мысли.

— Потому слова нужны лишь тогда, когда есть что сказать. Лев должен хорошо думать, что говорит, — заметила она и взмахнула хвостом.

Видя неприятие и разочарование Луаны, Хагал всё же заметил ее игру: поймав его взгляд, она тут же отворачивалась, но потом снова тихонько, лишь глазом, смотрела на него. Это завораживало. Расчет был прост и стар, как мир: пусть помучается. Она дразнилась и не спешила полностью его отбрасывать.

В этот день они действительно пошли просто попить воды, как ни странно. Хагал потом корил себя за то, что не взял ее дальше на прогулку, подальше от прайда; но, подумав, решил, что так даже лучше, иначе Луана бы и вовсе перестала принимать его за льва, всласть наевшись его нерешительности.

Он решил: первое — нужно перестать нервничать; второе — спросить у Аратты, что она думает о Луане; третье — не стыдиться и расспросить ее, как лучше себя с нею вести. Аратта — шамани, она — поможет...

А Луана после времяпровождения с Хагалом ответила матери и сестре, когда они набросились с вопросом «И как всё прошло?»:

— Никакой он.

Сестра захихикала, а Нуру охнула и начала выпытывать подробности.

Аратта же вечером имела честь познакомиться поближе с шамани Иллари — та подошла сама и предложила пройтись вместе.

О ней стоит рассказать подробнее. Имя ее — Кеари. На путь она встала необычно поздно, в подростковом возрасте; ее наставница, ощутив к ней *хламай*, решила, что еще не поздно. Как выяснилось, для того, чтобы стать сильной шамани, Кеари действительно опоздала. Но у нее обнаружилось множество иных достоинств. Она обладала каким-то странным, даже патологическим терпением, аккуратностью и крайней внимательностью к другим. Кроме того, Кеари всегда улыбалась, доверяла всем и каждому, изначально думала о всяком только доброе: она выросла в благополучном окружении большого рода, у нее были и мать, и отец, которые никогда не ругались, подруги и тетушки, что всегда приходили ей на помощь. Оттого изначально она относилась к миру с добротой и пониманием, вовсе не ожидая от него худого, а когда такое случалось, считала это досадным недоразумением.

Выяснилось, что у Аратты и Кеари общие предки знания. Выявилось это случайно, когда Кеари спросила шамани Велари, почему ее мама болеет.

— Она не болеет. Впрочем... откуда мне знать. Может и болеет.

— Вы разве не общаетесь? Или она в другом прайде?

— Мать бросила меня саму в раннем детстве.

— Ой... Ой-ой. Не могла я знать, — с истинным состраданием сказала Кеари и обняла юную шамани. Аратта сдержанно приняла это выявление чувств. — Но знание ко мне пришло: она жива, но ей нездоровится.

Аратта равнодушно повела ушами. Лишь кончик хвоста чуть дрогнул, но этого никто не заметил.

— Вместо матери была мне Амаринэ. Но ее тоже нет.

— Ах, слышала о ней. Мы с нею были знакомы, но очень плохо. И еще помню ее наставницу. Ам... Ами... Кажется...

— Амана.

— Да, верно.

— Анари. Шелли и Нарра. Иримэ Преданная. Мартиэль, Энная, Кирара. Лейра. Асантэ Безупречная. Аймири и Баширра, Эшалли и Унарр, Амана. Амаринэ, — назвала Аратта всех, никого не упустив.

Оказалось, что и у Кеари в предках знания есть Мартиэль. Ее линия начиналась с некоей Юласси, а кончается ею, Кеари — у нее уже двое учеников: одна

львица, один лев. Лев по имени Гарзум жил недалеко от прайда, и, как все львы-шамани, вел шакал знает какую жизнь. Львица же, Асаджи, конечно, осталась во прайде — а кому тогда быть, когда Кеари не будет?..

Аратта еще не может сказать, что ею кончается ее линия. У нее нету ученика. У нее еще никогда не было хламая.

— А где Асаджи? — поинтересовалась Аратта.

— Гуляет где-то... Она еще маленькая, еще должна гулять, играть.

Не чувствуя в ней большой силы, Аратта должна была признать, что Кеари — прекрасная шамани для любого прайда. Ее чуткий характер, изначально доброе, даже чуть наивное расположение ко всему и всем, бессменная улыбчивость и полное отсутствие хотя бы толики строгости были идеальным сочетанием качеств для такой непростой судьбы, как у шамани для прайда; она сразу располагала к себе, к разговору, и такой шамани очень просто довериться, если желаешь от чего-то излечиться или просто пожаловаться: на хворь, на детей, на неудачную охоту, на дурака-ярла, на жизнь... Кроме того, Кеари оказалась отнюдь не робкого десятка: она, ощутив хламю к Гарзуму, вовсе не пропустила его мимо себя, но решительно взяла того в ученики, а такое бесстрашие и терпение многого стоит.

Кроме того, у Кеари есть талант снимать боль. Нет, вовсе не травами, цветками, кореньями, листьями или еще чем, хотя она и это умела. Ей достаточно приложить лапу на больное место, и всё утихает. Кроме того, львята засыпали возле нее мертвым сном, стоило только Кеари пригладить их, приласкать или заговорить что-либо приятное, чем всю пользувались все молодые мамы прайда. Никто не учил ее, она просто сама к этому пришла, вовсе не считая чем-то особенным, а тем более — даром, хотя львов и львиц с других прайдов такое немало удивляло. Кеари сама, по наитию, научилась обмывать лапы в проточной воде, будь то река или родник, после любого «снятия боли», как она сама называла. Кеари никогда не болела от любого снятия, самое большее — могла чуть разболеться левая лапа, и то ненадолго.

Нечто подобное умела и Аратта, только при этом она могла лишь перетянуть на себя боль, но не снять.

Такое вот впечатление она произвела на юную шамани Велари.

— А вот эта трава очень хороша, очень, — шла Кеари и ловко била хвостом именно по этой траве, о которой говорила. Аратта безуспешно пыталась повторить этот трюк; ее длинный хвост не слушался и попадал постольку-поскольку. Они вышли на какое-то болото, топи; такое посреди саванны Аратта видела в первый раз и весьма подивилась эдакому.

— Трава эта похожа на траму... — присмотрелась она.

— Похожа, похожа. Но не она! У вас такая не растет, а здесь — ближе к горам — есть. Она от живота очень хороша, особенно детям. Вот у тебя живот болит иногда?

— Нет. Нет, никогда не болел, — не могла вспомнить такого Аратта.

— Очень жаль. Потому что от живота она просто прекрасна.

— Эм... Из нее рамзану делать надо?

— Неет. Ее так кушать можно. Испробуй!

Аратта попробовала. Редкая гадость, как и практически любая трава.

— Горьковата...

— Только не пей здесь воду, она плохая.

И внезапно Кеари сказала:

— Ты печальна.

Аратта остановилась, посмотрела на отражение неба и себя в мутной воде.

— Иногда все мы печалимся, — молвила и пошла дальше.

— Я узнаю таких, как ты. Ты — охотница за силой. Словно шамани из древнего предания.

— Что львица хочет сказать?

— Хочу сказать... Вот знаешь: я видела многих шамани, обладающих большой силой и способностями. Вот как тебя. Но я всегда чуяла в них печаль и тоску.

— Это, скорее, томление по неизвестному. Стремление идти дальше, — подобрала ответ Аратта.

— Иногда проще остановиться. Стоит ловить удовольствие сейчас. Охотниц за силой и убивает эта охота. Если выбирать между простым счастьем и силой, то выбирай первое и не думай... Это я так думаю...

Аратте стало понятно, что Кеари говорит не столько о ней, сколько о себе лично. Она очень хорошо поняла, о чем говорит шамани Иллари: в какой-то момент Кеари решила, что с нее хватит стремления, хватит знания. У нее лев и четверо детей, и нету лучшей шамани для прайда, чем она, — разве не прекрасно?

— Такова я есть. Охотница.

Незавершенность разговора мучила юную шамани; она добавила:

— Но как мне прекратить быть тем, чем я есть? И стоит ли? И что оно — счастье?

Подул свежий ветер; они сели, вместе вдыхая запахи, которые он нес — не денешься от инстинкта. Аратте очень захотелось прилечь, она чуть было не сделала это, но вовремя опомнилась — мокрая болотная трава по лапам. Вспомнила о кровавых полосах на левой щеке; провела легко когтями по ней. Уж ничего не осталось, кажется... Странно, что Кеари ничего не спросила — она заметила ее заинтересованный взгляд там, возле скал Ирра. Только сейчас Аратта начала осознавать, что чутье ее стало острее, взгляд — тяжелее; казалось, что сила прямо струится от ушей до кончика хвоста. Ее тревожили теперь уже постоянные ощущения вокруг тела: то к шее подступит холодная волна, то меж ушей — колючая, то слева по телу словно обдаст жаром. Они, конечно же, и раньше посещали Аратту, но не постоянно и не так интенсивно. Не в силах еще разобраться, что эти ощущения значат, юная шамани старалась наблюдать и молчать.

А еще ее начали посещать навязчиво-томные мысли о львах.

В общем, Зирэра подарила ей много силы, но обрести над нею власть может лишь сама Аратта — никто за тебя не может пройти по этому пути.

Впрочем, как и по любому другому.

— Слушай, Аратта, есть предложение, — освободил от мысли голос Кеари.

— Слушаю, — наострила уши Аратта, продолжая смотреть вдаль.

— Давай вместе будем сновидеть. Сегодня ночью.

— А что львице надо?

Просто так вместе не сновидят. По крайней мере, так привыкла Аратта: это делается лишь по необходимости. Как правило, если нужно кого-то найти в сновидении (это довольно трудно, а вдвоем или втроем — легче) либо если наставница обучает учеников сновидению.

— Совсем ничего. Просто есть желание. Ведь ясно, что ты хорошая сновидица.

— Хорошо. Конечно.

Больше Кеари не затрагивала этот вопрос до самой ночи, видимо, не желая навязываться; они болтали о чем угодно, потом Аратта стала свидетелем того, как Кеари пришлось помочь в первый раз принести новую жизнь молоденькой львице прайда (Аратта, которой несколько раз приходилось принимать роды, подумала, что она сможет безупречно сделать это лишь тогда, когда у нее самой появятся дети), потом они случайно встретили Нуру, и та витиевато просила шамани Велари «помочь Хагалу понять, что Луана — хорошая львица». В общем, две шамани еще много чего делали. Но Аратта никогда ничего не забывала и всегда улавливала суть разговора, потому ближе к полночи они вместе пошли на север.

В этот раз Аратта вошла в сновидение настолько легко, насколько легко взмахнуть хвостом. Без труда ее намерение вытащило за собой и Кеари, которая оказалась довольно неважной сновидицей (но страха и робости в ней не было). Ну, нет предрасположения, и ничего... Не всем же быть сильными сновидцами.

Они скользили по мировому древу. И снова Аратта встретила тот самый камень; он снова ей давал безмолвное знание, суть которого была проста и сложна одновременно: «путь».

**

Этиайнен устало смотрел в одну точку перед собой, небрежно разлегшись на холодном, безжизненном каменном полу своей пещеры. Покоиться на голом камне посреди ночи отнюдь не хорошо для здоровья, но ему было всё равно.

Его собеседник, небольшой черный лев по имени Шазápp (но все звали его Черным), внимательно наблюдал за ним.

— Я устал от всего этого. Знаешь, устал притворяться, — отрывисто сказал Этиайнен.

— Почему?

Казалось, дренгира вопрос еще больше раздражил:

— Да потому что голова не деревянная. Кто угодно истощится, если будет думать одно и то же целыми днями!

— Нет, я хотел спросить: отчего ты так беспокоишься?

— Вот, гляди. Молодые северняки уже два раза приходили на мои земли. В мой прайд. Они были предельно вежливы, предупредительны. Тихие, никуда не совались без разрешения. О шакаля мать, знал бы ты, сколько сил мне стоило пережить их первый приход... Помолчи! Мы глаз с них не спускали! Я три ночи не спал. Вот ждал: ночью подкрадутся северняков десятков пять, и прощай прайд Иллари!

— Ну... — начал было Черный, но без шансов. Этиайнен уже не был способен слушать кого-либо:

— А что было перед этим? А? А? Они всю разгуливали возле границ и по дальним окраинам наших земель, никого не спрашивая. Два сезона назад они убили двух моих львов на обходе. Будто не знаю, кто это сделал... А теперь кто-то объяснит мне, как это всё понимать?!

Черный, будто задумавшись, приложил лапу к подбородку, а на самом деле подумал: «Понимать так, что ты — дурак».

— Вот что, ты считаешь, если северняки решат сюда придти с боем, так тут все сразу встанут против них? — спросил неожиданное Этиайнен, будто это не он, а Шазápp был дренгиром Иллари.

— Думаю, да, — серьезно ответил Черный, положив лапу на лапу. Чего зазря в ком-либо сомневаться, а тем более в целом прайде Союза.

— А я думаю, что нет, — с неким торжеством сказал Этиайнен.

Шазарр вовсе не разделил его торжества:

— Что ж ты... так неуверен во своем прайде?

Вместо ответа Этиайнен вышел из пещеры; смотрел на мир он довольно долго, и Черному надоело сидеть самому: он начал играть попавшимся под лапу камешком. Наконец, дренгир зашел назад во тьму пещеры и с ходу начал:

— Ты знаешь, каковым мне прайд перешел во власть. Он напоминал пуганную кучку чужаков. Жуткое зрелище было. Теперь, знаешь, немногим лучше. Но мне не на кого опереться! Не на кого! Нету ни одного толкового ярла!

Черному показалось, что дренгир вот-вот заплачет или нечто в этом роде — такое у него было жалостливое выражение морды. Это рассмешило его; он, чтобы скрыть веселье, притворился, будто фыркнул от досады. Мелкая пыль и песочек поднялись с каменного пола пещеры, и Шазарр чихнул по-настоящему.

— Вот сам-то ты как думаешь. Кто сможет дать отпор? Кто в Союзе реально может дать отпор? — спросил дренгир.

— Кому?

Резонный вопрос.

— Кому угодно! Севернякам, гунналам, южным прайдам!

Черный очень долго смотрел на Этиайнена, стараясь придумать, как правильно доложить конунгу о том, что дренгир у Иллари катится по наклонной.

— Юнианцы... Веларийцы...

— А регноранцы?

Советник конунга решил не врать себе и ему:

— Вряд ли.

Дела у прайда Регноран сейчас были действительно плоховаты.

— Илларийцы?

Черный уклончиво кивнул головой.

— То-то. Дальше продолжать спрашивать? Делванни, Хлаалу?

— Та ну, о них смысла нету спрашивать, — очень двузначно, с хорошо скрытым сарказмом молвил Шазарр.

— Хартланд?

— Нууу, что тут спрашивать, я даже не думал, что ты спросишь...

На такое уже стоило обидеться, если не рассердиться.

— Ну-ну. Ну-ну! — начал ходить кругами Этиайнен. Так продолжалось долго: он очень легко застревал в плену одной мысли и всячески ее усиливал, развивал, мучил ею сознание. Потом, чуть успокоившись, изрек:

— Всякая игра со северняками, всякое промедление — смерти подобно.

— Не понимаю твоего беспокойства. Ведь конунгом уже решено: нам стоит ответить тем же. К севернякам пойдет наша молодежь.

— Я бы не играл в игры. Думаю, стоит сразу пойти мне.

Шазарр чуть не схватил того за лапу, будто верил, что Этиайнен прямо сейчас возьмет да пойдет.

— Нет. Ни в коем случае. Это будет глупо. Сначала нужно ответить тем же — извечное правило, простейшее правило: отвечать нужно равным. Когда они пришлют своего правителя... или правителей... вот тогда и можно говорить. Это всё,

извини, они начали первыми! Конунг знал, что ты так скажешь, и потому прямо запрещает тебе идти.

Этиайнен снова начал впадать в нервозность и истерику:

— А кого я пошлю? Кого из молодежи нынешней из своего прайда я могу послать?! Да отвечу тебе: никого! Да честное слово, у меня не наберется и трех голов для такого задания!

— По крайней мере, один у тебя будет. Завтра, — спокойно отметил Черный. Дренгир наострил уши. Кто-то хотел войти в пещеру, но Этиайнен молча, нервно прогнал лапой нежеланного посетителя прочь.

— Кто? Ты о ком? — пытливо смотрел он на Шазарра.

— Тайназ. Молодой лев, но толковый, с большим опытом походов. Конунг лично распорядился послать именно его. Тайназ и возглавит тех, кто пойдет к севернякам. Он придет завтра днем.

— Допустим... А остальные?

Черный повел ушами.

— Это ты уж должен сам придумать.

Этиайнен тяжело вздохнул и потер лапой щеку. Спросил:

— Как думаешь, что всё это значит?

— Поведение северняков? Их приход в твой прайд?

— Да.

— Насколько я слышал, у них серьезно сменилась власть. Какая-то борьба не на шутку. То ли была, то ли продолжается — не знаю.

Этиайнен со скучным видом отбросил такое простое объяснение:

— Это ты от меня слышал.

Это было неправдой; Шазарр слышал это много раньше, и не от Этиайнена. Но решил не спорить, а говорить о деле:

— Вот видишь... Это многое объясняет. Северняки слишком прямые, чтобы вдаваться в изощренные планы. Они просто ищут если не мира, то перемирия на некоторое время. Посуди сам, ведь всё правильно: одна посыльная — слишком мало для такого шага; сразу правитель прайда — слишком много. Потому и прислали молодых львов и львиц. Ничего нового, так всегда делали, делают и будут делать... Кстати, как по-ихнему будет дренгир?

Наблюдая ночь, дренгир незамедлительно ответил:

— Арша́х.

— Вот. Так, давай по порядку. Северняки всегда были нашим неприятелем, так? Так. Месяц назад они пришли к тебе с миром и побыли здесь три дня. Через десять...

— Пятнадцать...

— Пятнадцать дней они пришли к тебе еще раз. Снова молодежь. Снова с миром. Снова три дня. Разве с такого начинают войну? Нет. Чего они хотят? Перемирия, мира, дружбы, выгоды, передышки — называй как угодно. Подумай сам. Северняки решились на такой, я бы сказал, унижительный шаг! Значит опасаются, боятся, уважают. Но пренебрегать этим не стоит. И что надлежит сделать? Правильно. Ответить тем же — послать молодежь. Там всё и разузнается.

— Об этом я и говорю!

Шазарр успокаивающе молвил:

— И я тоже. Этиайнен, всё нормально. Я всё понимаю, конунг всё понимает, ты всё понимаешь. У тебя просто беспорядок в голове, извини за резкость. Всё так оно и есть!

— Хорошо. Я понял. Мне нужно подумать, кого можно послать с этим... как его... Тайназом.

— Подумай. Честь, Иллари-дренгир, — сказал Черный и ушел, еле слышно посмеиваясь. Но потом смеяться перестал — по сути, следовало встревожиться, а не смеяться. Во главе прайда Иллари — беспокойный паникер.

— Давай... Честь... — очень запоздало ответил Этиайнен.

Пещера дренгира на скалах Ирра во прайде Иллари находится лишь на небольшом возвышении, у самого их подножья. По правде говоря, Этиайнен ее не любил — она была какой-то неуютной; Кеари, шамани прайда, советовала ему там не жить, но Этиайнен из какого-то принципиального упорства не слушался ее. Он хотел аргументов, а Кеари просто говорила: «Спать там плохо. Стоит найти иное место». С детства ненавидя всячески указания и советы, особенно от львиц, он решил не следовать совету шамани. Тем самым, и не только этим, Этиайнен заслужил себе славу упряма и даже самодура; кроме того, это обеспечило ему многие неудачи за те несколько лет, что он правил.

Заметив дренгира у входа, к нему подошла одна из хозяек охоты (считая это большой удачей — днем его попробуй вылови для разговора): у нее назрел какой-то серьезный конфликт в охотничьей группе, да такой, что одна львица расплосовала когтями шею другой. Но дренгир отправил хозяйку охоты прочь: терпеть не мог, когда мешали думать.

«И вообще, в последнее время охотницы вообще не справляются. Распустились!», — подумал между делом.

Потом к нему подошла Нуру, которая беспокоилась о том, что он не спит, и тоже получила свою порцию недовольства.

А потом подошла Луана. Она снова гуляла в ночи. Подозревая, что это ее последние ночи в родном прайде, Луана не могла упустить возможности погулять в одиночку по родным местам. Зная, что отец терпеть не может этой ее привычки, она загодя прижала уши.

Этиайнен внимательно смотрел на нее:

— Ну как тебе Хагал? — вдруг просиял он.

— Я должна сказать, что он... — мнительно начала Луана. Но ее перебили:

— Так и знал, что Хагал тебе понравится. А то! Очень хороший лев. Луани, иди сюда. Давай, иди. Слушай меня... Завтра тебя ждут интересные новости. Будь готова. Будешь готова?

Та вздохнула. Да знает она, что это за новости. Прекрасно знает. Хагал предложит идти с ним во прайд Велари, а она... Ну а что она?.. Не откажешься ведь...

— Буду.

— Славно. Иди, спи. Доброй тебе ночи.

— Доброй, отец.

**

Сонная Аратта, которая почти на рассвете легла спать на том месте, которое определили для веларийцев, сначала не поняла, что именно нужно Хагалу. По прав-

де, он и набросился как-то с ходу со своим вопросом, даже не пожелав доброго утра. Зевнув, она лежа вытянулась и переспросила:

— Еще раз, пожалуйста. Не расслышала.

Хагал потрепал ее за бок, мол, быстрее просыпайся; уж чего Аратта ненавидела, так вот это такие вольности сразу после сна. Но сдержалась.

— Что ты думаешь о Луане?

— Знаешь, Хагал, так тебе скажу. Вы очень разные. Правду скажу: с тобой она будет мучиться. А тебе с нею будет всегда трудно, хоть она тебе понравилась. Но вот что: я вас вижу вместе. Будет она с тобой. Но знай: воистину любить тебя Луана не будет.

— Ты серьезно? Ты так думаешь? — суетился Хагал.

Аратта устало молвила:

— Что мне думать... Вижу я.

— Получается, мы не очень подходим друг другу... — Хагал тербил хвост Аратты, будто собственный.

— Не очень. Но всё вполне реально. Если львица нравится льву внешне, то это уже многое решает. А если лев, по мнению львицы, может дать ей будущее, то это также многое решает.

— Думаешь? — с детской надеждой спросил он.

— Так всегда было и есть. И, думаю, будет.

— Вот как. Спасибо.

— Не за что, — сказала Аратта. Потом добавила, встав и отряхнувшись, искренне желая, чтоб он стал чуть взрослее и серьезнее: — Для того и пошла шамани Велари вместе с тобой. Посмотрю на вас еще, когда будете вместе, и скажу больше, если смогу. Но, думаю, найдете вы общую добычу. Хоть вы и разные. Но в чем-то вы сойдетесь, несомненно.

— В чем?

— Не знаю. И еще. Ты говорил, что тебе просто нужна хорошая львица для будущего дренгира прайда. То есть, для тебя. Думаю, Луана для этого хороша. У нее решительный, цепкий характер...

Тайназ ступил на земли Иллари ровно в полдень; погода была облачной и приятной, потому идти среди бела дня не составляло никакого труда. Первыми его заметили охотницы прайда в густой чащобе зарослей, где они охотились забавы ради на кабанов и прочую живность, что любит прятаться. Мило побеседовав с ними и побросав нескромные взгляды на молоденьких львиц, Хагал спокойно пошел дальше. Они с тоскою провожали его, уходящего, взглядами.

У него было правило: не ходить по протоптанным дорожкам и общеизвестным путям. Нет, конечно, он не всегда ему следовал, но на подходе к любому прайду Тайназ старался идти неведомыми, каждый раз новыми для него путями. Если путь был кривой — он шел напрямик, даже если это требовало усилий; если прямой — шел не по нему, а в стороне. Нет, это не только потому, что его так научили старые разведчицы прайда Юнити — это лишь одна из причин. Более важным было то, что в нем всегда жило чувство протеста. Против чего? А против всего. На всё у него было мнение, и все авторитеты он признавал настолько, насколько требовали приличия, признавал лишь внешне, и не более. Но это был вовсе не прямой и чуть наивный протест юной-юной молодости, молодости льва-подростка, вовсе нет. Его склонность к самостоятельности, к свежему мышлению и изобретению своего была хитрой, гибкой — он вообще очень редко выказывал, что у него на уме. Правда,

иногда дерзость могла взять верх, и он мог высказать всё, что думает; но, как правило, он не говорил, а делал.

Родом он из Юнити, но уже три сезона жил в Хартланде. Конунг Аман заметил его сразу, но не потому, что Тайназ поразил чем-то хорошим и приятным; отнюдь, сначала конунг вообще хотел выгнать его вон назад в Юнити (Тайназ, будучи тогда еще с очень коротенькой гривой, обозвал одного из старейшин Хартланда, никого не смущаясь, «недоразумением на лапах»). Но потом, по иронии судьбы (а в чем ирония — станет ясно позднее), шамани Скади, которая тогда еще не лакала наралэ днями напролет, как-то ответила на страдальческое замечание Амана о том, что ему очень нужен толковый порученец и незаметная «левая лапа» («правую лапу» конунга знали все):

— Пусть мой конунг возьмет Тайназа. И думать не надо, лучше не найти.

Аман никогда не пожалел, что послушался свою шамани. Тайназ имел очень хороший дар: он умел называть вещи своими именами. Его самостоятельность, умение принимать решения и думать также говорили сами за себя. Когда Тайназ вернулся из своего первого путешествия (а он пошел в Хлаалу будто бы для того, чтоб выбрать себе пару), то конунг узнал столько совершенно новых слухов и подробностей о прайде, что потом долго прохаживался взад-вперед возле водопоя.

Для всех Тайназ — лев веселого, чуть вьедливого во своей иронии нрава, любимчик львиц всех возрастов; на его родине, прайде Юнити, у него есть прозвище — Длинный. Сам Тайназ очень не любил его. Прозвище он получил из-за очень больших и длинных когтей, хоть лапы у него вполне средние — не огромные, не маленькие. Вообще же, во внешности Тайназ во всём средний: роста не очень большого, но и не маленького, светлая грива (которая сильно темнела ближе к груди и лапам) не длинная, но и не короткая, широкая кость... Всё очень пропорционально, ни придать, ни отнять; вместе с его характером это делало его привлекательным в глазах самок.

Тайназ сам пришел на скалы Ирра и — удача! — первым встретил отдыхающего Шазарра. Они знали друг друга очень хорошо; Шазарр — один из ярлов Хартланда.

— Доброго дня.

— О, Тайназ, здравствуй! Здравствуй... Как дошел? — Черный легко толкнул его в грудь, это традиционное приветствие молодых львов. Шазарр уже весьма в годах, но со всеми держится очень непосредственно.

— Дошел, — кратко ответил Тайназ. — А как иначе?

Черный засмеялся.

— Молодец...

— И что мне здесь предстоит? — сразу приступил к делу Тайназ, решив не томить себя неизвестностью судьбы. Конунг не сказал ему, зачем он идет во прайд Иллари, объяснив, что всё прояснится лишь на месте.

— Ты пойдешь к севернякам прайда Таллалу.

Это весьма неожиданно.

— Эм... Как и зачем?

— Это будет визит дружбы. С тобой пойдут молодые львы и львицы. Ты будешь главным. Это будет ответом на визиты северняков.

От неожиданности Тайназ присел и тяжело вздохнул; его карие глаза сузились, он обдумывал то, что услышал.

— Хм... Я думал, дружбы с ними быть не может. Одобрит ли конунг?

— Аман решил это еще до того, как ты пришел сюда.

— Я понял. Но зачем отвечать им тем же? Пусть они себе подлизываются на здоровье. Нам-то что? — резонно спросил Тайназ.

— Они хитрят. Это затишье перед штормом. Но и мы будем хитры. Притворимся чистой наивностью. Они хотят дружбы — мы им дадим. Дружбу, — Шазарр так мрачно сказал «дружбу», что Тайназ засмеялся; смеялся он всегда громко, потому три старые львицы, лежащие неподалеку, недовольно повернули голову в его сторону.

Шазарр продолжил:

— Этиайнен — дурак. По крайней мере, в него превратился. Свободно впустить шесть голов на свою территорию на несколько дней. Да еще два раза. Это ж додуматься надо! Наверняка северняки запомнили здесь каждый куст, каждого львенка и каждую муравьиную кучу.

— А лев ему об этом сказал?

— О том, что он дурак?

— Ага.

— Не стоит... Он тогда вообще волю растеряет, еще в панику впадет. Этиайнен склонен винить в проблемах кого угодно, но только не себя.

Презрительно фыркнув, Тайназ перешел к основной теме:

— А что лев думает о северняках? Чего они реально хотели добиться?

— Хотят, Тайназ, хотят. Хоть знаю я их скудно, но не думаю, что... Наверно, они хотят выиграть время, пока у них происходит перемена власти. Они не знают, что Иллари и Регноран растратили дух и смелость, потому идут на мягкие меры, на мир, дружбу и всё такое... Потому нам надо ответить тем же: пойти к ним в гости и запомнить каждое дерево и всякого, кто шатается по земле Таллалу. Вы должны быть настолько же любезны, насколько они были на землях Иллари, и даже еще больше. А там уже посмотрите... Может, и выведаете чего ценного.

Потом, подумав, решительно добавил:

— Нет, вы должны узнать что-либо ценное!

— И когда идем?

— А когда ты хочешь? — спросил ради шутки Шазарр, сощурившись.

— Хоть сейчас, мне всё равно, — ему действительно всё равно.

— Тогда пошли к Этиайнену. Думаю, этот тугодум уже додумался, кого с тобой послать.

Они встали, отряхнулись; пещера конунга всего в сотне прыжков. Тайназ пошел первым, причем сверху, по камням, а не спустился вниз, чтобы идти по земле. Шазарр удивился, но молча последовал за ним.

Когда осталось совсем немножко, он позвал Тайназа:

— Ах, да... — Черный смерил молодого льва взглядом — И советую тебе внимательно присмотреться, с кем идти будешь. Нет ничего важнее. Если Этиайнен даст тебе каких-то идиотов, то скажешь мне — я постараюсь решить вопрос.

— Ладно.

Дренгир Иллари собрал вокруг себя Шазарра, Тайназа, Хагала, Луану, Бастиса и львицу его прайда Саймири. Аратты не было — ее никак не могли найти, и Этиайнен махнул лапой, мол, сами ей всё расскажете.

Ночью у него внезапно созрела вполне конкретная мысль, кого и как послать к севернякам. По сути, всё получалось как нельзя лучше. Был Тайназ, которого так нахваливал Шазарр, — это раз. Во-вторых, был Хагал, будущий дренгир Велари и

лев его дочери Луаны; нет ничего лучше, чем отправить их вдвоем. Трудности и дорога сближают — так разумно подумал Этиайнен. Заодно и привыкнут друг ко другу. Потом: о Бастисе и Аратте дренгир не знал почти ничего, но предположил, что веларийцы отправили с Хагалом отнюдь не худших из прайда. Кроме того, Аратта — шамани; а шамани однозначно не будет лишней в любой группе. Мало того — совсем молодая шамани, что просто как нельзя лучше подходит для этого случая. Это уже пять голов. Саймири же — одна из лучших львиц его прайда из очень хорошего рода; она прекрасно знала все окрестности прайда и весьма хорошо — путь к прайду Таллалу-Саргали. На его землях Саймири, конечно, не бывала, но по сути, этого и не требовалось. Разве что маленькая проблема: она чуть старше, чем все остальные и уже имела детей; но выглядит Саймири худощавой, как львица-подросток, потому она вполне сойдет за юную молодежь.

Этиайнен рассказал, зачем и почему их компания идет к севернякам; назначил главой группы Хагала («Пусть проявит себя», — подумал он); посоветовал, что именно говорить и как представиться при первой встрече; надавал множество пустых и очень общих советов: быть осторожными, быть наблюдательными и прочее-прочее.

Тайназа всё это чуть озадачило: Шазарр ведь говорил, что он будет главой группы. Но, по сути, это было неважно. Кроме того, имя «Аратта»... Это имя... Оно выдалось знакомым. Впрочем, Тайназ имел плохую память на имена, а особенно на имена львиц.

Хагал сразу напустил на себя много озадаченной важности. Со стороны это казалось чуть смешным.

Луану одолели смешанные чувства. С одной стороны, с этого Хагала многого не возьмешь. Коль такая судьба, хоть обнял бы раз, а то боится, как мышь... Но Луана по натуре живая, решительная, любит приключения. Потому этот поход для нее скорее в радость, чем в уныние.

Бастис обрадовался, что наконец увидит северняка вживую. «Вот приду с этого похода и остепенюсь», — внезапно решил он, глядя на говорящего тяжелые, увесистые слова Этиайнена. — «Дам клятву с какой-нибудь львицей. И буду детям рассказывать, как ходил в Большие горы».

Саймири всё восприняла бесстрастно, как должное. Надо — так надо. Она думала о конкретном и обыденном: кому оставить своих маленьких сына и дочь на попечение и как будет негодовать хозяйка охоты Аст'эт, когда узнает, что ей придется уйти: ведь Саймири обещала учить начинающих охотниц, а теперь будет некому — всем лень.

Никому из них не стало страшно, никого не одолела робость. Нет, это не из бесстрашия. Просто северняки пока далеко, приключение кажется интересным, а Этиайнен и Шазарр ведут себя спокойно и уверенно.

Дренгир Иллари спросил у веларийцев:

— Вы согласны пойти? Я сообщу Урузу.

Не отказался никто.

— Аратта будет согласна?

— Если мы пойдем, то и она пойдет. Без нее будет плохо, — осмелился заметить Бастис.

— Это так, Хагал? Берешь ее? — спросил Этиайнен, чтобы вконец увериться.

— Непременно беру.

Было решено отправиться в путь завтра поутру.

После разговора у дренгира Тайназ и Саймири познакомились с Хагалом и Бастисом. Луана решила не тратить время попусту: ушла, чтобы провести остаток времени с матерью и отоспаться.

— Нужно найти Аратту... — между делом предложил Хагал. — Пойди и сообщи ей новости, — обратился он к Бастису.

— Идем все вместе. Вместе и скажем, — сказала Саймири.

— А она где? — спросил Хагал Бастиса.

— Понятия не имею.

— Тогда разыщи, — Хагал уже начинал распоряжаться.

— Пошли вместе искать, — неожиданно присоединился к разговору Тайназ, дружески тронув за плечо Бастиса. — Заодно я с ней познакомлюсь.

Аратта совсем недалеко — она возле водопоя. Она сидит возле воды, у нее нету дела. Чуть ранее она предложила свою помощь охотницам, хотела пойти вместе с ними, но Аратту, под тем предлогом, что она гостья, не взяли. Шамани, зная, как не слишком жалуют новеньких на охоте, не стала настаивать и ушла к воде.

Она любит проводить время у воды. Вообще же, многие львы и львицы Союза любят это. Например, в Морлае такого бы посчитали сумасшедшим — крокодилы вряд ли дадут спокойно отдыхать на солнышке. А в Союзе их нет. Лишь немножко в Большом Мааре, который пересекает земли Союза с востока на запад; но они там всё равно мелкие какие-то, хлипкие, львята даже с ними дразнятся.

Аратта глядела на свою коротенькую полуденную тень. Созерцание своей тени — одно из первых практик для маленьких учеников и учениц. Солнце уже поднялось по небу и тень утратила утреннюю зыбкость — она сместилась в сторону, став короче и гуще. «Днем вещи ясны и полны определенности», — думала Аратта, смотря на нее. — «Но на закате снова станет она неясной, а ночью и вовсе исчезнет. И хорошо. Завтра у меня будет другая тень».

Когда мысли пробуждались, то они были о знаке во сновидении сегодняшней ночью. Снова путь. Аратта обрела уверенность, что им, веларийцам, придется еще изрядно потоптать землю лапами. Теперь лишь стоит ждать, когда будет первый шаг.

Провела лапой по левой щеке и шее; всё, кровавый след изошел. Нежданный дар Зирэры теперь полностью принят, во благо ли или во зло. Тихо зарычала, царапнув землю под когтями. С нею два последних дня теперь часто такое бывает. Иногда ее одолевала волна какой-то ярости, злости, хотелось наделать всем гадостей и хохотать на чьих-то костях; а иногда обнимало такое сладкое, бесконтрольное томление, что Аратта тут же растягивалась по земле, и без спросу и стыда появлялись мысли о том, о чем не говорят. Казалось бы, для такого странного поведения причин вовсе нет, но честная Аратта, которую учили не лгать себе, понимала, отчего всё так. Она еще не могла управиться со силой, подаренной шамани Зирэрой.

Вот снова расцарапала когтями землю, прикрыв глаза и слушая себя. Рот ее чуть приоткрылся, и сама она чуть шевелила головой вправо-влево, словно ища что-то в бесконечном темном пространстве, представшем перед закрытыми глазами.

Аратта учуяла, что на нее смотрят. И даже знала откуда — сзади.

Обернулась. Но рядом никого не было. Удивившись измене чувства, она было хотела вернуться к тому, что делала, но тут треснули кусты; Аратта втянула воздух и узнала запах Хагала.

— Ох... — вырвался вздох.

Она ясно вспомнила, как Амаринэ говорила: «Взор обычной львицы направлен во прошлое: она постоянно думает о нем. Взор шамани обращен в будущее». Аратта тогда не понимала, о чем она говорит.

Теперь ей стало ясно.

Из кустов вышла вся компания, за исключением Луаны.

— Вот ты где, — радостно сказал Бастис. — А мы тебя ищем.

Шамани поднялась и села. Он сразу узнал ее, а она — его.

— Ты? — удивился Тайназ. — Аратта?..

— Да. Я тоже помню тебя.

Аратта смотрела на Тайназа, поджав лапу. Да-да, тот самый невежливый грубиян из Хартланда.

— Она идет с нами? — спросил он у остальных с недоумением.

— Конечно, — с большим недоумением ответил Хагал.

Она сидела, отпустив хвост, сверкая глазами. Он смотрел на нее, она — на него. Аратта — задумчиво-серьезная, Тайназ — слегка раздраженный, чуть надменный.

— И где ж твои полоски... здесь... — Тайназ старался говорить насмешливо-развязно, стараясь поддеть, но вышло совершенно наоборот: печально, с оттенком чувства утраты.

Она ответила:

— Их не видно, но они есть.

Тайназ громко выдохнул, обвел остальных взглядом и молча ушел.

— Чего это он? — недовольно спросила Саймири.

— Ты его знаешь? — спросил Аратту Бастис.

— Видались... В Хартланде.

Через мгновение и шамани уже знала, что их ждет впереди — ей всё в подробностях рассказали.

«Что ж. Путь. Как и следовало ожидать. Как и следовало ожидать...».

Ее насторожил оттенок собственных мыслей об этом пути. Он не был светлым; он был темным, мрачным, словно они не шли в интересное путешествие в чужие земли, а решили спуститься в бездну.

Хагал начал распоряжаться. Он сказал всем идти отдыхать. Сам он с Бастисом и Араттой пошел к скалам Ирра. Там они болтали о пустяках; Бастиса страшно влекло в сон и он уснул еще до заката. Шамани решила воспользоваться моментом.

— Послушай, Хагал... Можно тебя на мгновение?

— Идем.

Они отошли.

— Что?

— У меня плохие чувства на этот поход, — она решила не делать никаких предисловий.

— В смысле?

— В прямом.

Хагал молчал, но вовсе не потому, что задумался над предупреждением. Не вполне понимая, что хочет Аратта, он мучительно выбирал какой-нибудь ответ.

— Вряд ли... Это распоряжение конунга. Если мы скажем, что отказываемся... Если это скажу я... — сделал он упор на «я». — Мы позор получим.

— Будем двое говорить. Я объясню. Иначе зачем я тогда нужна?

— Этиайнен не послушает... Никто не будет слушать. Нет-нет, не надо, Аратта, — замахал он лапой, вдруг реально представив такую картину: он отказывается идти и над ним все издеваются и смеются. — Ты вот скажи, что конкретно нас ждет-то?

— Я не могу знать.

— Ну вот... — довольно изрек Хагал. — Тогда будем осторожны... Будем смотреть в оба. А ты постарайся уберечь от плохого. Ведь мы должны сработаться, Аратта. Ты и я. Дренгир Велари и шамани Велари.

Аратта призадумалась. Хагал говорил как никогда разумно, толково, повзрослому. В этом льве уже угадывается будущий дренгир. Наверное, оно и к лучшему. В жизни нету плохого и хорошего. Есть только вызовы. И вот он — новый вызов.

— А твое пророчество с костями... так сбывлось.

— Не пророчество это, Хагал. Я лишь на миг коснулась будущего.

— Хорошо. Ну что, будем спать?

— Доброй ночи.

— Доброй ночи.

А ночью Бастис разбудил ее тем, что громко чихнул.

— Ой, извини.

— Пустое. Как проснулась, так и засну.

— Лан, пойду попить...

Но не прошел и трех шагов. Вернулся и быстро заговорил; видимо, он долго таил эти слова в себе:

— Аратта... Отлично! Все твои эти штуки реальны, и сама ты настоящая. Путь нам предсказала, меня из пещеры вытянула. Отлично... Я рад, что ты в моем прайде! Я рад, что ты — дочь Велари.

Он топнул правой лапой о землю, чуть наклонив голову: жест приятия, похвалы.

— Мы с тобой и у северняков не пропадем, — улыбнулся он.

— Не пропадем, — погладила его по гриве Аратта.

**

В эту ночь Тайназ спал плохо — никак не мог заснуть. Ворочался с боку на бок, ходил пить, потом просто пошел прогуляться, сменил место ночлега. Но мысли о предстоящем походе не отпускали.

На рассвете Хагал разбудил всех лично; попрощавшись с прайдом Иллари, они, все шестеро, двинулись на северо-восток.

К границе земли прайда подошли бодро и быстро; по пути Саймири и Луана показывали, что здесь да как.

— А воон там, в той большой чащобе, что в долине, живет Гарзум.

— Кто это такой? — спросил Хагал.

— Да это лев. Он когда-то был в нашем прайде. Его учила Кеари, а потом он почему-то ушел. И тут живет, — рассказала Луана.

— И вы навеваетесь к нему в гости? — еще раз спросил Хагал. Ему было, по существу, всё равно, что там с этим Гарзумом; он просто хотел разговорить Луану.

— Да ну его. Он странный, — мило, чуть капризно фыркнула Луана; все ее повадки милы и приятны глазу львов. — Вряд ли кому-то с ним хочется общаться.

— Почему странный? — любопытствовал Хагал.

— Все львы-шамани такие, — заметила Аратта.

— Аааа, так он — шамани?

— Вроде того, — сказала Луана.

— Как такое может быть? Я думал, лишь львицы могут... — удивился Бастис.

Аратта отрицательно покачала головой.

— Нет. Просто львов много меньше.

Потом Саймири их повела по каньону, густо поросшему травой и кустами; теперь только она знала путь, ибо Луана здесь никогда не бывала. Хагал и Тайназ предлагали подняться по склону каньона, чтоб пойти наверху; но Саймири непреклонно твердила, что быстрее и лучше будет идти по самому каньону.

Он оказался длинным. Когда он закончился, то все уже изрядно проголодались.

— Смотрите, — молвила Саймири, опершись лапами о дерево.

Вдалеке еле угадывались гряды пологих гор.

— Мы уже одной лапой в Морлае, — показывала она. — Видите, равнина, что слева от гор... Он и есть.

Тайназ тоже вскарабкался на дерево.

— А северняки где?

— За этой грядой гор. Там прайд Таллалу.

— А далеко еще? А сколько идти? А какой там путь? — ее засыпали вопросами со всех сторон.

— Да не кричите вы... Не знаю. Я никогда там не была. И никто там не был из наших уже много лет, а кто был — так давно умер... — молвила Саймири, грустно вздыхая: искусство разведки и путешествий во прайде Иллари кануло в небытие, а все разведчицы ушли из мира от старости. Это было более, чем странно, поскольку прайд Иллари ближе всех к возможным врагам: чужакам из Морлая, севернякам прайдов Таллалу и Нисна́ру.

Тайназ и Хагал сели советоваться, пригласив еще и Саймири, а остальные ушли на охоту. Стало ясно, что идти придется во многом наугад; Саймири знала, что нужно пойти к горам, найти очень широкий проход в долину, где есть река, но дальнейший путь ей неизвестен. Хагал, как старший группы, крепко задумался. Они уже не на землях Союза, теперь они ступают по ничейной земле. А ничейной ли? Тайназ сделал предположение, что путь к этим синеватым горам вдалеке может пролегать через чьи-то земли.

Советовались долго и решили побеседовать позже, когда остальные принесут чего поесть.

Вскоре охотники — Бастис, Луана и Аратта — притащили антилопу.

— Мне до сих пор непонятно, чего именно добиваются северняки... — задумчиво молвил Хагал, жуя.

— Во время еды лучше не говорить, — назидательно сказала Аратта. — Давайте чуть потом.

— А также нехорошо вступать в разговоры львов, — заметил Тайназ, глядя прямо на нее.

Возникла неловкая пауза. Все смотрели то на Хагала, то на Тайназа, то на шамани. Аратта застыла, не поднимая глаз. Бастис было подумал, что от нее следует ожидать некоей вспышки гнева, злого взгляда или чего-то в этом роде. Но нет. Аратта не сделала ничего. Она лишь сказала:

— Если болтать во время еды, то можно задохнуться.

Во прайде Велари был реальный случай. Двое старых львов шли с обхода; по дороге им попался больной кролик. Один из них решил не пропускать шанса перекусить, хоть добыча и была мелкой, на один зуб. В то время, как он разжевывал его, второй сказал что-то смешное. Первый рассмеялся, и оттого или кость, или часть шкуры кролика попали не туда, куда надо. Сначала он закашлялся, а второй продолжал хохотать. Но потом стало не до смеха. Умудренный опытом второй лев не нашел ничего лучшего, чем побежать в прайд за Араттой. Как выяснилось, он и подумать не мог, что можно задохнуться от еды, а решил, что другу стало плохо. Когда Аратта прибежала к несчастному, то осталось лишь подтвердить смерть от удушья.

Эта нелепость запомнилась Аратте.

— Ну, дурак везде погибель найдет, — с издевкой ответил Тайназ.

— Прекратите эту бессмыслицу, — твердо сказала Саймири. — Тайназ, ну-ка перестань.

— Да-да, — подхватил Хагал. — Прекратим глупости.

Тайназ намеренно сразу же сменил тему, выражая пренебрежение к совету Аратты:

— Так что ты говоришь, Хагал? Тебе непонятно, чего добивались северняки?

— Непонятно. Точнее, в общих чертах я понимаю причины...

— Они хотят задобриться. Затянуть время. Отвлечь внимание. Воспринимать это нужно только так, — уверенно молвил Тайназ. — Не следует заблуждаться относительно них.

Луана сощурилась:

— Тогда зачем нам подыгрывать им? Зачем нам идти?

— Затем, чтобы притвориться, будто мы попались на их уловку. Будто верим в их игру. Если они хотят дружить, так мы очень рады. Врага нужно держать как можно ближе.

— Северняки всё еще наши враги? — спросила Луана.

— Безусловно.

Тайназ немного выждал: может, еще кто чего скажет. Потом добавил после мгновения сомнений:

— Я поражаюсь такому вопросу от львицы Иллари, тем более дочери дренгира.

— Но-но. Смотри, как бы я не поразились тому, как славно ты будешь визжать, если я тебе наступлю на хвостик.

«А у нее есть характер», — довольно подумал Хагал, взмахнув хвостом.

— Не хотел я сказать обидного, — извиняющимся тоном сказал Тайназ. — Просто наивно полагать, что северняки взяли да переменились.

— Верно, — отметил Бастис.

Тайназ решил расспросить Луану, желая полностью вникнуть в суть вещей:

— Вот что скажешь? Какими ты их запомнила? Как они себя вели?

Луана глянула вверх, приложив лапу к подбородку, вспоминая; в такой позе она была очень красива, и Хагал украдкой смотрел на нее, любясь и желая ее.

— Они были вежливы... Помню, как отцу сообщили, что на границе обнаружили группу северняков. Он очень всполошился. Впереди их группы шла львица. Отец понял, что они пришли, по крайней мере, не с открытой враждой. Выяснилось... Выяснилось, что они пришли от аршаха Таллалу-Саргали и пришли с миром; отец не верил. Так им и сказал: «Не верю я вам, идите подобра-поздорову!». А они: «Нам сказали, что правитель Иллари нам верить не будет. Но мы клянемся кровью, что пришли с миром». Отец долго их расспрашивал... Оказалось, новый аршах Таллалу... я забыла его имя... желает мира. Они говорили, что их аршах убеждает всех северняков перестать враждовать с Союзом. Сначала их опасались, а на третий день так даже кое-кто шутил вместе с ними. Они вообще веселыми оказались... Правда, охотиться им запретили, и за ними был постоянный надзор. А второй их приход был таким же, как первый. Отец мне мельком сказал... Знаете, они что-то там говорили о том, какой сильной может быть дружба прайдов Саргали и Союза.

— Если отбросить то, что они совсем недавние враги... они весьма приятными оказались, если честно, — молвила Саймири, играя косточкой.

— Кстати, а они приглашали к себе? — с долей подозрения спросил Тайназ, глядя то на Луану, то на Саймири.

Дочь дренгира Иллари ответила:

— Прямо не приглашали, но намеков было полно. Сама помню: «Души Таллалу поймают радость, когда учуют львов из земель Союза на своей земле».

— Это ты так намеренно или они так странно говорят? — со смешком спросил Бастис, распластываясь по земле. Саймири решительно, но в тоже время очень спокойно уберегла его от этого опрометчивого поступка — подставила лапу под его шею. Беседовали они прямо возле недоеденной антилопы и, понятно, всё вокруг было в крови. «Грязным будешь», — тихо заметила она, не глядя на него. Бастис, чуть сконфуженный, сел назад.

— Они так говорят, — ответила Луана.

— Да, — подтвердила Саймири. — Иногда смешно, иногда интересно.

— А что говорила о них Кеари? — спросила Аратта. Она очень жалела, что забыла расспросить шамани Иллари о северняках. Наверняка ее мнение было бы весьма ценным; и если бы Этиайнен хоть немного слушал свою хорошую шамани, возможно, он знал бы много больше о гостях из Больших гор.

— Не знаю... Не спрашивала, — шевельнула ухом Луана.

— А отец ее не спрашивал?

— Да нет... Вроде нет. А зачем?

Может, что-то знает Саймири? Аратта перевела взгляд на нее, вопросительно наострив уши.

— Она вообще, по-моему, ими не интересовалась, — ответила та.

Аратта вздохнула. Мда. Весьма нерадиво.

— Тебя бы, Аратта, туда. Ты бы их быстренько вывела на чистую воду, ха-ха.

Несмотря на несерьезный и развязный тон, Бастис именно это имел в виду. Смеялся он оттого, что осознал: та, которая вытаскала его из кромешной тьмы по узкому проходу, не убоившись, сможет помочь в любой ситуации. Смеялся от своего образного удовольствия и гордости за то, что именно во прайде Велари есть такая Аратта-шамани.

Тайназ иронично ухмыльнулся.

— Что ж, впереди неизвестность... — задумчиво заключила Саймири.

— Чего так грустно? — всё так же весело молвил Бастис. — С нею не пропадем. Аратта предупредит, если что будет не так. Она всё увидит.

— О, и что же она увидит? — патетически воскликнул Тайназ.

— Что нас ждет, — просто ответил Бастис.

Аратта слушала разговор о себе, не вмешиваясь. Она хотела что-то сказать, но... не знала, что.

— Ага. «И ждут вас всех, о убогие, страшные испытания. Бойтесь, грррр!», — паясничал Тайназ.

— Эй, зачем так... — обозвался Хагал.

— Да ладно вам, ничего она увидеть не может! Неужели вы всё еще верите им? Чушь всё это!

Бастис быстро подсел поближе к Тайназу.

— Брат, стой, стой... Послушай меня. Не говори такого. Ты ничего не знаешь. Я тебе сейчас расскажу, — он посмотрел на всех присутствующих, ища поддержки. — Хагал, я сейчас ему расскажу ту историю с пещерой.

— Какую еще историю с пещерой? — недоверчиво спросил Тайназ.

— Слушай сюда... Не перебивай.

— Бастис, не надо, — тихо попросила шамани.

— Что не надо?

Но вместо ответа Аратта встала и ушла.

Она сама не знала, куда идет. Куда глаза глядят...

Ее охватило ощущение какой-то ненужности, напрасного стремления, напрасного труда. Будто она лишняя. Нет, не конкретно в этой группе, среди них. А так. Вообще.

За нею бросился Хагал.

— Ты куда?

— Пойду под ту дроматию, отдохну, — и слегка улыбнулась. — Да хорошо всё. Я не в обиде. Шамани не знают обиды.

Хагал поглядел на нее, кивнул и пошел назад.

— Кажется мне, ты ее обидел. Вот и хам же ты, Тайназ. Вот зачем? — въедливо спросила Луана, топнув лапой и привстав.

Тот молчал. Он не привык раскаиваться в содеянном. Он в душе ненавидит любую шамани. И будет ненавидеть.

— Бастис, давай, расскажи нам эту историю с пещерой, — громко попросила Луана. — Хватит об этих северняках. Гиена с ними.

И тот охотно и красочно рассказал историю с пещерой, и все с интересом слушали, даже Хагал. И Тайназ слушал тоже.

**

Tenhi (Maaet) — Sarastuskavija

Аратта предалась дреме. И все остальные — тоже.

Лишь Тайназ не желал и не мог отдыхать.

Он немного погулял вокруг. Потом, когда он проходил мимо нее, то надолго задержал взгляд, словно желая запомнить навсегда.

Конечно, от чувства чужого и жадного взгляда Аратта очнулась.

— Что, скажешь еще какую гадость? — молвила шамани, смотря на него ослабленным взором.

Он молчал. Аратта смерила его взглядом, прижав уши. Предупредила:

— Но учти — я буду отвечать.

Несколько вещей разрывали Тайназа на части: одна мысль напоминала о клятве, данной им себе же у вод Маара; вторая: «Какой насмешкой судьбы эта Аратта оказалась здесь? Как так случилось, что она будет идти рядом со мной?»; третье чувство: ему страшно захотелось что-то сделать с нею, любым способом ощутить ее возле себя. Например, раздражить, сказать ей правду, что он ненавидит любую шамани, а когда Аратта начнет возмущаться, то подойти и свалить на землю. Наверное, она тогда снова полоснет когтями; ну и ладно, главное, что так он будет ближе к ней, сможет лучше и больше вдохнуть ее запах. Он такой странный, ее запах, такой благородный и томный...

Он никогда не видел такую львицу, как Аратта. Она была даже слишком хороша собою. И в то же время действительно ненавидел шамани, всем сердцем. Не конкретно Аратту. Любую! Мысли и чувства были настолько противоположны и неожиданны, что Тайназ упал в некое подобие ступора, обездвиженного помешательства.

— Тайназ? Тебе нехорошо? — участливость ее тона — насмешливая.

— Нет. Всё нормально. Хотел просто сказать, что, возможно... чуть погорячился.

— Возможно, — она на миг чуть сощурила левый глаз.

— Знаешь, если мы идем вместе, то должны... ну... не враждовать друг с другом.

— Приятно слышать.

Тайназ прилег; но весь его вид говорил о том, что он готов в любое мгновение вскочить на лапы, словно Аратта — недруг, с которым нужно держать ухо востро.

— А история с пещерой, та, что рассказал Бастис... Это — правда? — с подозрением спросил он.

— Нет.

Чуть помолчав, переспросил:

— Нет?

— Нет, — равнодушно ответила шамани, отводя от него взгляд и глубоко вдыхая воздух.

— Откуда ж... Почему Бастис это выдумал? Это что за дела? — возмутился он такой лжи, в которую чуть было не поверил.

— Откуда мне знать? Выдумал, наверное, на досуге. Вот и решил потешить уши всякой чепухой.

Так. Тайназ всё понял.

— Издеваешься?

— Не меньше, чем ты надо мною, — насмешливо ответила она.

Он придвинулся ближе, но некую запретную черту между ними не пересек.

— Это я отдаю должок. Так же, как поиздевались надо мной шамани, — молвил он, словно сообщая большую тайну.

— Оу... Вот не знала. Я причиняла тебе зло?

Тайназ резко ответил:

— Ты — нет.

— Так зачем поводишься, как последний дурак?

— Хочешь сказать, что я так себя веду?! — на миг вспыхнул он, но как-то сразу успокоился.

— Не хочу. Уже сказала.

Издали донесся предсмертный вой буйвола, хорошо знакомый всем охотникам и охотницам. Они в унисон наострили уши. «Местные охотятся. Или гиены», — подумала Аратта. Гиены вполне способны вместе загнать старого буйвола.

— Знаю я вас... Знаю я вас всех, — сказал Тайназ, всё еще глядя туда, где кто-то стал чьим-то обедом.

— И какие мы? Мы все? — безо всякого труда Аратта поняла, о ком он. По ее горлу прокатилась холодная, неприятная волна. Безусловно, Тайназ внутренне переживал то, что говорил, а не просто ерничал от неистраченной злости. Ее насмешливый настрой к нему угас. Она подобрала хвост подле себя и приготовилась выслушать.

— Добрые снаружи. Злобные внутри.

— Ой, насмешил, — блеснула огнем глаз Аратта. — Так можно сказать про первого встречного: поверь, не ошибешься.

Тайназ посмотрел ей в глаза.

— Проклинаете и портите всех почему зря.

Аратта от природы наблюдательна. Внимание ее было привлечено этим «портите». О том, что шамани могут проклинать, знает почти каждый львенок; но вот слово «портить» используется только в их среде. «Испортить» означает перебить судьбу, нагнать страх, оморочку, уныние — словом, изувечить льву или львице жизнь. Практически, это то же самое, что и проклятие; просто «портить» было неким внутренним словом среди шамани, которое обычные львы и львицы никогда не использовали в значении «проклинать».

Конечно, Аратта не так много в своей жизни общалась с другими шамани, чтобы сделать уверенные выводы; но обычный лев никогда не скажет «меня испортили». Он может сказать «меня прокляли». А это «проклинаете и портите» сразу привлекало внимание. Это могло значить лишь две вещи: либо Тайназ — лев-шамани (что исключается); либо каким-то образом, неважно каким, эта тема ему близка.

— Тайназ. Не может портить шамани всех почему зря. У нее на это сил не хватит. И смысла нету никакого, — серьезно ответила Аратта, отрицательно покачав головой: смысла действительно нет.

Лев с готовностью засмеялся, словно только и ждал подобной речи.

— А хочешь историю? Хотя нет, мне всё равно, чего ты хочешь. Я и так расскажу. Знаешь таких Сарринсану и Хайяну? Не отворачивайся, — сказал он яростно, хоть Аратта вовсе не отворачивалась, — знаешь ты их.

Аратта, конечно же, знала Сарринсану и Хайяну. Это — шамани Юнити. Сарринсана — наставница, Хайяна — лучшая ученица. Вторая ученица Сарринсаны, познакомившись со львом из Хартланда, ушла из прайда и навсегда оставила знание; по слухам, жила-поживала она очень хорошо и ничего ее не тревожило, словно по тропе шамани она шла в иной жизни. Это случилось как раз тогда, когда Аратта пришла погостить во прайд Юнити на пару дней. Она хорошо помнила досаду Сарринсаны из-за ухода ученицы. «Сколько, о сколько же я ей отдала», — постоянно сокрушалась наставница — крупная, суровая с морды львица со взглядом, который ничуть не легче, чем скалы прайда Юнити.

Надо сказать, Сарринсану действительно боялись, а льявта — так панически. Ею пугали детей: «Вот придет и тебя заберет, если не будешь слушаться». Может создаться впечатление, что всех шамани боятся. Но это не так. Например, Аратту в ее родном прайде не то что бы всю боялись, просто ее окружал ореол таинственности и непонятного, серьезности, мистичности; а всё что непонятно, того стоит опасаться. Но в то же время можно проявить к нему любопытство — как это сделал Эхмай. Несмотря на всё, Аратту во прайде любили. Кроме того, ей сочувствовали: как-никак, а Аратте с самого начала жизни не пришлось просто.

— Жил-был такой себе Тайназ, и была у него сестра, а еще был брат, — продолжил рассказывать он. — Никого не трогал. Жил во прайде Юнити. А еще у него была мама. И всё было прекрасно до того дня... до того дня! До того, когда мать пришла с охоты к нему и сказала: «Ты знаешь, я сегодня поругалась со Сарринсаной...». Я не придавал этому особого значения, — Тайназ незаметно для себя бросил паясничать и начал рассказывать от себя. — Но запомнил этот тон, тревожный тон. Она говорила: «Ты знаешь, я серьезно с нею поругалась...». Я это вскоре забыл. Прошло всего лишь два дня. Я видел, что тревожность матери нарастает. Она мне говорила: «Сарринсана на меня так смотрела... А я уже пару раз находила на шерсти черные шерстинки. Знаешь, и всюду грязь мне попадается, что-то мерещится. Сына, мне так трудно, так трудно». Я попробовал ее успокоить, поддержать. Грррр... Ты хоть слушаешь?

Аратта молча, с нераздельным вниманием слушала его, наострив уши; упрек был напрасен.

— Я не знал, что делать. Потому пошел прямо к дренгиру. Но дренгир знаешь что сделал? Посоветовался с хозяйкой охоты, с которой ходила моя мать, а также спросил совета у них. У Сарринсаны и Хайяны, ха-ха. Дурак. Ответом было: «Мама твоя слишком утомилась, пусть отдохнет и не идет на охоту два-три дня». Но мама не могла отдыхать. Когда она ложилась, то начинал ей сниться всякий бред, кошмары терзали ее; ей снилось какое-то «иссеченное небо», как она говорила. Ты слушаешь?.. Какая-то выжженная земля, небо из камня. Она не могла нормально спать! В последние дни жизни она упала в безмерную тоску, плакала постоянно. Ну, а потом... Смерть была так неясна! Она просто ушла на прогулку, как она говорила, а потом вернулась. Затем вечером решила пойти с охотницами. И вот она шла, шла-шла-шла. Все тоже шли. А она взяла — и упала. Согнулась. Умерла. Конечно, сначала все пробовали помочь. Потом побежали по ним, по шамани. Но что это могло дать? Ничего. Вот. Стой-стой, я знаю, что ты спросишь. Нет, она ничего не принимала от них. Никакого лекарства, ни единого цветка, корня — ничего от них. Давно уже не принимала. Знаешь, она в последние дни что-то ощущала, моя мама определенно знала, что с ней что-то делается, нечто не так... Ты не думай, моя мама тоже кое-что умела; так, по мелочи: травы и корни всякие знала. Я после ее смерти понял, что к чему. Я побежал к ним, что столкнуться с ними морда к морде. Но когда я завел об этом разговор, причем прямо, без утайки, то Сарринсана лишь отнекивалась, а Хайяна молчала. Но я видел, видел, как они украдкой переглянулись! Да и по глазам всё видно... И всё. И я ушел прочь, в Хартланд, жить своей жизнью. Ибо понял: лучше убежать оттуда, иначе они и мне жизни не дадут. Но перед этим пошел к Большому Маару и поклялся его водам — ибо было больше некому! — что до смерти, что никогда не буду иметь дела с шамани.

Аратта хотела уже ответить, но не успела:

— Да, вот что, я перед этим пошел к сестре и брату. Мне пришлось полностью рассказать, всю правду. Но они как-то не вникли, сказали, что я спятил и сбредил от горя. У Мэйназа уже львица, а у Ланирри лев и дети. Зачем им мама?.. Они говорили, мол, не стоит омрачать доброе имя шамани прайда, а то можно оскандалиться. Мать умерла от плохого сердца, не более. Поэтому я понял, что свою игру придется играть самому, и с тех пор, с юного возраста, я предоставлен самому себе и оторван от рода.

Несмотря на эту долгую и очень эмоциональную речь, Аратта не поверила Тайназу. Во-первых, это звучало слишком неправдоподобно. Да, шамани могут портить, могут проклинать. Но делать такое в своем же прайде? Глупо! Даже слишком. Да и любой конфликт всегда, как правило, на поверхности: от других братьев и сестер по прайду не слишком-то скроешься. Кроме того, любая нормальная шамани понимает, что тот, кто испорчен, сам весьма сильно может отомстить (вольно или невольно), если сможет ощутить источник своих напастей, и возможность эта многократно возрастает, если живешь с ним или нею в одном прайде.

Получается, шамани для прайда занимаются ярым вредительством. При всём уважении, Аратта понимает, что это мало похоже на правду, хоть она и не чувствует лжи в Тайназе — значит, он неистово верит в то, что говорит.

Во-вторых, Тайназ не назвал причину такого поведения шамани; ведь портить просто так — бессмысленно. Для всего в жизни есть причина, а для такого — тем более.

В-третьих, можно было бы объяснить такое стремлением шамани Юнити всех проклинать. Такие бывают, порченницы называются, встречаются только среди львиц. Но такие шамани вообще не задерживаются во прайдах, потому что не могут ужиться ни с кем, а тем более кому-то помогать!

Непонятно, непонятно... Вся эта история весьма смутила Аратту. Пригляделась к нему: уши прижаты, правая лапа дергается, смотрит в сторону и иногда потряхивает головой. «Он яркий фантазер, опечаленный утратой мамы, которая, наверное, действительно умерла от плохого сердца или чего еще... В конце концов, слегка помешался умом».

А такой хороший лев, на первый взгляд. И даже порученец конунга. Знали бы темные углы его души те львицы, что сохнут за ним в Хартланде.

— Тогда один вопрос.

Он кивнул в знак готовности слушать.

— Если Сарринсана и Хайяна смогли испортить твою мать, то почему ты говоришь, что шамани ничего не могут? Помнишь, ты сегодня это говорил.

Тайназ спокойно сидел, а потом как раздастся на всю саванну:

— Можете портить! Тогда можете портить! А что еще вы можете — шакал вас знает!

Кричал он громко, иступленно. Неподалеку, под другим деревом, лежали все остальные. Их сонные головы поднялись в недоумении — что стряслось?

Юная шамани говорила, чуть шевеля кончиком хвоста:

— Я не могу поверить твоим словам. И не выдавай свое воображение за жизнь; не прыгай по костям матери, желая воплотить свои страхи в правду. Знаешь, Тайназ. Я не уважаю тебя. Ты — болтун. Болтунишка. Знаешь, а львицы — даже шамани — таких лишь презирают.

— Когда твоя мать умрет — узнаешь! Узнаешь, где воображение, где жизнь, — тихо и безжизненно ответил он.

— Нет у меня матери, Тайназ. Я ее не помню.

В ответ ей было лишь еле слышное рычание. Тайназ ушел, влача хвост.

Аратта свернулась в клубок, подобрала под себя хвост. «Кости правду сказали. Вот и длинный путь. Вот нас и много. Вот и ссоримся... Ай-яй». Этот разговор не давал ей покоя. Этот Тайназ или совсем утратил совесть и чувство меры, обвиняя Сарринсану и Хайяну в тяжелом проступке, или что-то недоговаривает, или...

«Шамани вольна делать, что желает». Такова нехитрая истина, которой обучают наставницы своих учеников и учениц. Что ж, согласно этой истине, любая из них может проклясть и испортить судьбу каждого, кто живет в их прайде; но суть в том, что в этом очень мало смысла. С таким же успехом, желая эпатажа и развлечения для праздных глаз, можно обвалиться в грязи и бегать так целый день. Сделать можно-то, но зачем? У шамани множество иных способов отомстить (если всё же она захочет это сделать), причем без последствий для себя. А проклятие никогда просто так не дается и жертве, и самой шамани: оно в какой-то мере бьет по обоим, а особенно, если они каждый день встречаются; кроме того, оно требует силы, а личной силой разбрасываются только слабоумные, а среди сильных шамани таких нету. А слабые испортить и проклясть не могут.

Да в конце концов! Прайд, который поймет, что их шамани начинает проклипать своих же, вряд ли отреагирует хорошо. А разве Юнити — глупый прайд?

Перевернувшись на другой бок, она начала вспоминать всё о шамани Юнити. Хайяну она помнила плохо, но запомнилось ее стремление во всём походить на наставницу. Сарринсана же много в чем понравилась тогда еще совсем юной гостье из прайда Велари: в ней чувствовался несгибаемый дух древних шамани, что пришлось по душе Аратте. Этот дух — твердый, крайне целенаправленный, лишенный любых сомнений, темный, мрачный — напрочь отсутствовал, например, в шамани Иллари. Или во Скади.

«Видимо, смерть мамы очень исцарапала ему душу. Стоит всё же ему помочь, а ругать нет смысла...».

Аратта никогда не считала себя доброй. Но всегда выходило так, что мысли ее, в итоге, были мягки и полны сострадания к другим.

Перед выходом шамани предрекла погоду:

— Испортится... Быть завтра дождю.

От такого все чуть приуныли.

Путь их пролегал через скучную равнину, к которой они все так привыкли. Шли до вечера безо всяких приключений; пробовали поохотиться на ходу, но безуспешно. По пути лишь встретили какого-то льва вместе с тремя львицами; они еще ранее по запаху поняли, что эта земля не была ничейной. Хагал перед этим предложил обойти ее, но Тайназ с Бастисом сказали, что незачем делать лишний путь. Если что — извинятся. Не обходить же земли каждого местного льва, в конце концов. Так здоровья не хватит.

Хагал согласился и принял решение идти вперед по прямой, напролом.

Так случилось, что они таки внезапно столкнулись с хозяевами этой земли, которые разлеглись на земле. Маленький прайд не слишком удивился их приходу.

— Пусть лев извинит нас... — вежливо обратился Хагал, как глава группы.

— Из Союза? — спросил старый лев хриплым голосом и сразу же неприлично зевнул.

— Да.

Львицы почему-то заулыбались, оживились. Лев тоже.

— О, столько сезонов не видел львов Союза! Так чего вам?

— Да мы идем вон к тем горам.

Лев махнул лапой и улегся.

— Идите с миром, я то думал...

Хагал кивнул, мол, пошли, но расчетливая Луана решила не упускать шанса:

— А лев подскажет, как к прайду Таллалу-Саргали пробраться?

Тот охотно начал помогать. Оперся лапами о ближайшую к нему лежащую львицу (та не выразила ни малейшего протеста) и начал вдохновенно, активно помогать:

— Смотрите... Станьте кто-то выше. Там вот, меж теми двумя большими горами, заходите в долину. Да? Поняли? И идите, идите, идите. А там видно будет.

Незатейливость указания чуть сбивала с толку. Луана спросила:

— А потом что?

— Попадете на их земли. Не переживайте, они вас не упустят, они свое стерегут хорошо. А вы отчего к ним идете? Смотрите, не попадите впросак, не попадитесь.

— Да мы с миром. На переговоры, — уклончиво ответила за всех Луана. Хагал чуть озлился на нее — это ему, льву, следует говорить! Но дочь дренгира — не промах. Дела умеет прибирать к лапам.

— Ну смотрите сами, смотрите сами.

Что ж, поговорили, можно и идти дальше...

— Эй, погодите, погодите! Среди вас шаманая есть? — вдруг, решившись, спросил лев.

— Что-что? — вместе, не сговариваясь, спросили Луана и Хагал.

— Шаманая! Нет, что ли?

— Шамани, может? — догадалась Луана.

— Да!

— Я, — лаконично представилась Аратта.

— Погоди, ты помочь мне сможешь? Лишь на мгновение, можно тебя? — истинно взмолился тот.

Она подошла к нему.

— Дочь моя немного больна. Она недалеко отсюда.

Аратта повернулась к своим:

— Я сейчас.

Они отправились в путь. Лев звался Энтáрр и оказался главой этого маленького прайда.

— Да мне еще дед рассказывал, что вы, союзные, всегда с шаманаями ходите. А то всякое в походах бывает. Отец деда даже когда-то показывал тропы саргальцев союзным львицам. Они когда-то у него по юности добычу забрали, так он им этого не забыл.

— Вы их здесь саргальцами называете?

— Саргали — это они себя так зовут. А для нас, простых душ — саргальцы, и всё тут. Много в них этой самой спеси. Так вы, союзные, им всегда ее сбивали, хе-хе-хе.

Наконец, они подошли к молодой львице, которая распласталась по земле и лежала так, как и полагается больным: тихо, забившись под куст. Аратта уже хорошо умела отличать настоящих больных от тех, кто просто притворяется.

— Что случилось?

— Папа, это кто? — негромко спросила она.

С истинной заботой и чуткостью к дочери лев произнес:

— Шаманая это.

— Ооо, ничего себе, — оживилась дочь.

— Тихо ты.

— Так чего с тобой? — еще раз спросила Аратта.

— Живот болит. Третий день. Охотиться не могу. Лежу себе и это... ну... я постоянно...

Аратта сообразила, что ей неудобно при отце говорить, и нагнулась в ней вплотную. Львица нечто прошептала на ухо. Шамани понимающе кивнула.

— Ты три дня назад охотилась?

— Да.

— Пила воду из лужи?

Она долго не отвечала, будто, как маленькая, боялась признаться.

— Пила. Пить хотелось страшно!

Всегда бы всё так просто! Львица просто обпилась плохой воды. У Аратты во прайде такое бывает чуть ли не каждые три-четыре дня.

— Вы ее хоть кормите? — обратилась она к отцу.

— А то! Но она есть не хочет!

— Да что тут поделывать, — вынесла вердикт шамани. — Пусть полежит еще день — само пройдет.

— И что, не поможет ничего?

— Ну вон... Вот. Прямо под лапами, — Аратта реально сделала два шага и зубами выдернула с корнем немного гиеновой травы. Ее корни обезболивают и успокаивают. А идти что-то искать против плохого живота Аратте просто лень; да и это тут не требуется.

Шамани бросила корень под лапы львице.

— Три-четыре таких вот корня сгрызть, как косточку. Успокоишься, заснешь. Только помыть их желательно. Где тут вода? — спросила Аратта, приняв хавшись. Но тот не стал объяснять, а лишь попросил:

— Будь добра, дай еще три штуки. Я пойду это сделаю.

Аратта вырвала для него три корня. Он незамедлительно взял их и ушел на восток.

— Далеко отсюда вода?

— Нет, очень близко, шагов три сотни.

«Как интересно. Мы меряем расстояние прыжками, а они — шагами».

— Как тебя зовут?

— Шила́йя. А тебя, шаманая?

— Аратта. Знаешь, я впервые вне своих земель.

Больная аж приподнялась:

— Да ну! Не может быть!

— Серьезно. Союз-то большой. Я ходила лишь по его прайдам, а так — больше нигде.

— Ого... А как у вас там? Сколько прайдов в Союзе? Я слышала, что их даже сосчитать не могут.

Аратта засмеялась.

— Кто до семи считать не умеет, тот и не может сосчитать.

— Семь прайдов? — наострила ушки Шилайя. — Я думала, что намного больше... А то все старики рассказывают легенды о нем, истории всякие. Хотелось бы и самой одним глазком взглянуть. А сколько у вас хвостов во прайде?

— В моем около пяти десятков.

Шилайя долго удивлялась этому числу, качая головой, приговаривая: «Это сколько же! Сколько львов и львиц! И какие земли должны быть. Какие охотные, какие большие!».

— Вот бы действительно взглянуть, — подытожила она.

Аратта пригладила ее шерстку, чтобы больной стало спокойнее.

— Что ж мешает, отправляйся на юг.

— Да ну, меня не примут, — недоверчиво молвила львица. — Сразу изгонят, а то и убьют.

— Кто тебе такое сказал? Можно даже в прайд зайти, попроситься гостем, если вести себя прилично.

— Неужели?

— Серьезно.

Взор шамани пал на далекие горы; они стали ближе. Скоро они будут у них...

— А ты северняков... то есть, Саргали, видела? — спросила Аратта, смотря вдаль.

— Видела саргальцев. А ты нет?

— Нет.

— Надо же. Что сказать... Они на равнину редко выходят — для них это вроде как ступить в болото. Презирают. Знаешь, как выглядят?

Аратта покачала головой. «Нет». Ей когда-то рассказывали, но любопытно услышать живое описание того, кто живет недалеко от них, а не исковерканную невесть сколько раз словесную обрисовку.

— У них шерсть длинная, светлая, у всех. Говорят странно. Сначала это будет непривычно, потом привыкаешь. И у львов, и у львиц хвосты длинные, очень длинные, тут таких не увидишь. Грива у львов такая... знаешь...

— Пышная?

— Нет-нет! Наоборот, гладкая такая, не торчит во все стороны, понимаешь? Стелется к земле, длинная. Они... — сощурилась она. — Знаешь, они по натуре очень прямые и честные. Смелые — трусов там нет. Здешние львы их десятой дорогой обходят — саргальцы чуть что, так сразу в драку. Земли у них большие, за ними трудно уследить, но если поймают за то, что бродишь без спросу, то могут убить. Насчет этого у них строго... Вы хорошо подумайте, зачем туда идете.

Шамани кивнула.

— Аратта, ты идешь туда. Помни одно: для них в мире есть «свои» и есть «чужие». Чужие для них я. Или ты. Поверь, что они способны как на большую честность, так и на огромную подлость. Их честность — только для своих. Гляди, ты шаманая, львица Союза. Но ты помогла мне, незнакомке, чужой. Так бы сделала и шаманая из Морлая. Шаманая саргальцев бы в лучшем случае прошла мимо. Ей и в голову бы не пришло мне помогать. В какой-то мере иногда завидуешь им и думаешь... почему не родилась я львицей-Саргали... Чтобы сила была для меня и остальных саргальцев, а когти и клыки — для остальных, — печально молвила Шилайя, бессмысленно тоскуя оттого, что родилась в безымянном и безвестном прайде посреди свободной саванны.

Аратта лишь спустя много времени на миг поймет, что этот простой, случайный рассказ был одним из самых ценных и правдивых в ее жизни.

Зашелестела высокая, до спины, трава — это вышел Энтарр.

— Пап, ты чего-то долго.

Он поставил корни возле лап дочери.

— Да так... Так, — лев заметно нервничал. — Грызи это скорее и уходим.

Спасибо, Аратта, что помогла. Давай, грызи, грызи...

Дочь начала капризничать и жаловаться:

— Пап, чего ты меня торопишь, мне и так не очень.

— Давай. Давай... — оглядывался он.

— Что такое? — спросила Аратта.

— Нормально всё, — и стало понятно, что всё отнюдь не нормально.

— А нету ничего такого, чтобы сразу? А то так надоела тошнота, что жуть, — снова пожаловалась Шилайя, кривясь от невкусного корня.

Аратта легла напротив нее, погладила по щеке. Для нее, в принципе, можно.

— Вообще-то есть. Если хочешь, то сразу заснешь. А во сне, как ты знаешь, этого мира ты не чувствуешь. Съешь все корни и сделаем.

Услышав такое, Шилайя расправилась с ними очень быстро.

— Ну-ну, их стоило разжевать. Теперь так... Чтобы было всё мягко и быстро — расслабься и распустишься.

— Да это легко. И так лежу.

— И я лежу. Гляди в мой левый глаз, а я буду глядеть во твой. Это тебя отпустит, утопит во сне... Во сне...

Эффект был молниеносным, Аратта немало удивилась эдакому. Стоило лишь ей приложиться намерением убрать ее сознание из мира живых, так это сразу и удалось, без предварительной, часто долгой болтовни; Шилайя просто прикрыла глаза и плюхнулась набок, и Аратте ничего не оставалось, как встать.

— Что это с ней? — чуть недоверчиво спросил Энтарр.

— Спит.

— Нам нужно ее забрать.

— Не стоит. Не надо. Она проснется снова. Пусть отдыхает, так ей легче.

— Тогда иди Аратта, иди. Скорее иди отсюда.

Она непонимающе нахмурилась, но сквозь мгновение всё поняла — к ним трусцой спешили какие-то два молодых льва, и Энтарр тревожно смотрел в их сторону. Аратта, не привыкшая бросать никого и ничего, решила, что ему может понадобиться помощь против них. А вдруг они желают причинить некий вред беспомощной Шилайе?

Сколько же ее предков погибло в разные времена именно по причине этого: «Я — Велари, я не могу убежать, я буду стоять до конца...».

— Ну, здорово, Энтарр. Как поживаешь? — по тону стало понятно, что льву совершенно всё равно, как Энтарр поживает. Он глянул на лежащую Шилайю, прошел близко мимо Аратты, оглядывая от носа до хвоста, будто добычу.

Аратта ни на шаг не отступила от уснувшей львицы и чуть оскалилась — предупредила. Но львы не обратили на ее оскал должного внимания, скорее, он даже позабавил их — те начали ухмыляться.

— Охотного дня вам, ребята. Так, прошу вас, поймите, что сейчас не... — Энтарр определенно опасался им отвечать силой.

Тот, что чуть побольше, перебил:

— Понимаем, понимаем. Чего не на обычном месте? Что тут за веселуха творится?

Его компаньон молчал и получал удовольствие от чувства превосходства; чем-то ведь нужно развлекаться и тешиться в жизни.

— Не время и не место, Марума, понимаешь? Давай в другой раз...

— Какой другой раз? Ты вот скажи лучше, что это за львичка у тебя? Заимел новую, а старым друзьям хоть бы чего сказал.

— Да я...

— Да что ты? Что ты?

Этот самый, который звался Марума, подошел ближе к Аратте-шамани; взгляд ее был насмешлив и надменен.

— Ты кто? — Марума намеренно раздавил под лапой небольшую сухую веточку акации, одновременно сделав шаг к ней.

Аратта заметила, что у него грива и шерсть вся комками, сбита, словно он целыми днями елозил по земле. Это ее чуть насмешило, потому следующие слова прозвучали вовсе без угрозы, а даже весело:

— Уйди лучше, если не хочешь беды.

— Чего ты сказала? — молвил Марума, небрежно толкнув ее лапой, чтоб замолчала. Видимо, не одна львица стерпела от него такое отношение, ибо он сделал это обыденно, не опасаясь за возмездие, будто пнул пенек или куст.

И тут Аратта почувствовала, как сзади кто-то дотронулся к ее хвосту. Признаться, ее охватил испуг. Неужели обошли сзади, кто-то подкрался? Резко обернулась, готовая ко всему.

Там — Тайназ.

Его появление стало полнейшим сюрпризом для всех, в том числе и для двух чужаков, которым следовало заметить его в первую очередь: Тайназ ведь вышел с прямо противоположной стороны. Как он умудрился так неслышно пробраться, даже невзирая на весьма высокую траву? «Полз на брюхе, что ли?», — озадаченно подумала шамани.

— Я тебя убью, — от Тайназа даже не исходила угроза. Он просто утверждал факт, озвучивал принятое решение, вовсе не увлекаясь словесными играми. Звучало это жутковато.

— Ну давай, попробуй, — ухмыльнулся Марума, принимая слова, как и полагается, лишь за слова.

Аратта не боялась; в ней не было страха. Ничего бы с нею не случилось, она не глупая и кроткая тварь. Тайназ мог не утруждаться, не приходить, не вмешиваться. Он вовсе не спас ее; просто избавил от необходимости противостоять им в одиночку. Но Аратта, несмотря ни на что, обрадовалась его внезапному приходу: вот была одна львица Союза, готовая дать отпор незванным собеседникам, а вот теперь еще и лев — и что теперь сделаете, чужаки? Лучше бегите — целее будете. А если зарычат, бросить зов — так тут еще четыре хвоста окажутся, оно вам-то надо?..

Но даже она не была готова к такому повороту событий. Тайназ не стал больше говорить. Он подошел к Маруме, довольно медленно, как подходит приятель к приятелю, без страха и робости; видимо, это и сбило льва с толку, и он даже не успел задуматься о том, что, может, не стоит подпускать к себе Тайназа, отойти на безопасное расстояние. Тайназ словно проходил мимо него, как вдруг, с маленького расстояния, ударил правой лапой как-то снизу вверх, по шее и челюсти. Грива Марумы вмиг обагрилась — у Тайназа действительно длинные когти. Тут же левой

он полоснул сверху вниз; в отличие от простого поединка, он желал попасть по глазам. Удалось по левому.

Собственно, Марума после этого уже не был соперником. Но Тайназ теперь свалил его, беспомощного, вцепился клыками в шею; сделал это несколько раз, словно примеряясь. А потом задушил.

Это было быстро, подло и смертельно. Никакой возни и долгого, драматического зрелища. Как и бывает в настоящем бою.

Никто не был к этому готов, кроме Тайназа. Второй лев стоял в оцепенении ужаса, потом сделал два панических шага назад — это была уже половина поражения; всё ясно, боец в нем тотчас умер. Он имел возможность свободно наброситься на Тайназа, пока тот душил и лишал крови Маруму. Но такое даже не пришло ему в голову. Страшась возможной смерти, повинувшись инстинкту жизни, он вдруг, вовсе не раздумывая, удрал прочь, откуда пришел — на восток.

— Аратта! Пошли, — твердо молвил Тайназ, отпустив Маруму, которого еще не отпускала агония. Только теперь он заметил, что всё его правое плечо и грива расцарапаны когтями Марумы, который пытался таким образом уцепиться за жизнь.

Тайназ пошел прочь первым.

Аратта посмотрела на полусонную, ничего не понявшую Шилаю, которую разбудил шум драки. Потом глянула на Энтарра: тот сидел ни жив, ни мертв.

— Ну и дела... — тяжело сказал он.

— Прости, Энтарр. Кто это был? — решила осведомиться Аратта, чтоб понять последствия.

— Так. Одни... Заглядывали сюда частенько, — молвила Шилая, не сводя глаз с убитого Марумы. — Ай, туда ему и дорога. Надоедал так, что ужас какой-то, — вдруг просто и беззаботно молвила львица. Она с трудом встала, чтобы не лежать возле убитого.

Шамани вовсе не желала как-то поиздеваться или глупо пошутить, но просто не нашлась с другими словами:

— Что ж, Шилая, поспать тебе не удалось. Живот назавтра пройдет.

— Ага. Спасибо. Идем, папа, — дочь потерлась щекой о гриву отца, но тот продолжал неподвижно сидеть.

Пора уходить, делать здесь больше нечего. Аратта обернулась и отправилась к своим.

Выяснилось, что Тайназ остановился и ждет ее.

— Куда ж ты ушла? Мы забеспокоились, — сказал он и утер чужую кровь с морды.

— Извини, что не предупредила. Я и сама не думала, что так долго всё будет.

— Будь осторожнее. Мир — не сон, — сурово покосился на нее Тайназ, сам того не ведая, что затронул одну из самых важных вещей в знании шамани. Обыденный мир, на самом деле, просто еще один сон, только очень долгий. Это любая шамани скажет.

Аратта поймала безмолвное знание, что это какой-то знак. «Мир — не сон... Мир — не сон...», — крутилось у нее в голове. Он мог использовать другое слово, но сказал именно это: «сон».

Нет, это наверняка знак.

— Погоди...

— Что? — преувеличенно деловито спросил он.

— Спасибо. Ты спас меня.

Она решила сыграть во слабость; в ней сыграл тот самый извечный инстинкт: сила львицы — во слабости.

Он лишь молвил:

— Пошли.

— Стой. Ты весь в крови, давай я тебя... — сделала Аратта движение, желая с него счистить кровь.

— Не надо. Нет времени. Идем.

— Дай я о тебе позабочусь, как ты о мне.

— Нет.

Время на самом деле было, просто с кровью павшего врага на морде и гриве Тайназ, по его тайному мнению, выглядел куда лучше и угрожающе. Но это «дай я о тебе позабочусь...» взволновало его.

— Я думал, ты скажешь нечто вроде: «Ой, Тайназ, какой ужас, зачем ты его убил!», — признался он. — Львицы очень часто защищают своих обидчиков. Этого я никогда не мог понять.

— Нет, я такого не скажу. Я скажу, что ты смел.

Далее они шли без слов.

Своих они застали в тревоге и беспокойстве. Все были на месте; это говорило том, что Тайназ ушел искать Аратту по собственной инициативе. Местные львицы собрались в кучку и ни на что не решались: то ли им идти, то ли им оставаться.

— Оу. Больная оказалась безнадежной? — черно пошутил Бастис, увидев багровую морду Тайназа. Все поняли, что он с кем-то сражался, ибо когда лев кусает, то никогда не пачкает в крови всю гриву.

Эта черная шутка ни у кого не вызвала отклика, кроме самого Тайназа. Смеялся он долго, и по всему, ему было реально смешно.

— Что там случилось?.. — встревожено глядел Хагал то на нее, то на него.

— В этом мире погиб еще один глупец, — без жалости ответила Аратта.

У шамани не должно быть жалости.

**

Шамани немного ошиблась с предсказанием. Дождь полил вовсе не завтра, а так сегодня, под вечер. Обильный, холодный, неприятный, он стекал по щекам и спинам, капли желали попасть в уши. Идти стало отвратительно. Хагал принял правильное решение: устроить ночлег под каким-то деревом, что побольше и понадежнее.

Это случилось не так быстро, как хотелось. Под одним из деревьев приютилась целая гиеновая стая; в целом, шестеро львов и львиц смогут согнать их с насыщенного места. Хагал было решил их согнать, но опытная Саймири и рассудительный Бастис удержали его от такого шага. Согнать-то они их смогут, но потом гиены целую ночь не дадут им житья и будут крутиться возле этого дерева, даже если оно им не очень нужно. Что маловероятно: вон, вокруг их ямки. Значит, тут их приют. Будут крутиться целую ночь, надоедать. Так отдыха не будет. Они не дадут отдохнуть.

Пока все они советовались, гиены настороженно наблюдали, тьякали и носились вокруг них на почтительном расстоянии.

Наконец, они нашли баобаб. Они вконец измокли. Стало холодно, все прижались друг ко другу.

Стоит заметить, что перед дождем у них прошло обсуждение сегодняшнего случая. Услышав историю о Маруме, Хагал отметил, что Тайназ действовал слишком дерзко; а такая дерзость будет, несомненно, вредна, когда они попадут на земли Таллалу-Саргали. Луана в какой-то мере согласилась с ним, но всё же ее глодали сомнения: ведь такие рассуждения больше характерны для опасливого труса, чем для отважного льва. Тайназ сказал, что не мог оценить опасности. Он лишь увидел, как незнакомец толкнул Аратту и понял, что нужно действовать; не зная, что будет дальше, он решил действовать наверняка.

— Я никому не позволю так относиться ко львице, с которой я иду в походе, — закончил Тайназ бессмысленное, по его мнению, обсуждение.

«В этом есть резон», — подумала тогда Луана. — «Молодец...».

В общем, никто не осудил Тайназа.

Только Саймири невзначай сказала, что Аратте следовало быть более опрометчивой, прежде чем помогать незнакомым львицам.

В этом замечании тоже был резон.

Тайназ прилег, ощущая холодный корень под боком; вольно или невольно, но ближе всего к нему оказалась Аратта. Сначала он смотрел в другую сторону, безуспешно пытаясь заснуть. Но его волновало ее присутствие; Тайназ чуял себя возле нее так, будто мир вокруг чуть-чуть, но изменился: очень сложное и странное ощущение, его трудно передать. А еще от нее шло тепло: лежишь далеко — и холодно, а если ближе — то теплее. Вскоре он чуть освоился с тем, что шамани так рядом, так близко; пользуясь случаем, решил разглядеть Аратту как следует (она, прикорнувшись, вроде бы спит, и потому ничего не заметит).

Луана и Хагал держались в сторонке, особняком, и о чем-то беседовали, судя по тону — вполне мило; Луана даже иногда мурлыкала в ответ на его доброе слово. Третья пара — Бастис и Саймири — решили не тратиться на болтовню и уснули друг возле друга. Они сразу, молча, нашли общую добычу, общий язык.

«Надо же... И такие становятся шамани. А как? Как это у них делается? Почему выбрали именно ее?», — задумался Тайназ, глядя на странное темное пятнышко на шерстке ее левого плеча. Он знал, что шамани нельзя стать по желанию, а лишь по выбору. Интересно: тебя выбрали — будь добра, становись ею. «А есть ли такие, что отказываются?». Подумав, решил, что немного. Разве знаешь в раннем детстве, как желаешь прожить всю жизнь (то, что на путь шамани встают с раннего детства, он тоже знал)? Разве будешь отказываться? Детство, оно такое: думаешь лишь о том, как поиграть сегодня, ну, самое большее — думаешь о завтра. «А эти самые наставницы... они, наверное, и не спрашивают. Жестоко, как ни крути».

Ведь он привык, что шамани непривлекательны как львицы, как самки. Сарринсана выглядит как типичная, суровая хозяйка охоты в возрасте силы; Хайяна, хоть и молода, но совсем некрасива: с блеклым оттенком шерсти, очень худенькая, с постоянным оскалом (не от злости, просто у нее такая привычка) и неприятнейшими манерами. О Скади говорить нечего — ее можно испугаться, встретив посреди белого дня, не то что ночи. Однажды он еще видел шамани Хлаалу, и та ему ничем не запомнилась: усталая, измученная львица...

А какова Аратта? Ай, нет-нет, она другая. Как Тайназ вспоминал их первую встречу, так ему и становилось плохо. Даже в неясном свете ночи он заметил ее странную красоту, которой было трудно любоваться, но хотелось обладать, владеть, держать подле себя и никого к ней не подпускать; тогда у него таких мыслей не возникло, это уже потом, когда начал вспоминать. И чем больше вспоминал, тем

хуже. Однако... Тайназ всё более глубоко ощущал свое напрочь фарсовое положение. Ему не нравилась Аратта, о нет; такие не нравятся. Он начинал ею болеть, бредить. А еще вся эта судьба, вся эта жизненная история, что напрочь закрывает ему путь к любой шамани. Ведь есть клятва, что не будет с ними никакого дела, никакого общего пути. Злая судьба! Придала ему в путь именно шамани, да не абы какую, а, верно, самую красивую в Союзе. Мол, на, мучься, Тайназ. «Это, наверное, проклятие. Перешло от матери ко мне и они продолжают мучить наш род!», — подумал он, теребя когтями правой лапы шерсть на левой.

Тайназ еще не мог понять: ведь не бывает так в жизни! Не бы-ва-ет! Чтобы так нравилась львица. Ведь всегда можно найти другую, третью или четвертую, и о всем позабыть через пару дней. Не бывает такой вот большой симпатии, не бывает; у него уже были львицы, ему-то не знать. Просто есть чувство, ну и всё... Ничего особенного. Сегодня есть, завтра нет. Это легко.

Почему же тут не легко?

Но всё это Тайназ держал глубоко, хорошо скрытым. В душе не доверяя миру, он всегда оставлял в душе углы, к которым не добраться.

Нет, лучше пусть она его ненавидит. Так будет легче. Правда, Аратта вроде и не желает ненавидеть! «Кажется, ей всё равно, что и как со мной. Это плохо. Было бы много лучше, если бы ненавидела. А так — равнодушие — самое страшное. Оно и вызывает муки», — думал он. Вот же незадача. А за что, собственно, ей ненавидеть его? Ну, нахамил немного. Но потом-то спас.

«Зря ты ее спас», — решил Тайназ. — «Зачем ты тогда поплелся ее искать?».

«Ах вот еще что. Если хоть что-то поймет, хоть что-то заметит, хотя бы один взгляд, то, как любая львица, надавит на это. У них это в крови. Будет измучивать. Они такое любят».

И тут же случилось именно то, чего он только что решил опасаться. Аратта заметила.

Она уже несколько мгновений лежала с открытыми глазами; она проснулась так, будто вовсе и не спала — не меняя позы, не сделав ни единого движения. Шамани лишь открыла глаза и поймала блуждающий взгляд Тайназа. Он хотел отвернуться прочь, будто эта случайность — лишь случайность; но не мог. Нельзя просто убрать взгляд от шамани: ее глаза, которые живут словно своей жизнью, не дают этого сделать.

Наконец, Аратта первой отвела взгляд, томно моргнула.

— Где ты так научился? — тихо спросила она.

— Что?

— Быстро убивать.

Ему польстило это, но Тайназ внешне остался невозмутим.

— Все мы убиваем быстро, просто не замечаем. Ты же охотница. Ты же знаешь. Разве долго убивают добычу?

— Шамани охотятся реже других, — улыбнулась Аратта.

Улыбнулся и он.

— Убить зебру и убить льва — разные вещи, — молвив это, шамани прислонилась щекой к стволу баобаба.

— Как для кого, — ответил он.

Тайназ недоговаривал. Он сначала учился бою во прайде Юнити, потом — Хартланде. У него были хорошие учителя, которые научили самому важному: бей первым.

— Не болит? — кивнула она на глубокие царапины на его правом плече.

Небрежно махнув лапой, он расслаблено молвил:

— Ты их хорошо заделала. До завтра заживут.

Аратта ранее обильно измазала царапины соком мирассы.

— Знаешь, Тайназ...

— Слушаю тебя, Аратта.

— Я не знаю, что о тебе думать. С одной стороны ты — хам, с другой — хам, который говорит странные вещи, с третьей стороны — отважный хам.

— Хм. Должен сказать то же самое.

— В смысле? Разве я тебе грубила? Или спасала от злых когтей? — Аратте понравился его правильный поступок. Хотя помощь тогда ей не требовалась...

Вдруг Аратта поймала себя на той мысли, что нельзя с уверенностью сказать: справилась бы или нет с двумя взрослыми львами. Как именно? В бою у нее шансов нет, в бою она плоха. Взгляд? На разъяренных очень сложно им воздействовать. Рык силы? На него идет очень много этой самой силы, действует он на всех вокруг, и дезориентация жертвы — недолгая. Умение шамани как раз в том, чтобы избежать или не допускать таких ситуаций, а тогда уж было поздно.

«Так что, вполне возможно, он спас меня. Если не мою жизнь, так честь и кровь — точно».

— Нет, я немного о другом... О другом.

Птица, которая до сих пор мирно сидела во ветвях, сорвалась с криком. Это испугало всех. Тайназ смотрел ей вслед, желая, чтобы полет ее был недолог.

— Ты борешься с самим собой. Я чувствую это.

Тайназ громко выдохнул, словно хотел пренебречь словами шамани, не пустить их смысл в сознание.

— С кем же мне еще бороться? Вся наша жизнь — борьба с тем, кого мы называем собой.

— Да. Я согласна. Очень даже согласна, — кивнула шамани, полностью принимая сказанное.

Он перескочил на совершенно другое, более житейское:

— Тебе не холодно?

— Немного измокла. Видишь — капли по шерсти.

— И у меня.

— Вся грива мокрая, — пригладила Аратта лапой его гриву.

Его беспокоил один вопрос. Немного посомневавшись, Тайназ решил, что его задать можно и нужно:

— Что ты тогда делала в воде, в той ночной воде?

— В Хартланде?

— Ну да. Зачем спрашиваешь? Я же тебя в другой ночной воде не видел.

— Ммм... Это я так спросила. Чтобы успеть подумать над ответом.

— Какая ты хитрая, — молвил он и будто нечаянно дотронулся к ее шее и плечу. Стало страшно интересно — как она отреагирует на такое нечаянное касание. Лучшим вариантом будет деланное равнодушие, будто она не заметила.

Так и случилось.

— Все шамани такие, — лишь заметила Аратта.

— Да уж, это точно. Так что ты там делала?

— Я не могу сказать тебе. Если скажу, что гуляла и купалась, то совру. Если я скажу тебе правду, то... я не могу сказать тебе правду.

— Другого я и не ждал. Знал, что ответа не будет.

На самом деле он этого не знал, не предчувствовал. Тайназ сказал это от досады, ведь ему было любопытно, а любопытство она пресекла.

— У тебя были плохие предчувствия насчет этого похода?

— Откуда ты знаешь? — наострила она уши.

— Ну... Хагал говорил.

— Хагал? Но это плохо, что он тебе говорил.

Тайназ глянул на спину уже спящего Хагала.

— Почему?

— Да потому, что я ему сказала по секрету. Проклятье, я думала, что он смекнет этого никому не говорить. Он что, уже всем сказал?

— Нет, только мне.

— Хорошо хоть так. Но у меня есть другое предчувствие. Правильнее сказать, чувство. Этот поход для меня, для всех нас — вызов. Мы должны справиться с любыми трудностями, выйти из любой ловушки. Должны сделать то, что должны.

— А что мы должны сделать?

— Сложно сказать. Сложно сказать, что мы должны сделать. Достать все эти сведения. Что ты спрашиваешь? Ведь знаешь. Тебе виднее.

Тайназ не нашелся с ответом. Ведь верно.

— А почему ты сказала, что у тебя нету матери? — нашел Тайназ еще один вопрос. Он, вообще-то, невежлив, нескромен и неприличен. Лев как-то сразу пожалел, что спросил.

Аратта оглянулась. Она не хотела, чтоб кто-то слушал их беседу. Но все уже спали.

— Потому что у меня нету ее. Когда я была маленькой, то она бросила меня. Воспитана я наставницей Амарины. Я не знаю, как поживает моя мать, и что с ней.

— Надо же. Я думал, что ты так нарочно сказала... Нечто в эдаком роде.

— Я сказала правду. Кто с таким шутит? Кроме того, я не вру без нужды. Знаешь... Не говори всей правды, но говори только правду. Так говорится перед всяким предсказыванием. Так и стоит жить, — уверенно молвила Аратта.

— Интересно звучит.

Этот серый дождь вовсе не нес свежести, он не нес свежего дыхания, а приносил за собой тяжесть, удушье, низкие облака, словно предупреждая львов и львиц Союза: вы уже одной лапой в Больших горах, и подумайте хорошо, надо вам это или нет.

Аратта видела тяжесть, повисшую в нем. Нет. Он не сумасшедший, не дурак. Он ей стал симпатичен. Что случилось в его жизни? В чем причина тьмы и беспорядка в глубине его сердца?

— Знаешь, Тайназ, я вижу в тебе честность. Идем. Идем сегодня двое, я посмотрю, что у тебя там. Это надо выяснить. Знаешь, если это так, тогда... это будет мучить тебя до конца жизни, поскольку оно передается от матери к детям, а тем более, что мама тебе жаловалась. Проклятие ты можешь перенять, — горячо молвила Аратта. Можно узнать, было ли проклятие на его матери. И есть ли на нем. Это несложно, лишь нужно любое озеро, река, любое место, где есть вода.

— Нет, я зарекся, я поклялся у вод Маара не иметь дела с шамани.

Она приложила лапу к его груди, гриве. Идем!

— Нет, — очень слабо Тайназ нажал на ее лапу, и та поддалась, упав вниз, на равнодушную, холодную землю. Потом он глянул ей за спину. Аратта обернулась и увидела Хагала.

Он попросил шамани отойти в сторонку.

— Аратта, выручай. Я с ней робею, — без предисловий начал Хагал, опасно косясь на спящую Луану, хоть она и находилась далеко.

Было впечатление, что Аратта только и ждала этого вопроса. Она незамедлительно ответила:

— Возьми ее. Она не будет против. Ты только бери. Она этого ждет.

— Думае...

— Да! Не сомневайся. Бойся, но делай. Иначе потом будет хуже. Она хочет видеть, что ты на что-то решился. Луана, она такова. Тогда она сможет смириться с твоими недостатками.

— Эм... И что...

— Делай что угодно, но что-то делай. Иначе получишь обозленную львицу, которая станет над тобой насмехаться. А завтра утром я тебе немножко помогу. Иди.

— Ладно, спасибо...

На том и хватит тебе, Хагал. Аратта ощутила усталость, томное желание уснуть в тепле. Немножко подумала: да или нет?.. Ай. Почему нет? Да! Что тут такого?

— Тайназ, можно тебя спросить?

— Спрашивай, — внутренне напрягся он, ожидая какого-то серьезного вопроса.

— Я хочу уснуть на тебе. Спрячусь в гриве. Мне будет теплее, и тебе тоже.

— А... Эм... Прячься.

Он думал, что так заснуть не сможет. Что ни ее черты, ни запах не дадут. Но, странное дело — ощутив ее тепло, провалился в сон со скоростью падающего дождя.

**

Opeth (Orchid) — Silhouette

Утром еще летал дождь, а уже появилась, в лучах восхода, с неуловимой внезапностью, радуга: розово-зеленая, с лиловой поволокой по внутреннему краю, она повисла над саванной, над далекими горами, скрываясь одним концом за вершиной. Редкие стрелы дождя, утратившего и строй, и вес, так и сяк вспыхивали на солнце. В омытом небе, сияя всеми подробностями сложных и красивых форм, появлялось одинокое облако упоительной белизны.

Она перепрыгнула лужу, одну, потом еще одну. Потом засмотрелась на собственный след на мокрой глине, словно желая запомнить. Но запоминать нет нужды — Аратта его прекрасно знает, узнает из сотни и тысячи похожих следов.

Вот ибога, вот воканга. Они неразлучны — всегда растут вместе. Где ибогу видишь, там и листики воканги рядом найдутся. Вот трама. Но всё не то, не то... Она ищет другое. Аратте нужны листья дамианы для Хагала.

«Ах, рамзану не сделаешь, панциря нету. Тогда съест так, что поделать».

Их нужно отстаивать несколько дней в воде, чтобы из них вышел неприятный привкус. Можно также высушить на солнце. Но сейчас на всё это нет времени.

Она устала искать дамиану и уже готовилась сдаться, как тут нашла ее, возле небольшого ручейка; сами листья она сорвала быстро, с вольной сноровкой, положила в самый большой лист хум, что смогла найти (хорошо хоть хум растет повсюду, в этом его прелесть), взяла его в зубы и пошла по течению ручейка. Это, конечно, не по пути, но ничего. Если свои уже проснулись, так подождут. Она предупредила Хагала, куда идет и почему задержится, а он сквозь сон прогудел «Угу...» и спал дальше.

Небольшое озеро Аратта заметила издалека. «Это местный водопой», — подумала она, увидев добычу: зебр десяток, антилопы, некая мелюзга в прибрежных кустах шевелится. Пугливые, они начали предупреждать друг друга об опасности — львице — на своих, непонятных уху хищника языках. Но заметив спокойствие и чинность львицы, они вернулись к питью и не убегали, когда Аратта была уже в тридцати-сорока прыжках.

Вообще-то Аратта не прочь поесть, но сейчас... ах, еще лень их всех нагонять, разгонять. А если еще лень, значит, кушать не очень хочется.

Вдруг вся добыча, вся еда всполошилась и в панике бросилась прочь от водопоя. Аратта как раз пила воду и чуть было сама не поддалась всеобщему бегству — сделала испуганный шаг прочь от воды. Шаг был слишком резкий, потому Аратта поскользнулась; выпустив когти, она попыталась в это мгновение удержать равновесие, но бесполезно — упала на бок. Тут же встала. Нет, это не больно, только измаралась вся в прибрежной грязи, даже ухо и щека в этой глине.

Попробовала зайти в водопой (неприлично, но желание вымыться перебороло всеобщую норму вежливости), но тут же вышла прочь из него: где-то из дна били холодные родники. Аратта с детства боялась теплой воды наверху и холодной на дне — ей всегда казалось, что тогда глубины заберут ее. Она уже взрослая юная львица, но детский страх всё еще не отпускал. «Пойду умоюсь где-то в ином месте», — подумала Аратта, чуть плеснувшись в воде. Но помогло это мало, это лишь растерло грязь.

— Давай, нагоняй!

Вот и причина бегства всех, кто до того отирался у водопоя. Они приняли резвящихся львичку-подростка и совсем молодого льва, у которого только начала появляться грива, за опасность. Но на самом деле они сыты и играют.

Львица замечает Аратту и прекращает бег, сначала перейдя на шаг. Потом она и вовсе остановилась, совсем недалеко от шамани. Лев выбежал из густой камышовой травы вперемешку с тростником. Увидев Аратту, он тоже остановился, чуть дальше, чем его подруга.

— Кто ты? — с непосредственностью спросила львица, вовсе без враждебности, а только с любопытством.

Аратта представилась, приложив лапу к сердцу:

— Меня зовут Аратта. Я — шамани. Если это ваши земли, то прошу простить, что потревожила.

Львица с беззаботностью, истинной небрежностью махнула лапой:

— Это не наши земли, нет. Они ничейные. Мы из кочевого прайда, у нас нету земли. Мы идем за стадами. Если хочешь, присоединяйся к нам — отец будет рад, — с легкостью юности предложила она, а потом вдруг топнула по грязи. Так она

хотела обдать грязью льва, чтоб он возобновил за ней погоню; это удалось, но также и Аратта стала еще грязнее.

Не успела она что-либо осмыслить или сказать, как те со смехом убежали дальше.

Далее, тут же, на водопой чинно вышли двое львов, три львицы и четверо совсем маленьких лвят; пятого одна из львиц несла в зубах. Они расположились у берега и неспешно стали заниматься своими делами — кто начал лакать воду, кто умываться.

Аратта решила, что будет неплохо расспросить их; по-видимому, они доброжелательны и просты. Но ее опередили. «Кажется, это они решили расспросить меня...», — подумала Аратта: к ней шла одна из львиц этого маленького, счастливого прайда. — «Ох, шакал, я выгляжу ужасно».

По мере того, как эта львица приближалась, в шамани просыпалось некое неясное, смутное волнение; вдруг глаза зажгло — такого она еще не испытывала, и зажмурилась, а потом снова их открыла. Это Аратте показалось мгновением, но на самом деле прошло довольно много времени. Когда глянула на мир, то перед нею, в прыжках двух-трех, оказалась львица: стройная, печальные янтарные глаза, длинный хвост, худые лапы, небольшой нос и уши с черной каймой.

— Здравствуй, львица, — молвила незнакомка, чуть наклонив голову вниз и приложив лапу к сердцу.

У Аратты забилося сердце от ее голоса, как никогда в жизни.

— Бродишь по земле?

— Да, — у шамани пересохло во рту, совершенно — было трудно говорить.

Предчувствие было всепоглощающим, как водопад.

— Я зовусь Аманиэль. У нас — небольшой прайд, но дружный. Если тебе не с кем идти по жизни, то мы будем рады тебя принять.

«Аманиэль, Аманиэль, Аманиэли...». Львицу с этим именем хулила родная сестра Меана, тетушка Аратты; львицу с этим именем Амаринэ назвала шакалей дочерью; львица с этим именем — мама Аратты.

Шамани стояла и смотрела на нее, не мигая, не шевелясь, не видя.

— Откуда ты?

— Союз... Союза, — Аратта даже не заметила, что пропустила «из».

У Аманиэль приоткрылся рот, она вздрогнула, сделала шаг вперед.

— Тебя изгнали?

— Нет... Мы идем к севернякам... Они... Я... Вот там...

— Тебе плохо?

Аратта покачала головой. Нет. Не плохо. Она медленно-медленно села, прямо на прибрежную грязь, распустив по ней хвост. Аманиэль вздернула бровь, но ничего не сказала.

— Из какого ты прайда? — Аманиэль решила смириться со престранными повадками этой молодой львицы.

— Велари.

— Оооо... Скажи мне, львица, а живет ли во прайде такая... Аратта? — взволнованно спросила мать. Посомневавшись, добавила: — Будущая шаманя... шамани Аратта?

— Живет. Только она уже шамани.

— Амаринэ ее выучила?... — с неизбежной тоской спросила мама, смотря на водную гладь.

— Амаринэ погибла. Она осталась сама.

Мама, неужели ты не видишь саму себя в моих глазах?

— Я когда-то жила во прайде Велари. Я была дочерью Велари. Я — мать Аратты. Память моя истерлась с тех времен... Прости, не помню... Я вроде тебя... помню... Когда уходила, то не смогла забрать ее. Забрать Аратту. Мне ее не отдали. Никто не отдал, Амаринэ не отдала...

— Не отдали... — исступленно повторила Аратта.

— А как тебя зовут?

Мама, узнай меня! Ведь такая же, как ты, глянь, посмотри! Одного роста даже, глаза в глаза смотрим друг другу! И совсем одной крови, одних повадок!

Аратта молчала и можно было услышать, как звенит тишина.

— Не хочешь говорить — не надо. Понимаю...

Может, прошел бы еще миг, и Аратта сказала свое имя. Но Аманиэль не узнавала дочь. Странно, до чего же странно... Мама должна почувствовать и узнать — мало ли забытых на свете, но ведь дочь, она одна такая! Ее вспомнить можно по одной своей печали.

— И живу я теперь свободной жизнью. Есть у меня дети, есть прайд, есть лев, всё есть, но дитя мое первое... Ты, может, слыхала обо мне, может, тебе рассказывали? Ах, ясно что рассказывали. Говорить со мной не хочешь... — кивнула Аманиэль головой. Приложив лапу к глазам, глухо молвила:

— И как она теперь? Расскажи мне о ней...

Аратта узнала этот жест: она делала так же, когда плакала. Всегда пряталась за лапой. И ответила маме:

— Ну, как. Лечит веларийцев. Детей у нее пока нету. И льва тоже. Никого у нее нету, живет одна возле своей Холодной скалы и что-то там делает целыми днями. А ночами бродит неизвестно где. Попробуй пойми, чем она живет, — она удивилась своему тону: крепнущему, уверенному, обыденному. Последние слова Аратта вымолвила так, будто на досуге после охоты действительно рассказывала подруге о некоей львице, не слишком придавая значения собственному рассказу.

— Не говори Аратте, что видела меня. Не говори. Забудь, что меня видела. Это просит тебя Аманиэль... Две жизни у меня... Одна осталась там, другая — здесь.

Больше она ничего не сказала; лишь очень слабо кивнула на прощание, развернулась, и ушла к своим, ушла откуда пришла. Аратта внутренне ждала еще тирад, еще рассказов, слез или прочих чувств; но всего этого не было. Мать осведомилась, как там ее дочь, узнала, ну и ладно. Когда мама забрала лапу от мордочки, то Аратта заметила следы слез, лишь мельком; но всё равно это были лишь следы, а не горячие слезы печали.

Вдруг шамани неистово сорвалась с места, как окаянная, вцепившись когтями в ненадежную, скользкую глину под лапами. Но вскоре она выбежала на твердое, и понеслась... Но, несмотря на всё-всё, она вовсе не забыла прихватить лист хум вместе с его содержимым, что предназначено Хагалу. Аратта никогда ничего не забывает — это известно.

Так и побежала с ним в зубах, плачущая, но не так, как мать, а с больной, покинутой тоской; вскоре от слез она уже не видела куда ей следует бежать или идти, потому спряталась под каким-то кустом (а каким именно, Аратта тоже не заметила) и там наревелась, пока не стало тошно.

«Если бы я сказала, кто я есть... Что бы это дало? Ничего бы не дало, ничего. Жизнь у нее теперь своя, а у меня — так и подавно, другой и не знаю. Что, бросить всё и всех, и пойти вместе с этим бродячим прайдом? Да будь он трижды счастлив и беззаботен — никогда! Разойтись, как расходятся случайные путники? Смешно и нелепо... Пусть живет в неведении своей дочери. Пусть живет. По желаниям твоим и будет тебе».

Аратта всегда думала решительно, уверенно, без отступа для самой себя, как и любая настоящая шамани. Кроме того, сила не любит растрачиваться; потому вскоре ее сильные, надрывные эмоции, которые сильно сжигают силу шамани, угасли сами собою. Но в сердце навсегда остался еще один шип.

Послышался призывный рык. Рычал Хагал. Потом еще один, чуть сильнее — видимо, рычал Тайназ — Аратта еще не знала его рыка.

«Пора».

Ни мгновения больше не задерживаясь, прихватив дамиану, она побежала к своей группе.

— Ты где была? Мы тут все уже на колючках... — начал было возмущаться Хагал, но Аратта прервала его тираду:

— Иди сюда.

Он подошел. Остальные с любопытством выглядывали: что там эдакое делают Хагал и Аратта? Заметив их интерес, Аратта забрала его за дерево.

— Съешь всё это, и быстро.

— Зачем? — чуть испуганно спросил тот.

— Ешь, тебе говорят. Только жуй.

Хагал послушно сожрал все листья, тщательно пережевывая, больше не задавая вопросов. Аратта порадовалась: Хагал оказался прилежным и исполнительным. Потом Аратта взяла лапой его подбородок:

— Открой рот.

Так она смотрела детям, проглотили ли те, что требуется, или решили схитрить. Аратта делала всё бессознательно, думая совсем о другом, потому и повторяла привычную схему действий, нисколько не задумываясь.

— Это для чего?

— Для того, чтобы Луана долго не томилась от твоей нерешительности. Пошли.

— Эй... Эй. Я просто еще не разобрался... — Хагал торопливо желал оправдаться, скорее перед самим собой, чем перед нею.

— Хватит болтать.

Ее решительный тон пресек всякий разговор.

Они снова отправились в путь.

Первые горы, более похожие на огромные пологие горбы, показали себя во всей красе как-то внезапно, неожиданно. Все с небольшой возвышенности видели, как, прежде чем втянуться в горы, их путь вьется между холмами яркой зеленой окраски. Это Бастис нечаянно нашел этот путь, эту некую весьма широкую тропку прямо к Большим горам; иногда та виляла, влево и вправо, но ее путь неизменно и верно вел к ним. По этой тропке путешествие оказалось быстрее и веселее; кроме того, Саймири вместе с Луаной поймали неожиданную добычу — двух совсем-совсем маленьких антилоп, а Бастис нечаянно прихлопнул лапой большую, видимо, дряхлую и старую мышь. Антилоп съели, мышь оставили.

Очень часто делали привалы. Хагал, хоть и был слегка непутев, хорошо усвоил совет отца: в большом походе обязательно следует делать частые привалы, остановки, отдых. Вообще-то, Уруз имел в виду большие походы, в которых участвует десять львов и львиц, не меньше. Ведь в больших группах всегда найдутся отстающие, те, кому стало плохо и трудно и такое прочее. Три молодых львицы и три льва определенно могут идти быстрее, но, в данном случае, частые остановки в этот день были даже на лапу: а куда спешить?

На отдыхе Тайназ всегда находился рядом с Араттой. Он говорил с кем угодно, но не с нею; она тоже общалась с другими, но к нему не обмолвилась и словом. Но между ними установилось нечто вроде молчаливой связи.

Он заметил, что Аратта как-то посерьезнела. Погрустнела. Тайназ наблюдал за ней, когда украдкой, когда можно было — в открытую. И ему всё более было невозможно просто глядеть на нее.

Это было так, словно эта настоящая, очень настоящая львица была овеяна чем-то неизвестным, но что, может быть, было в ней самым-самым настоящим. Оно не имело прямого отношения ни к благородной внешности, ни к характеру, ни даже к тому, что она — шамани (хотя ближе всего к этому, пожалуй); это была и не задумчивость, и не печаль, — и нет у Тайназа способа объяснить то впечатление, которое производил на него ее облик, когда он украдкой, нечаянно подсматривал за нею на коротких и очень частых привалах-отдыхах, когда Аратта, забыв вдруг о разговорах и дреме (Тайназ в себе чувствовал, как она забывала о мире, — словно провалилось или затихло что-то), слегка отвернув ото всех голову с милыми, черными на кончиках ушами, она сидела с несколько недолгих мгновений неподвижно. Ему начинало казаться, что она, удаляясь в свое темное для остальных знание, не столько чего-то ищет, сколько бежит от чего-то, а затем, всякий раз возвратившись домой, в мир теплой крови, понимает, что оно всё еще с нею, в ней, неизбывное, неисчерпаемое; и что так будет до конца жизни. Тайне ее он не мог подыскать имени, но только знал, что оттого-то и получалось то особое — и не радостное, и не угрюмое, вообще никак не относящееся к видимости жизненных чувств, — одиночество Аратты, в которое ни Бастис, ни Хагал, ни конунг, ни он, Тайназ, не могут быть вхожи.

Под вечер случилось неожиданное. Они уже были у подножий больших холмов, которые открывали путь в Большие горы; было понятно, куда следует идти, а куда не следует. И оттого решение Хагала стало для всех сюрпризом. Он распорядился, что их группе следует на эту ночь разбиться на три части: одна пойдет на запад, налево; вторая — направо; третья — прямо. Это для того, чтобы «отыскать признаки земель Саргали» и «найти возможное расположение их прайда».

Полностью понимали намерение Хагала лишь сам Хагал и Аратта; возможно, еще умница Луана. Остальные весьма недоумевали. Разделяться под вечер? Разделяться тогда, когда уже понятно, куда идти, ибо другого пути нет? Но тон Хагала оказался настолько нетерпеливым, что споры быстро угасли.

Договорились встретиться возле высокого, крутого и небольшого холма-скалы, у которого сейчас стояли.

На запад ушли Хагал и Луана, на север — Бастис и Саймири, на восток следовало идти Тайназу и Аратте. Все уже скрылись во траве, а они продолжали сидеть на месте.

— Что, идем? — первым предложил Тайназ.

— Конечно. Ты гляди и принюхивайся: нам нужно найти озеро или реку. Родничок. Словом, любую воду.

— Зачем?

— Я буду смотреть на тебя. Я хочу знать правду: портили ли твою маму, портили ли тебя, передалось ли тебе плохое. Ты меня тревожишь, — сказала Аратта, глядя на него вполоборота. Потом добавила, повернувшись к нему полностью: — Мне нужно смотреть на тебя.

— Нет, нет. Я не хочу... Мои заботы — лишь мои. Зачем они тебе?

— А ты воспринимай это так, будто шамани искупают у тебя вину сквозь мои поступки.

По наивности молодости, по юности всегда хочется всего чистого, незапятнанного, одним словом — настоящего. Если гора — так ух! — до самых небес; если любовь — то вечная; если шамани — так безупречная, сильная. От этого чувства молодости Аратта хотела сама убедиться и убедить Тайназа, что не могут шамани Юнити делать такого.

Аратта искренне желала ему помочь.

Как ни странно, но она не ощутила сути его внутренней борьбы. Шамани не могут воспринимать сами мысли — это никому не дано — но могут лишь поймать то, куда они текут. Аратта чувствовала в нем смятение, борьбу, но не связала всё это с собою. Она всё еще представляла его по какой-то своей схеме и пока вполне верила ей. Она реально поверила, что у него страшная обида на всех шамани мира без исключения. И это было правдой. Но, как это часто бывает, Аратта знала правду. Но не знала всей правды: она безумно привлекала его.

А Тайназ засомневался, немного растерянный, слегка оглушенный.

Это не было шуткой. Иметь дело с любой шамани для него — как дружески потереться носом с убийцей твоей матери, а потом травить вместе с ним всякие истории и шутки. Это как нарушить важнейшую клятву жизни, а потом спокойно себе уснуть. Тайназа это скручивало всё сильнее, но, самое страшное — Аратта никак не могла отпустить его.

Его внутреннего стража вконец искусило и приспало это «...шамани искупают у тебя вину...». Звучало это естественно и верно, справедливо, потому Тайназ сдался, перестал мучиться и охотно пошел с Араттою. Пусть «смотрит», как она там умеет, если высмотрит... Если сможет увидеть, так хорошо — перестанет называть его болтуном; а не сможет — так будет знать, что Аратта лишь нахальная лгунья или ничего не умеет. Тайназ ведь знает, что не соврал в своем рассказе ни на йоту. Он знал, хоть и не имел доказательств, что Сарринсана и Хайяна, неизвестно как и неизвестно зачем, но испортили, прокляли его маму. Отчего та и умерла.

Они ушли на восток, разговаривая о чем угодно, но только не о главном. Сначала обсудили (в который уж раз) сам поход; потом начали воображать, как оно там, у северняков; потом начали обсуждать Хагала, и Тайназ заметил, что «дренгиру нужны ум, справедливость, смелость, строгость. У Хагала есть лишь первое». Аратта скорее из чувства протеста, нежели от чувства истины, начала слабо возражать ему, мол, у каждого — свои недостатки, и нужно время, чтобы лев обрел уверенность и крепко стал на лапы.

Но шамани в то же время непрерывно думала о том, что должна сделать.

Есть четыре главных способа определить, ломала ли некая шамани (либо просто лев или львица с врожденной силой — такие редко, но бывают) кому-то жизнь и судьбу: просто взглянуть на возможную жертву (в большинстве случаев для

любой нормальной шамани этого вполне достаточно, чтоб сказать — испорчен или нет; но источник проклятия так найти почти невозможно, если только шамани не видящая); любом способом свести предполагаемую жертву и предполагаемую порченницу (ощутить удастся даже слабой шамани, кроме того, тогда станет ясен источник, если он был); сновидеть и попытаться узнать в сновидении (простой и в то же время сложный способ, который зависит от умения сновидеть и владеть двойником, вторым телом шамани).

А четвертый... Вот Аратта и ищет воду для него. Он верно покажет.

Есть еще пятый способ, с помощью любого предсказательного ритуала, например, те же кости. Но Аратта сразу отбросила такой вариант: рядом нет матери Тайназа, и потому эффективность будет весьма сомнительной.

Кстати, именно по причине существования второго способа Аратта сначала так рьяно не поверила Тайназу. Ибо любая шамани, которая зайдет во прайд Юнити и случайно увидит Сарринсану и маму Тайназа вместе, сразу изумленно спросит Сарринсану: «Зачем портила сестру по прайду?!». Шамани Юнити не могли не знать такой простой вещи, потому-то рассказ Тайназа выглядел очень странным.

Кроме того, Аратта не ощущала Тайназа как порченного. «Видимо, он очень раним и чувствителен в сердце», — рассуждала она. — «Страшно опечалился от утраты, вот и стал искать виновных».

— Может, учуешь воду. Тогда сразу говори, — предупредила Аратта.

Тайназ молча кивнул, не растрчивая эмоций. Вместо болтовни он наблюдал за ее милой, хмурой сосредоточенностью. «Она пытается быть тверже, чем есть на самом деле», — неожиданно решил Тайназ, прыгая вслед за нею на очередной камень. — «Будь я проклят, если Аратта не мягка и податлива...».

Блуждали они к полному закату; последние лучи еще пытались обогреть совершенно безоблачное небо — и это после такой скверной погоды! Переливались пятнистые потемки. Аратта следовала неведомым, незнакомым тропкам, разумно полагая, что какая-то из них когда-то выведет к воде. И, наконец, их поиски увенчались успехом.

Это был большой горный ручей, вытекающий на равнины Морлая и берущий свое начало неизвестно где в Больших горах. Аратта зашла в воду, но ей не понравилась глубина: слишком мелко; они пошли вниз по течению, чтоб найти место поглубже.

Он следовал ей повсюду, след в след, как львенок; ему понравилось идти позади нее. Хвост Аратты постоянно играл (такая у нее походка), невольно доставляя ему удовольствие. Так и захотелось его поймать, как в детстве. Честно говоря, Тайназа уже не слишком волновала цель и причина их поисков.

«А вот наступлю ей на хвост при удобном случае», — в шутку, но в то же время всерьез подумал Тайназ. Он считал, что таким весьма странным образом можно узнать натуру львицы: особа кроткая и легко сдающаяся даже и не подумает его забирать, а начнет проситься; львица игривая и веселая толкнет лапой в ответ, вырвется и начнет убегать; львица-искусительница, всегда серьезная и чуть томная, будет смотреть с неким укором и вызовом, мол, «И что дальше?»; львица стеснительная, понятное дело, застесняется и начнет лепетать о том, что взрослым львам не подобает иметь детских привычек (от жизненной неопытности не зная, что любой лев — всего лишь большой львенок). Всё это Тайназ знал по опыту, и ему страшно захотелось проверить — а какова же она, Аратта? К ней, ясное дело, просто так не подступишься, и нужно начинать с некоей шутки, смеха.

Аратте для ритуала требовалась глубокая вода, такая, чтоб Тайназ мог полностью окунуть голову.

Зачем шамани ритуалы? Может показаться, что они всегда всё делают лишь на личной силе; в целом и общем, так оно и есть. Но иногда сила просто не имеет выхода, кроме только как сквозь некий строгий обряд. Например, вот зачем Аратте мешать рамзану, чтоб увидеть, сколько детей будет у львицы? Неужели нельзя сразу глянуть на нее и тут же выдать ответ? Ан, нет. Не тут-то будет. Сила не даст другого ответа, кроме лишь как сквозь неясные черты осадка рамзаны на дне панциря.

Никто не знает, и сами шамани тем более, как и почему всё это работает, почему действует тот или другой обряд. Шамани не рассуждают. Работает — и ладно... В том и задача наставницы: научить ученицу обретать силу, научить ее *ахмэне* — то как вести себя в этом и других мирах, *нихмэне* — практикам, таким, как сновидение, и обрядам, ритуалам, вроде обрядов предсказания. Научи всему этому ученицу — получишь готовую к жизни шамани. А если обучить ее, вдобавок ко всему, искусству целительства — получишь шамани для прайда.

А вот *видение* устраняет необходимость практически в любых обрядах — можно знать безмолвным знанием всё напрямую; но видящими становятся единицы — для этого нужно иметь много силы и еще некий талант, черту, которой и обладают эти самые единицы, и не обладают остальные.

Аратта заметила в небе грифа — он вился вокруг, крякал, нес дурной знак. Грифы извечно несут дурные знаки. Обычно они ведут себя спокойно, деловито, не делая лишнего: видят добычу — шумят; в остальное время — молчат.

Вот и глубокое место.

— Тайназ, слушай меня. Сначала выбери себе любой камень.

Это горный ручей, здесь камней и камушков на дне и на пологих бережках предостаточно. Тайназ не стал выбирать, а взял в зубы первый попавшийся камень размером с лапу львицы.

— Поставь его, где поменьше травы. Да, вот так. Хороший камень, вполне сойдет, — потрогала когтем камешек. Потом глянула на него, чуть сузила глаза, Тайназу показалось, что даже с еле заметным оскалом. Он ощутил неприятную волну дрожи на груди. Да, именно на груди, а не в груди. Ощущение было странным, Тайназ не мог его правильно описать или дать ему имя; получалось, что поле ощущений простирается дальше, чем его тело.

Он впервые ощутил нечто подобное от Аратты. До этого она никогда не глядела на него подобным образом, и вообще никак не выказывала своих сил.

— Зачем он? — рассматривая камень поближе, Тайназ силился придумать, что может быть дальше.

На мир опустились глубокие сумерки, звезды уже видны на небе. Аратта мельком глянула на луну — та начала убывать. Солнце почти зашло — нужно спешить.

— Потом, всё потом. Теперь пошли к воде. Так... Теперь стань вот здесь, где глубже. Еще, не бойся.

— Я не боюсь, — мрачно заметил он. Льва можно уличать в чем угодно, но только не в трусости.

— Знаю, — поспешила заверить его Аратта. — Это я так, по привычке. Теперь три раза окуни голову в воду. Ни меньше, ни больше. Каждый раз держаться ты должен до конца, до последнего, насколько хватит воздуха. Понял?

— Ага... Надо окунуться целиком? Или только голову?

— Только голову.

Тайназ чуть задумался, глядя на воду. Заметил отражение звезд. «Однако, клялся дела не иметь со всем этим, и вот тебе...», — с некоей тоскою и безысходностью подумал он.

— Это почти одно и то же.

— Давай.

В первый раз и второй раз прошло всё хорошо. Тайназ держался до конца и каждый раз с шумом освобождался от плена воды, разбрызгивая вокруг тысячи капель, многие из которых нашли приют на шерсти Аратты. На второй раз она стала почти такой же мокрой с ушей до когтей, как и он сам — шамани стояла близко, совсем рядом. На третий раз ему в ухо попала вода и Тайназ еле стерпел; но потом ее набралось еще больше, испытывать такое уже не было сил, и Тайназ выскочил из воды, рьяно отряхиваясь, еще вполне способный задерживать дыхание.

— Ух... Как ты выскочил.

— Вода в ухо попала! — раздраженно сказал-прорычал он.

— Ничего, дай я подую...

— Не надо, — чуть злобно молвил Тайназ, но не противился и дал это сделать Аратте. Так принято делать львьятам, если им вода в ушко попадает.

— Теперь подойди сюда. Вода должна стекать на камень.

— Какая вода?

— Вода, что с тебя течет! Быстрее! — нетерпеливо топнула лапой шамани.

Он наклонился над маленьким камушком, при этом поймав себя на мысли, что выглядит очень глупо. Вода, много воды, что набрала грива, обильно стекала на камень. Он вмиг стал мокрым.

Аратта мягко отклонила его от камня.

— Всё. Как звалась твоя мама?

— Ёрнэ. Хотя все ее звали Ирна, Ирни...

Тайназу никогда не приходилось видеть, как шамани сами себе рассекают когтями левую лапу с внешней стороны. Потому от непривычного и весьма неприятного зрелища он чуть вздрогнул, хоть о Тайназе нельзя сказать, что он пуглив. Скорее, наоборот — любит опасность, лезет на шипы, как говорят.

— Кровь знающей к воде проклятой, что Тайназу надлежит, Ирнэ надлежит, их роду надлежит — вот так сказано, не иначе молвлено. Покажешь, если так, и откажешь, если ложь.

Аратта свесила лапу над камнем, чтоб ее кровь попала на него. Видимо, рассечение оказалось не слишком глубоким, потому она потрясла лапой. Нет результата — стекать не хочет. Еще раз полоснула! От такой жестокости к самой себе Тайназ даже сцепил зубы, но не подал виду.

На этот раз всё случилось, как надо. Камень превращался из темно-серого в темно-темно красный.

— Не больно? — спросил он аккуратно, тихо.

— Так... Привычно. Чуть, — Аратта прижала уши. Голос ее изменился, правда, лев не мог сказать, как именно.

— Жестоко выглядит.

— Безжалостно, — молвила она, хорошо различая жестокость и безжалостность. Потом глянула на него, всё еще держа лапу над камнем: — За всё нужно платить.

Определив, когда достаточно, Аратта тут же начала зализывать рану. Но делала она небрежно и как-то торопливо; быстро бросив это занятие, сказала:

— А теперь отнеси его куда-то в кусты. Вон те, видишь? Только запомни, где оставил! Слышишь! Запомни!

— Слышу...

Он исполнил указание.

— И что теперь?

— Завтра, после восхода, мы возвратимся и будем на него смотреть, — молвила шамани, оставив лапу в покое. — Если он будет таким же, как и сейчас, то волновались мы зря — не было ничего ни на тебе, ни на матери. Если с ним чего случится — значит, волновались не зря.

— А это что, работает?

Аратта посмотрела на Тайназа с истинным непониманием. Ее, признаться, задело такое недоверие. Какой ей смысл играть в игры?

— Что может с камнем случиться? Мы вот придем, а его не будет. Что тогда? Или найдем, но не там?..

Шамани глянула на него так, что пришлось сразу притихнуть. Это второй необычный взгляд для него за всё время; неестественно тяжелый, какой-то изнуряющий, он сразу прекращал поток слов.

— Всё завтра. Я тебе скажу, была ли мама порчена или нет. А ты поступай с моими словами, как знаешь.

И снова занялась лапой.

— Давай я, — предложил он ей заботу и помощь.

— Нет.

— Дай я.

— Нет, — отдернула она лапу, прижав к себе.

— Слушай, ты со мной... — Тайназ подошел вплотную к ней. — Это... Не спорь.

— Там уже ничего нет, — Аратта таки лапу не дала. — Спасибо, не надо.

После обряда они отошли от ручья прочь, куда глаза глядят, прямо в саванну, и болтали о всякой ерунде. Им стало понятно, что к условленному месту сбора стоит приходиться лишь поздно поутру. Все всё поняли, и потому каждый проводил эту ночь, как хотел и умел.

— Отчего у тебя прозвище «Длинный»? — между делом спросила Аратта.

— Аааа... Это с детства. Мы друг другу давали различные прозвища. Меня прозвали «Длинный Коготь», но оно получилось, извини, длинным. А вот теперь не пойму: в Хартланде левята друг другу дают глупые прозвища, вроде «Куча» или «Крот». У нас были прозвища получше. Вот даже взять мое...

— А у тебя длинные когти? — спросила Аратта в шутку; она не думала, что прозвище имеет под собой реальную основу.

Но Тайназ броско продемонстрировал:

— Вот. Глянь.

— Ого, — удивилась шамани.

Тайназ решил, что как раз время рассказать разные истории, которых наслушался и навиделся во прайдах Союза. Между делом, он заметил, задумчиво глядя на звезды:

— Куда пошли Хагал и Луана? Чего искать на западе-то? Там же Морлай, смысл туда идти?

Он решил притвориться, что будто не понял нехитрого замысла Хагала; таким образом, тема разговора скатится ближе к тому, что его интересует

Аратта неожиданно выдала всю историю Хагала: как и зачем они все вместе пошли в Иларри и как Хагал, неожиданно для самого себя, влюбился в Луану. Она ожидала, что Тайназ будет подтрунивать, но не тут-то было — Тайназ слушал внимательно и серьезно; лишь потом шамани поняла, что он не очень-то и слушал, а лишь кивал. И не странно: всё время, что они беседовали, она лежала на боку. Аратте почему-то казалось, что всё в рамках самых строгих приличий, но как-то само собой получалось томно вытягиваться, играть хвостом и делать еще множество самых различных волнующих мелочей, которые от природы умеют хорошие львицы.

— А Саймири и Бастис? У них тоже что-то подобное? — спросил Тайназ, заложив лапу за лапу.

Аратта в шутку заметила, вздыхая от наступающей волны уже знакомого томления (опять сила Зирэры!):

— Наверное, у них сейчас то же самое. Что еще делать молодым льву и львице в ночи?

Это прозвучало совсем не так, как Аратта предполагала; она как-то вымолвила это, вовсе не подумав о последствиях. Прозвучало это как бесстыдный, жаркий, вовсе не тонкий намек. Она сама испугалась своих слов.

«Мы заполняем время какой-то ерундой», — враз понял Тайназ. Ему уже становилось невмоготу от этого хождения вокруг да около. Вспомнил о клятве; сказал, подходя к Аратте:

— Знаешь, я поклялся никогда не иметь дела с шамани. Там, тогда, у реки Большой Маар. Мать всегда говорила, что лучше делать клятвы возле рек. И оно меня так тяготит... — признался он. И сел возле нее.

Аратта смотрела на него снизу вверх, и не пытаясь подняться. Она, выдохнув, молвила:

— Так есть способ убрать клятву.

— Какой? — он медленно, но уверенно положил лапу на ее плечо.

Аратта уже не могла ответить: он смотрел на нее с такой жадностью самца, что она ощутила себя полностью беззащитной, мягкой, податливой. Силы ее жили абсолютно своей жизнью, и никакой власти над собой она почти не имела. Вместо ответа Аратта перевернулась на другой бок:

— Мррррр...

Она сдалась ему, потому как яростное желание, исходившее от него, лишало ее всякую силу сопротивляться. У нее никогда не было льва.

**

Аратта теперь поняла, почему шамани древности вовсе не были бесстрастными и не пытались взять в плен чувства, не ведая и желая ведать, что «эмоции растрачивают силу», как говорят их современники. Услышь они это, то засмеялись бы.

Поняла, почему Амаринэ говорила о страстности, что ведет охотницу за силой.

Они считали, что контроль над силой не так важен, как сама сила. Они полагали: «Много силы и недостаточно воли над нею — лучше, чем крохотная сила в полном контроле». Ученица или ученик, в первую очередь, должны набираться личной силы, а уже потом обретать над нею власть.

«Такой подход, несомненно, имеет достоинства. Но и недостатки тоже. Я не могу до конца владеть силой Зирэры, что стала моей. Шакал знает, что это со мной потом сотворит...», — думала она, покоясь на его гриве.

Аратта до сих пор не знала, желала ли она этого, либо же нет. Она раньше слабо верила, что нечто может произойти «само собой», ибо привыкла к волевому контролю сознания и тела, как и любая хорошая шамани; но вот так и произошло, вовсе без участия рассудка. Определенно, силы в ней стали много яростнее и живее, а потому иногда сами становились повелителями Аратты, а не она — их хозяйкой.

Но, конечно, жалеть не о чем. Рано или поздно это должно было произойти с нею, как с любой юной львицей. Вот и произошло.

Ах, Зирэра... Твои силы делают, что хотят!

«И ладно. Так хорошо... Что думать о прошлом? Ох, скатилась уже. Вспоминаю прошлое, будто сожалея. А разве сожалею? Нет-нет. Нет», — улыбнулась сама себе. — «Шамани пристало смотреть в будущее...».

Глянула на него, спящего.

«А он ничего. Думала, как-то всё это по-иному выглядит, по-иному будет. А нет... Было ярко, страстно, приятно. Мррррр. Вслух говорить не буду, но изнутри скажу: спасибо, Тайназ».

Она от нежного порыва вдруг лизнула его щеку. Оттого Тайназ и проснулся.

Вытянулся со странным ощущением кружения и легкости. Глянул на нее, улыбнулся, снова растянулся, глянув на еле виднеющуюся вдали высокую гору — даже страшно подумать, за сколько прыжков она отсюда.

Это было какое-то страстно-больное безумие. У него никогда такого не было, никого не было вроде Аратты.

И это даже не от ее природной отзывчивости. И не потому, что она просто прелестна (Тайназ начинал ловить всё большее удовольствие от ее чуть порочной, необычной, благородной и стройной красоты). И не была Аратта-шамани развязной, уверенной, излишне страстной, скорее наоборот — у нее не было опыта, и Аратта еще не могла поймать всех ощущений. Но это очень странное и приятное ощущение рядом с нею пленило; любое прикосновение к ней дарило множество разных, смешанных чувств, неизменно приятных; а таких ярких глаз он не видел никогда — они светились, переливались оттенками, которые видишь лишь в снах. Тайназ плохо помнил, что происходило, словно это случилось в другой жизни.

— Привет.

— Привет.

Разлегшись в который раз — нет сил и желания встать — Тайназ молвил, взмахнув хвостом:

— Наверное, я нарушил клятву.

Сказал он это просто так, ничуть не жалея на самом деле, поглаживая щекой ее ухо.

— Согласна. Более чем. Отступник! — она повернулась. Весело засверкал ее взгляд и Аратта засмеялась. Это редкий момент: Аратта смеется!

Он не разделил ее веселья, но не оттого, что было плохо. Наоборот, даже очень хорошо.

— Смотри, ведь даешь клятву самому себе, — молвила она серьезнее. — Для этого была причина, выдуманная или реальная. Сейчас мы и... мы и глянем, какова твоя. Может, ты зря давал клятву, и совесть шамани Юнити чиста? — говорила она,

начав тщательно умываться. — Не переживай. В мире каждый день рушится столько клятв и обещаний, сколько звезд на небе.

— Я б сказал, что это — плохо, — подумав, молвил Тайназ.

— Как есть...

Он долго наблюдал за нею и пришел к выводу, что Аратта похожа на всех предыдущих его львиц только в одном — она так же долго и старательно умывалась, словно в этом и есть смысл существования любой самки.

— Знаешь, я ничего такого не хочу сказать, но...

Аратта вопросительно мурлыкнула.

— ...кажется, нам стоит идти. Глянь — солнце уже выше деревьев. Наверное, все нас ждут.

Сказав всё это, Тайназ не решался встать первым — от чувства заботы ему не хотелось тревожить ее, отдыхающую в гриве.

— Ну раз так... Тогда идем, — ответила шамани, и себе не вставая. Пусть решения принимает лев, это его дело. Пусть встает первым.

— Идем.

— Да.

— Пошли.

С мгновение они так и лежали, а потом в унисон засмеялись.

— Так мы точно никогда не встанем, — растянулась Аратта.

Тайназ тяжело вздохнул и поднялся первым.

Шамани сидя наблюдала, как он уходит на запад, в сторону, откуда они пришли. Он отошел на прыжков десять и обернулся.

— Еще хочешь полежать? — улыбнулся он.

— В другую сторону, Тайназ. Наш камень в другой стороне. Пошли к ручью.

Он махнул лапой и кивком пригласил ее следовать за собой.

— Да гиена с ним, с камнем. Какая разница, прошлого не вернешь. А моя несдержанная клятва и так глупа, как дикобраз. Шамани разные бывают, — Тайназ приглаживал невысокую желтоватую траву саванны.

— Дикобразы вовсе не глупы...

— Глупы, еще как глупы. Один из них мне в детстве такую колючку засадил в нос. Сарринсана как вытащила, так у меня слезы полдня текли, — вспомнил детство Тайназ, почему-то с грустью подумав о том, что Сарринсана-шамани когда-то сделала ему хорошее.

Но Аратта уже шла к ручью. Взмахнув хвостом, посмотрела на него вполоборота, чуть прищуриив глаз:

— Идем, мой Тайназ. Дела стоит доводить до конца.

Его душу очень согрело это «мой Тайназ». Он много раз слышал эти два слова, но так приятно они еще никогда не звучали. Ведь теперь он может сказать в ответ «моя Аратта». Существует негласное, но всем известное правило: первой на обращение «мой...» переходит львица, после этого «моя...» может говорить лев. Это единственное, что львице нужно делать в отношениях первой. Это всегда выражало приятие льва и было знаком большой симпатии.

В несколько прыжков настигнув ее, Тайназ вдруг взял да наступил ей на хвост, из вредности и озорства самца, зная, что она будет возмущаться, но несильно — такова природа львиц, они мягче, они внутренне понимают и принимают право самцов делать им больно.

— Ай! Что за детство... Вот зачем? — несильно рассердилась она, решительно отобрав назад свой хвост.

— Не знаю. Просто такое удовольствие получаешь, — честно признался лев и дотронулся носом к ее щеке.

Аратта оттолкнула Тайназа лапой, но не очень сильно, а с той точно рассчитанной силой, чтоб он оказался еще ближе.

— Кому удовольствие, а кому — больно.

— Я больше не буду.

— Честно?

— Нет...

— Нахал.

Но время шло, им стоило торопиться. Тайназ внимательно вслушивался: может, Хагал или Бастис зарычат. Пока было тихо, но оттого чувство спешки в нем не утихало. Вообще-то, Тайназ по натуре исполнительный и надежный, он терпеть не может ждать, но и заставлять ждать других ненавидит не меньше.

Они нашли то место сразу, без проволочек. Их ждало необычное. Они с удивлением смотрели на тот самый камень: Тайназ — от того, что такое бывает; Аратта — что всё-таки Тайназ, оказывается, говорил правду. Камешек раскололся на три части. Тайназ вытянул их поочередно

— Как так... Что это значит?

— Ты был прав. Это — часть Сарринсаны, это — твоей мамы, а самая маленькая часть — твоя.

— Так это сделала Сарринсана? — зло спросил он.

Аратта подумала.

— Не уверена. Этой частью может оказаться любая шамани вообще. Она обозначает порченницу. Видишь: она самая большая, и эти острые, неровные края...

— А почему здесь я? — указал он на маленькую часть расколотого камня.

— Ты, определенно, мог перенять некую часть проклятия матери: она с тобой делилась ощущениями и переживаниями, как с любимым сыном, а такое просто так не проходит.

— Ты раньше на мне этого не видела?

— Нет. Такое очень трудно ощутить.

«Вот почему я была слепа. Была бы видящей, то... ай...».

— Что теперь? И мне тоже конец? — смешливо спросил Тайназ, стремясь показать, что ему всё нипочем, любая опасность и всякое проклятие.

— Нет, твое легко снимется, такое легче испуга снимается. А что насчет того, кто это сделал... Я попробую сегодня узнать, а завтра скажу, если узнаю.

— Но как ты узнаешь?

Аратта уклончиво посмотрела в сторону, и Тайназ всё понял, потому не стал спрашивать.

— Стоило бы всё отделать этой негодяйке.

— Отделать? — не понял он.

— Отделать — это снять проклятие с возвратом.

**

Опасения Тайназа насчет опоздания оказались совершенно напрасными. Они с Араттой пришли первыми к тому крутому холму, у которого предполагалось

встретиться. Тайназ от скуки вылез на него, осмотрел местность и со сбитым дыханием вернулся к подножию; для него стало открытием, что вскарабкаться на такой, кажется, не очень высокий холм, весьма трудно — воздуха и сил не хватает. Оно понятно — в Союзе нету крутых гор, лишь скалы, а самое большее — пологие холмы. Также он увидел, что их путь поворачивает на восток вместе с какой-то довольно большой рекой, и теряется где-то среди гор; оттуда он также видел синеющие вершины и какую-то совершенно невероятно огромную гору, которая находилась настолько далеко, что в это было трудно поверить.

Потом они дождались, мило беседуя, Саймири и Бастиса. Эти провели ночь с пользой для общего дела: действительно осмотрели весь путь, который лежал перед ними; они были грязными, усталыми, Бастис оказался весь в колючках, которые даже не удосужился убрать с гривы. Ими были добыты ценные сведения: группа на верном пути, и придет на границы земель Таллалу-Саргали сразу после полудня, если отправится прямо сейчас. Их поискам весьма способствовала безоблачная ночь убывающей луны.

— Вы что, и ночью бродили? — удивился Тайназ, пожалев их.

— Половину ночи, — устало ответила Саймири. — Немного успели поспать.

Аратта позаботилась о Бастисе и повыдирила все колючки с его шерсти.

От его краткого, тихого рассказа стало понятно, почему именно они почти всю ночь провели в поисках, хотя вполне могли ложиться отдыхать — особой необходимости в этом и так не было. Саймири обладала крайним чувством долга и общего дела, потому восприняла слова Хагала о разведке местности абсолютно прямо, без намеков, то ли не понимая истинных причин временного разделения их группы, то ли не желая их понимать; кроме того, Саймири — разведчица в невесть каком поколении, и зов ее крови разыграл с Бастисом плохонькую шутку (сам он, будучи львом стойким, отнюдь не стал жаловаться на бессмысленность их поисков, а рьяно последовал рядом с нею). Аратта заметила, что, возможно, будучи среди них самой старшей по возрасту, Саймири чувствовала ответственность за успех и благополучный исход похода.

Потом пришли Хагал и Луана: на первом так и красовались довольство и гордость собой; Луана вела себя спокойно и сдержанно. Аратта, взглянув на них, с облегчением вздохнула — задание, данное дренгиром ее прайда, было выполнено полностью и до конца: Хагал и Луана — вместе, и теперь он вполне может становиться главой прайда, когда возвратится.

«Он теперь от нее никуда ни шагу, а Луана хитра и умна...», — пронзительная Аратта смотрела на эту пару и раздумывала о том далеком будущем (а, может, и не таком далеком!), когда Хагал станет дренгиром, ну а Луана — его львицей.

Ощущая Луану, шамани подумала о довольно непрестом вызове, что пал на ее жизнь. С одной стороны, Хагал был в чем-то неприятен ей, даже противен, она не хотела его в том смысле слова, как львица может хотеть льва. Но с другой стороны, Луана понимала, что этот союз — залог благополучия ее детей; кроме того, на то воля родителей; кроме того, это помощь брату; кроме того, это — достойное продолжение рода. Так что в этом случае спорить с судьбой было бессмысленно — лапы коротки. Вместе с ее незаурядной красотой и умом складывался довольно трогательный и печальный образ львицы, которая, отбросив тщетность мечтаний и фантазий, приняла жизнь такой, как есть, и решила с нею не спорить.

Потом они пришли к той самой реке, что ее издали видел Тайназ.

Там Аратта отмыла во воде Тайназа; на нем ничего серьезного не было, поэтому шамани решила, что хватит и воды. Перед этим он заупрямился:

— Аратта, да она холодная, что жуть.

— Терпи, потом отряхнешься и будешь бегать.

И ему снова пришлось окунуться в воду, только на сей раз всем телом, часто и понемногу.

Когда вышел, то Аратта подула в его левое ухо и тихо молвила, глядя в глаза:

— Пусть сердце твое станет смелым и свободным, не ведая страха, и лапы ступают по земле, не зная сомнений, а душа будет верна себе, зная лишь смелость и не зная испуга.

Обычные слова против недоброго глаза, испугов, тяжелого настроения и мелких неудач. Тайназ после этого отряхнулся, обрызгав Аратту от когтей до кончиков ушей.

Они уже было хотели уходить, но Хагал решил, что им стоит задержаться здесь, у воды, до вечера. Этот шаг подсказала ему Луана. Она хорошо знала Саймири: та ни за что не признается, что устала. По ней станет понятно лишь тогда, когда она упадет от изнеможения. А если этого не сделает Саймири, то тем более — Бастис. Потому-то они расположились отдыхать. Никто более никуда не уходил, не пошли даже на охоту, хотя хотелось есть.

— Побережем силы до вечера, — предложил Хагал.

Это «до вечера», как стало очевидно в сумерках, затянется до утра. Аратта этому обрадовалась. Ей нужно сновидеть: она хочет знать, кто нанес вред матери Тайназа. Всех предупредив, что отлучится, она ушла прочь, возле реки, выше по течению.

Сновидение далось ей легко и безупречно; так стало неизменно с того времени — после встречи с Зирэррой. Аратту очень заинтересовали новые возможности и поразительная стабильность, четкость восприятия в сновидении и втором теле, которой ранее не было и помине. Она просто вышла из тела и увидела себя, спящую, будто смотрела на иную знакомую львицу. Раньше такое достигалось с определенным трудом, а восприятие было зыбким, всё плыло, будто вода перед глазами, неизменно было ощущение чрезмерной легкости, отчего всё ставало слишком нестойким; любая случайная мысль могла выбросить прочь, и Аратта просыпалась с колотящимся сердцем. А теперь — ничего подобного. Ощущается тяжесть и основательность; по всему двойнику, второму телу словно струится сила, похожая на поток «колючей» воды. Всё почти так, как и в обыденности, только свет луны неестественно яркий, в темноте видны мельчайшие детали (благодаря этой особенности «зрения» во втором теле Аратта смогла вытащить Бастиса из ловушки в пещере), и вода отблескивает зловещим зеленоватым оттенком. Молодая шамани помнила совет Амаринэ никогда, ни при каких обстоятельствах не смотреть во второе тело и сновидении на воду; она говорила, что это может до смерти испугать.

Аратта этому не очень верит. Она считала и считает, что Амаринэ, исходя из некоего собственного неудачного опыта, излишний раз предостерегала ее; кроме того, не секрет, что наставница была неважной сновидицей. По словам Скади, именно из-за этого она и погибла. Для Аратты это похоже на правду, хоть она не уважает Скади.

Но доля правды, определенно, в словах Амаринэ была: Аратта чуяла, как глаза ее буквально горят, а из них струится вбок, к щекам и ушам, нечто вроде бело-желтого тумана, как это прозвала для себя Аратта. Потому она не стала проверять

правдивость предупреждения наставницы. Довольно мрачно — увидеть себя такую в отражении. Шамани звали это «огнем изнутри», и если огня изнутри достигала шамани в обыденном состоянии, в «обычном» теле, то это свидетельствовало об огромной силе; как правило, такая или такой шамани были заодно и видящими, и во прайде надолго не задерживались.

Ей очень хотелось исследовать новое состояние в укромном месте и спокойной обстановке, но она сейчас в походе, а ее любимая скала Анлиль далеко дома, во прайде Велари. Так же без труда Аратта смогла выразить намерение найти порченницу рода Тайназа, используя образ расколотого, окровавленного камня.

Результат оказался в высшей степени необычным. Выразив намерение, она ощутила знакомый рев в ушах — свидетельство смены восприятия. Она мгновенно очутилась возле некоей спящей львицы, молодой; Аратта смутно, очень смутно помнила Хайяну, но сразу признала ее. Да, это она. Шамани Велари даже заметила мелкую, но важную деталь — у нее не было половины левого уха. Та резко, тревожно проснулась — учуяла присутствие второго тела Аратты, но в обычном состоянии увидеть ее не могла, это невозможно; такое доступно лишь видящим.

— Доброе к доброму, а худое к худому. Кто куда, а худо к хозяйке, — «сказала» Аратта. В сновидении невозможно говорить в обычном смысле этого слова; но то, что воспринимается как разговор, становится чистым намерением и силой. Потому за любыми словами, произнесенными там, нужно строго следить: неизменное правило шамани любого толка. И потому-то после сновидения можно ощутить себя полностью истощенным, а слова даются там не в пример труднее, чем в обычном состоянии.

Ранним утром она сказала Тайназу, что его испортила Хайяна, отчего он упал в смутное огорчение. Он, как и Аратта, предполагал, что это всё же сделала Сарринсана, а Хайяна либо ничего не знала, либо стала жертвой ее игр, либо соучастницей.

— У нее есть изъян на левом ухе?

Он кивнул:

— Есть. А что?

— Так, ничего.

— Сарринсана... Она тут замешана?

— В любом случае, она ни при чем.

— Ты уверена?

— Это наверняка так, — выразила уверенность Аратта, хоть и сама до конца не верила в свои слова. Но всё же камень раскололся на три части, а была б замешана на эта шамани, так стало бы четыре.

— Только ты Хайяне ничего не возвращай или как там... — продемонстрировал он мягкость характера.

— Да уже всё, возвратила. В конце концов, вот так просто оставить? Ну уж нет.

Он повел ушами, облизнулся и не сказал ничего.

— И Тайназ... Прошу тебя, храни всё в тайне.

Вопреки обычной реакции в таких случаях («Да ты что! Как могла подумать?! Чтоб я всё рассказал! Конечно, конечно! Что ты такое говоришь?!»), Тайназ ответил скромным:

— Хорошо.

Шамани Велари, скорее, так желала отстоять честь всех шамани Союза: живших когда-то, живущих, еще не родившихся; хоть шамани и не нуждаются в че-

сти и вообще в любых понятиях нравственности — они сами по себе. Но Аратта молода. Ей хочется чистоты. «Если ты порченница, так чего сидеть во прайде? Отчего иметь два лика?», — рассуждала Аратта уже потом, как-то упустив из виду, что именно во прайде порченнице больше всего удовольствия и работы.

Аратта никогда так и не узнала, как произошло всё на самом деле. Хайяна испортила мать Тайназа нечаянно, случайно, без умысла. Мать Тайназа, Ирнэ, обладала весьма тяжелым характером и склонностью к разбирательствам, скандалам; любила сплетни, слухи, и много с кем во прайде имела натянутые отношения. В тот злополучный день Хайяна возвращалась с охоты вместе со сестрами по прайду; Ирнэ не упустила возможности всячески ее покритиковать. Сначала это никак не задевало Хайяну, и она всё сносила безупречно, как и полагается шамани. Но Ирнэ знала, как бить в больные места: начала всяческими намеками оговаривать, что, мол, у нее нету льва, а потому так плохо охотится — стимула, дескать, нет. А льва нет потому, что Хайяна, извините, страшная.

Так и есть. Хайяна некрасива. Отчего всегда страдала.

— Чтоб ты сдохла! — сказала в сердцах и убежала, устыдившись собственных слов.

Потом уже Хайяна не могла сказать, почему именно так сделала. Вырвалось...

Свидетелей вокруг не было — все разошлись. Ирнэ так и осталась на месте, негодуя от дерзости этой молодой львицы. Она хотела немедленно отправиться к дренгиру и к Сарринсане, чтоб пожаловаться на ее возмутительное поведение. Но не дошла: как-то расхотелось.

А через три дня ее не стало.

К чести Хайяны, она сразу сообщила о своем некрасивом поступке Сарринсане, отчего получила от той по первое число; но этот случай изменил ей судьбу до неузнаваемости. Наставница решила сначала не придавать этому значения, но быстрое увядание, а затем смерть Ирнэ заставили сильно задуматься. Конечно, в эти дни Сарринсана понимала, что происходит; шамани предлагали свою помощь, но Ирнэ, внутренне понимая причину зла, напроць отказывалась даже говорить с ними и просто сбегала.

Наставница не предала это дело огласке, но ей не до конца было понятно, отчего Ирнэ так быстро умерла. Так выявилась большая склонность Хайяны, ее дар — хорошо портить и проклинать. Достаточно было трех слов — и нету чужой жизни. Кому какой дар при рождении достается: кто хорошо сновидит, кто — хорошая охотница, кто может снимать боль лапой, а вот Хайяна получила такой мрачный дар.

Она почувствовала, как среди ночи возле нее кто-то есть; проснувшись, не заметила никого вокруг. Хайяна, хоть и была еще неопытной шамани, поняла, что к ней приходила другая, причем не с добром. На утро она ощутила легкое недомогание. Сарринсана молвила:

— Отделал тебя кто-то. Теперь расплачивайся, — безжалостная наставница хорошо понимала, что учатся лишь на своих ошибках.

Но ничего подобного. С Хайяной ничего не приключилось, а недомогание прошло к полудню. Потом ей даже стало как-то лучше. С того времени натура Хайяны изменилась подчистую. Сначала ее глодали совесть и тоска, но недолго. В будущем эта шамани переменилась, озлобилась и превратилась...

...и превратилась в печально известную Хайяну Ужасную.

Но это совсем другая история.

**

Nest (Trail Of The Unwary) — Claw And Fang

Трое львов дымчатого окраса шерсти покоятся на крутом, каменистом скате огромного холма. Первый из них, крупный, молодой, с длинной гривой чуть ли не до хвоста — серьезен и держит меж лапами кость, которой играет; дрема медленно одолевает его. Второй похож на первого, только меньше и морда у него не так хмура. Он с большим интересом слушает третьего.

— ...пришатали меня лапы от Менаи. Скажет тебе Силарт: нет у них ума. Из начала приняли меня за чужого, потом львицы их не дали мне жрать, а потом я узнал, что аршах Менаи держит и мучит союзную львицу, не давая воли. Эти Менаи пусть укусят меня за хвост, я...

— А что за львица? — перебил Ману́, нетерпеливо махнув лапой.

— В снегах живешь? Из Регноран-прайда союзных львов! Ушей нет, новостей не слыхал?

— Чего с нею Менаи делают?

— Аршах решил проучить ее за то, что скрытно бродила по их землям, высматривая, что и как. Еще Силарт слышал, что когда ее изловили, то эта союзная осмелилась дерзить. Шамани Менаи дают ей что-то и она всегда слаба, лапы не держат. Да она на них далеко не сбежит: как изловили, когда приспали, так аршах сам прокусил ей лапы снизу, — Силарт показал подушечки лап. — Видел ее. Меня такая жалость схватила.

Ману постучал себя по голове.

— Аршах Менаи слаб умом. В этом нет чести и пользы. Пусть лучше убьет.

— Он держит ее в запасе для регноранцев. Так говорят. Ждет, что они придут за нею, ведь они не знают, что с ней стало. Шамани лечат ее лапы; но ей не выбирать — если сбежит, так умрет сама по дороге, так что приходится лежать смирно.

— Нэй, вот гниль. Мучить львиц подло, они дают жизнь, в этом нет кхалы...

Силарт вдруг встал, потянулся и отправился вниз по склону.

— Куда тебя несет? — прорычал Нислан грозным, низким голосом.

— В привычке моей много пить.

— В твоей привычке лучше меньше гудеть, — крупный снова прикрыл глаза и предался своей серьезной и хмурой дреме.

Силарт, заметив, что брат по прайду спит, несильно оскалился, с выдохом; это жест презрения, недовольства и насмешки. Ману решил пошутить и толкнул Нислана, дабы он увидел наглость. Но Силарт мгновенно убрал оскал и превратился в любопытную невинность, а Нислан уже недобро глядел на Ману.

Пока они выясняли, кто, кого, когда и зачем толкнул, случилось неожиданное:

— Цанна! Чужие, чужие, чужие! — радостно встревожился Силарт, глядя вниз, как заправский охотник: прижался к земле, уши прижал, в глазах — сосредоточенный азарт.

— Ух... Айна, айна! Удача любит нас, — Нислан с восторгом поприветствовал возможность подраться.

Они как раз спорили, правильно ли идут. Хагал отчего-то решил, что они заблудились и пошли неверной дорогой, утверждая, что северняки давно уже должны были их заметить. Бастис и Тайназ начали убеждать его в обратном; они опасались, что сгоряча Хагал решит пойти в другую сторону, на северо-запад, а они понимали, что это неправильный путь.

Луана сообразила первой, когда заметила трех быстро бегущих к ним львов. Используя общеизвестный знак миролюбия, она пошла первой им навстречу, рискуя — ведь никто не знал наверняка, кто такие эти трое. Тайназ напрягся и было последовал за нею, но Аратта остановила его, понимая, что тот может наворотить шакал знает чего.

Заметив Луану, те усмирили свой бег и остановились в нескольких прыжках от нее.

— Чьей крови вы?! — начал издали орать Ману.

— Мы из Союза, Иллари-прайд, — безо всякой робости ответила Луана.

Те притихли и остановились.

— Зачем пришли к нам? — спросил Нислан, вполне миролюбиво.

— С тем же миром, с каким приходили к нам вы.

— Ха-ха, цанна, приходили мои отцы и предки лишь с кровью к вам! — завеселился Силарт. — Отойди, львица, мы испробуем на клык твоих львов.

Нислан озлился и рыкнул:

— Пасть твоя молчит!

Потом неожиданно вежливо и с готовностью молвил:

— Аршах Таллалу-Саргали ожидал вас. Вы хорошие гости наших земель.

— Негоже гостей на клык пробовать, — с хитрой улыбкой молвила Луана. — Идем! — это она обратилась к своим.

Они пошли все вместе, абсолютно молча, без единого слова. Такое всеобщее молчание никто не смел нарушить: союзные опасались сказать чего-то не то; а Саргали, так они такие — нечего сказать, так молчат...

Еще раньше Аратта восхитилась красоте и богатству этих земель, еще на подходе, тогда, когда была с Тайназом наедине. Она думала, что это так здесь, а в самих горах беднее и хуже... В саванне много жизни, но она раскидана по огромному пространству — саванна редка и скучна, и глазу не за что уцепиться; хорошо если такая саванна, как в Союзе — вперемешку со скалами, густыми зарослями и негустыми лесами, в коих, как правило, росли лишь дроматии и баобабы, обвитые лианами. А здесь...

Вот и теперь они довольно долго следовали за львами-Саргали: то через большое открытое пространство, и видно было, как они идут по длинной долине, а вдали виднеется огромная гора, отчего-то белая наверху; то входили в такие заросли и непонятные переплетения ручейков, деревьев и тропок, что Аратта сразу бросила попытки запомнить путь. Как играет солнце! От сухости воздуха поразительно резка разница между светом и тенью: на свету такие вспышки, такое обилие блеска, что порой невозможно смотреть на скалу, на ручей; в тени же — мрачный мрак, поглощающий подробности: так что всякая краска жила волшебным умноженной жизнью, и шаманы даже показалось, что оттенок собственной шерсти поменялся, обрел глубину, стал более темным; а светлый Нислан стал еще светлее.

Трава здесь невысокая, и Саймири тихонько спросила Аратту:

— Как же они здесь охотятся?

У Аратты возник чуть иной вопрос:

— И на что?

Возле одного из ручейков Аратта нашла истинное сокровище, коего не видала в Союзе: много-много хорошей черной глины.

— Я сейчас...

Шамани резонно решила, что нужно нанести три полоски на левую щеку. Всё таки не среди своих, а среди чужих, и ее должны видеть и знать, а она должна показать себя, как шамани Союза: настоящая, преданная прайду, знающая, не порочащая имя Велари. Чуть смочив в ней лапу, она боковой стороной правой лапы сделала для себя три лаконичные и симпатичные полоски. Амаринэ некогда долго ее учила их наносить, не абы как, а правильно. Это раздражало Аратту, но наставница на такие эмоции никогда внимания не обращала. Надо, и всё тут.

«А была права. Таки надо уметь. И чтоб выглядело достойно».

Она заметила любопытные взгляды, и от своих, и от львов-Саргали. Последние, казалось, глядели на нее с уважением; когда она вернулась к ним назад, то хорошо ощутила, что их отношение к ней сменилось с равнодушия на уважительную заинтересованность.

Вскоре Аратта поняла, что они недалеко от центра прайда: в тени сидят четыре львицы. Возраста у них разные, но все они в чем-то похожи друг на друга. Молодая шамани Велари впервые видела львиц-Саргали, потому невольно засмотрелась на них, а они с огромным любопытством глядели на нее, прекратив болтовню. Львы-Саргали были более привычны для ее глаза, только гривы у них были длиннее, светлее и более гладкие, а вся шерсть имела не золотистый, а некий светло-пепельный оттенок; глаза — серо-голубые или серые, цвета мокрого камня. Львицы же произвели на нее впечатление: очень стройные, изящные, все до одной, даже те, что постарше. У них, на равнине, в Союзе, львица возраста силы, а тем более старая, неизменно ставала массивнее, чем в молодости, лапы ставали шире и сильнее. Уши у львиц-Саргали были наполовину черны, вдоль спины шла темная полоска, и хвост! Какой же хвост! Длинный, необычно длинный, с темным-темным кончиком. Они могут свободно наступить на него передней лапой или укусить себя за него; поговорка «трудно, как укусить себя за хвост» для них была бы смешной. Ростом они все оказались весьма небольшие. И у всех похожие глаза: серо-зеленые, серые, немного хитрые, немного веселые. Темные носы, изящные, вовсе не грубые мордочки. У молодых львиц интересная походка: они распускают лапы вширь и чуть выпускают когти, будто стараясь впитаться ими в землю, по которой идут; в Союзе такая походка — с распушенными лапами — считается неприличной, уделом львиц, что не имеют к себе уважения. То же самое с хвостом: Аратта заметила, что львицы-Саргали обращались с ним много свободнее и игривее.

Лапы их в самом низу были черны от глины. Сначала Аратта не могла внять толк, отчего они все так испачкались, причем одинаково ровно, и, наверняка — нарочно. Она не могла знать, что много-много поколений назад этот способ львицы Таллалу переняли у львиц-разведчиц Союза. Грязь прячет запахи, перебивает их. В таком случае лапы оставляют менее сильный след запаха; но со временем это превратилось у львиц Таллалу в своеобразный охотный обычай. Применять же способ в полной мере, то есть вываливаться в грязи всем телом, львицы-Саргали полагали низким и унижающим честь.

Когда они их прошли, то львицы вовсе не остались позади. Все Саргали идут вслед за своим любопытством, потому пошли за ними, ничуть не стесняясь рассуждать, кто такие к ним пожаловали.

И у всех, приглядевшись, шамани заметила еле видный шрам на левом глазу. Она долго думала, что такое может значить, но долго думать не пришлось — их путь кончился и они пришли к огромному вертикальному утесу, высотой не меньше прыжков сто. Союзные ахнули; они увидели его внезапно, так как добирались с пологой стороны.

По Таллалу-Саргали уже прошел слух, что пришли некие львы и львицы из Союза. Такая новость и еще бы не вызвала интереса! Потому отовсюду сбегались местные. Некоторые открыто принимались, что вообще весьма неприлично; к незнакомым открыто приниматься — дурной тон. По крайней в мере, на родине Аратты.

— Мы так на них не глазели, — сквозь зубы, шепотом, молвила Луана Хагалу, чуть наклонившись.

Хагал ее не слушал. Он решил, что глупая улыбка во весь рот будет лучшим залогом дружелюбности северняков. Потому с него смеялись какие-то львицы-подростки, без стеснения показывая лапой. Несколько старых львов-Саргали с долей презрения смотрели на него: тут принято, чтобы лев всегда был серьезным и строгим.

Аратта, и не только она, заметила, что во прайде очень мало львов. На них преимущественно смотрели глаза львиц самых разных возрастов. Она еще не знала, что львы-Саргали всегда делают обход группами, а обходы у них огромные: они считают своими воистину огромные земли. Кроме того, молодежь обязательно шаталась по окрестностям, чаще всего в Морлае и землях соседних прайдов Саргали (что было причиной извечных конфликтов). Все взрослые львы очень редко сидят во прайдах, они постоянно в движении (кроме аршаха), в отличие от львов Союза.

А вот и он, собственной персоной. Аршах. Они все шестеро это поняли, хотя никто его не представлял и даже к нему не обращался. Но нечто хорошо уловимое, это чувство власти и авторитета, шло от этого молодого, весьма молодого льва. Рядом с ним находилась львица, уже в годах, и еще одна, совсем молоденькая. Первая глядела на гостей изучающе, внимательно, разглядывая каждого и каждую из них пристально, без спешки. Вторая — чуть ревниво и надменно.

— Какой вы крови и с чем пришли?

— Мы из Союза: трое из прайда Велари, двое из Иллари, один из Хартланда. Пришли с миром, как вы приходили к нам, — первой пошла на разговор Луана, сделав шаг вперед.

«Юнити... Я из Юнити!», — хотел было поправить Тайназ, но решил сдержаться.

— Скажет тебе аршах: здесь не принято, чтоб львица отвечала за льва. Главный есть у вас?

— Есть. Но я его львица, потому молвила первой, — нашлась Луана. Она прекрасно понимала, что Хагал, никогда не видевший северняка, не имеющий опыта общения с ними, и вообще довольно наивный по жизни, наговорит всё, но только не то, что нужно.

— Меня твой обычай не волнует, — резко ответил аршах.

— Но не боюсь я и вашего обычая.

— Ты дерзка со словом, маасси.

— Лучше иметь дерзкий язык, чем кроткий хвост, — мгновенно ответила Луана.

Казалось, такое должно вывести из себя аршаха, но вовсе нет! Он вполне удовлетворился таким ответом и не стал больше спрашивать, а львица сбоку даже заулыбалась.

«У нее опыт общения с ними... И, несомненно, талант», — враз подумала Аратта. Определенно, Луана знала, что делает.

Решив, что как раз время для вступительного слова, Хагал обратился с речью к аршаху. Говорил он, волнуясь, много и сбивчиво, скучно; сам он перед этим долго повторял, что будет говорить, но получалось так себе. Он говорил, что рад придти на их земли, что рад, что они побывали на землях Иларри, что... что... и так далее, и прочее.

Никто не перебивал, и на том спасибо.

— Зачем так много болтовни? Мы рады вам, — с непонятной гримасой (то ли отвращения, то ли презрения) сказала львица постарше. Это создало весьма любопытную вещь: слова «Мы рады вам» вовсе не увязывались с ее выражением.

Аратта поняла, что это — мать аршаха.

— Что-то не видно, — сказал Тайназ, которому всё нипочем и который всегда сам лезет в крокодилью пасть (а еще тянет в нее остальных!). Аратта чуть толкнула его и дотронулась хвостом, но бесполезно — тот уже начал свой воинственный монолог: — Сначала нас хотели попробовать на зуб трое львов. Потом вы принимаете нас вовсе не так, как мы принимали... вас.

— Если в тебе разочарование, что тебя не взяли на клык, то исправить это можно, — уверил его аршах.

— Неа, это разочарование, что я не взял.

Хагал уже похолодел: беседа шла вовсе не в мирном русле.

Но аршах засмеялся; остальные с удовольствием последовали его примеру. Львицы вокруг, особенно маленькие и молодые, рассмеялись только так, как могут рассмеяться дочери прайда Больших гор: открыто, громко, с истинным весельем. Некоторые даже перекатились по траве.

— Мои уши слышали и я знаю, как первый раз принимали в Союзе львов и львиц Таллалу-Саргали. Верь слову аршаха, нетрусливый лев, что приняли так же, как мой прайд теперь. Вы приняли крадучись, с опасением, не имея веры. Так что кровь за кровь.

— Это хорошо, — почему-то заметил Тайназ. — Когда кровь за кровь.

— Именно так. Как ты зовешься, лев, в котором я вижу кхалу?

— Тайназ. А какую кхалу видит во мне аршах? — хитро прикрыл левый глаз Тайназ.

Сначала аршах чуть растерялся от такого вопроса, но быстро нашелся:

— Кхала для всех одна.

— Но что это?

— Потом спросишь. У Линэ спросишь. Это ее дело — объяснять.

Слова не следовало тянуть за хвост, потому Тайназу пришлось удовлетвориться этими непонятными ответами.

— Тебе, болтливый, какое имя дала мать? — обратился аршах к Хагалу.

— Дал отец. Хагал.

Аршах нахмурился. Потом сосредоточенно спросил:

— Далотец-Хагал?

— Хагал. Просто Хагал, — отдельно вымолвил тот, почувствовав, как немеют лапы от волнения (он вообще много волнуется, такой от природы). — Имя дал отец, а не... не мать.

— Теперь твои уши поймут, что много слов — всегда плохо. Они не дают коснуться к чувству и правде. Слова нужны лишь тогда, когда есть что сказать. Говорить нужно прямо и от сердца, — решила поучить Хагала мать аршаха.

Он сидел, смущенный, не зная, что сказать.

— А как имя аршаха, смею спросить? — вежливо и вкрадчиво поинтересовалась Луана, никогда не теряющая след разговора и остро чувствующая, что и когда нужно говорить. В этот момент она не только решила выяснить эти важные сведения, но и выручить непутевого, но уже своего Хагала.

— Ар-Дáрраз зовусь я, мать мою звать Имэ́лда. Имена остальных услышите от них самих. Или не услышите. Есть такие, что не скажут? — обратился Ар-Дарраз к своим. Те пришли в восторг и снова начали смеяться. «Какие они смешливые», — подумала Аратта, не разделяя веселья и заметила, что смеется и Тайназ, почесываясь за ухом: ему, определенно, юмор прайда Таллалу пришелся по душе.

— Майса́нэ скажет свое имя лишь за тушу козы! — раздался грубый, тяжелый голос львицы. — Нэй... Цанна. Уже сказала.

Снова смех.

— Твое имя, львица? — спросил аршах Саймири.

Та негромко, твердо и с чувством достоинства ответила:

— Саймири мое имя.

К ответу невозможно придрасться, к нему невозможно что-либо добавить.

— Истинная скромность львицы Саймири. Теперь будем с тобой знакомы, львица?

Луана ярко представилась, как-то очень артистично и грациозно приложив лапу к сердцу, притом взмахнув хвостом:

— Луана мое имя.

— Ты глаза, уши и рот своего Хагала, Луана. А ты, лев?

— Бастис. Просто Бастис, — он приложил правую лапу к гриве, впившись в самого себя когтями.

— Теперь узнали мы простака Бастиса.

Чувства Аратты обострились; шамани чуяла вокруг недоброе, скрытое. Но что именно и как — не могла сказать. «Мне этот поход предвестился еще там, с костями... И не нравится он моей душе... Он вызов, испытание, трудность. Но когда и где будет главный вызов?».

— И последней будешь ты, маасси, — обратился аршах к шамани-Аратте.

Прежде она сидела так, что Ар-Дарраз не видел левой щеки и знака на ней. Но теперь увидел.

— Меня зовут Аратта.

— Ты шамани, Аратта? — наклонился он вправо, будто таким образом смог бы увидеть полосы получше.

— Да.

Двое львов, что находились по левую лапу от аршаха, начали сосредоточенно перешептываться, чуть ли не отвернувшись от всех. Аратта невольно наострила уши, чтоб услышать: чего они там секретничают?

Аратта сразу и мгновенно понравилась аршаху Таллалу-Саргали. Ему сразу упала в сердце ее мягкая серьезность, естественность; по ней сразу заметно, что она

не считает жизнь смешливым приключением, но и не принимает ее за сущую кару. Она не была похожа на типичную львицу Союза Саймири (плотно сложенную, с широкой костью) или на несомненно симпатичную, но слишком лукавую, хитрую Луану (такая красота — коварна, знал аршах); в чем-то Аратта крайне отдаленно напомнила ему львицу-Саргали, только намного темнее. И ее взгляд: глаза отражают чуть больше света, чем видят, и это «чуть больше» играло некую фатальную, пленительную роль.

Аршах долго молчал, и все остальные — тоже.

— Аршах рад узнать тебя, Аратта-шамани.

Она чуть поклонилась:

— Мне тоже приятно.

Ар-Дарраз спешно изобразил равнодушие и деловитость. Конечно, от нее не утаились его интерес и мгновенная симпатия.

На том все формальности закончились, и теперь, следуя разрешению аршаха («Вы вольны идти куда хотите и делать что угодно, не причиняя вред»), Аратта, Тайназ, Хагал, Луана, Бастис и Саймири пошли, куда глаза глядят. Также их пообещали пригласить к трапезе.

Тревога ела шамани Велари. «Я ему понравилась...», — с опаской, а вовсе не с удовольствием подумала Аратта. Мало ли что может взбрести аршаху Талаллу на мысль... Кроме того, она явно чувствовала здесь враждебность: холод держал ее живот и лапы. Аратта чувствовала тревогу между львами и львицами Таллалу-Саргали. «Наверно, они всё еще втайне считают нас кровными врагами, но боятся пойти против воли старейшин и аршаха. Как-то так...», — раздумывала она, чувствуя ответственность за спокойствие и жизни своей группы.

Они с Тайназом уединились под каким-то деревом, прислонившись поближе друг ко другу от боязни чужой земли и чужих запахов.

Ей очень понравилось в Тайназе то, что он не следовал за нею след во след, не стал преследовать ее хвост, мешаясь повсюду своим суетливым присутствием. Но в то же время не делал вид, что ничего не было, ничего не произошло, мол: «А я и не знаю Аратту». А еще пришлось к сердцу, что в нем не было страха, робости или чрезмерной серьезности с нею. Да, Тайназ когда-то говорил, что ненавидит шамани, но Аратта знала: слова одно, а поступки — иное. И своими поступками он доказывал свое доброе расположение и нежность к ней.

Аратта привыкла к одиночеству среди многих, к обособленности, к самостоятельности. Сама, сама, сама. Сделать — так сама, думать — сама, мечтать — тоже сама. И так необычно стало, когда появился в ее жизни Тайназ. А всего прошло-то ничего! Не сезон, не десять дней, не три. Лишь день!

— Как думаешь, зачем Хайяна прокляла мою маму?

— Не знаю. Честно — не знаю. Тут должна быть веская причина. Наверное, месть какая-то. Но это очень глупый поступок с ее стороны.

Злорадный смех, значащий желание мести, вырвался у Тайназа.

— Как раз не глупый. И сделала дело, и лапы чисты.

— Глупый. Любая шамани, зашедшая в Юнити, выведет Хайяну на чистую воду.

— Шакал его знает. Наверное, есть среди вас такие, которым нравится... чувствовать себя сильнее. Портить всем жизнь.

— Нет. Нет. Смысл в такой жизни? В конце концов, каждая сильная шамани ищет свободу. Знаешь, она приходит к этому поиску вольно или невольно. Ее вряд ли будут интересовать чужие жизни...

— Как это не будут интересовать? Вы же лечите остальных!

— Это не более, чем часть нашего знания, причем не самая большая. Ты не думай, что для целительства нужна жалость. Как раз в нем требуется безжалостность.

— Так что, вы должны быть безжалостными?

— Да.

Он замолчал, обдумывая всё, что услышал. В нем жил большой скептик; Тайназу не хотелось поймать правду и истину, он расспрашивал и спорил лишь ради самого процесса, чтобы еще раз разбудить того самого большого скептика и убедиться, что тот таки прав.

— Тайназ, пойми: шамани обрастают возможностями и силами, они могут использовать эти силы, во вред или во благо себе и другим, но основа знания, главное — оно неизменно. Кто хорошо понимает это главное и умно использует возможности, тот и достигает... цели.

— Какой цели?

Аратта очень долго думала.

— Не знаешь, какой цели? — чуть смешливо спросил Тайназ.

— Знаю. Свободы. Только не воспринимай это слишком прямо. Пойми, тут один вопрос, — она сосредоточенно глядела на землю, перекладывая лапу с места на место с каждым словом, — тянет за собой десяток новых вопросов и десяток ответов.

Глянула на него, ища понимания.

— Я несколько раз слышал об этом от Сарринсаны. Но от чего вы свободны? Вы что, летать можете? — со смешком молвил он. — Кажется мне, у шамани даже больше обязательств, чем у всех остальных.

Приложив лапу к подбородку, она кивнула.

— Да, в чем-то ты прав.

— Но всё же. Если шамани ищут свободу, тогда почему ты предана прайду?

— Почему мы пришли к севернякам, несмотря на то, что я твердо говорила: ничего хорошего оно нам не принесет? — ответила она вопросом на вопрос.

— Как почему... Погоди. Ведь это разное. Мы должны идти; не пойдем — проявим трусость.

— Не разное это. Одно и то же. Зная, что делать это не стоит, мы всё же делаем это. Спросишь — почему? Да потому что такова наша природа. Зная, что не стоит идти к ним — идешь; зная, что остальные воруют у тебя время, всё равно ты с ними. Потому как поступив иначе, ты будешь чувствовать себя плохо. Знаешь, вот вроде бы для шамани нет ничего, кроме их намерения — она поступает лишь согласно своей воле; шамани — хозяйка своего намерения; в этом и весь смысл нашего знания. Но, как видишь, всё не так просто. И ничто нам не чуждо: ни любовь, ни ненависть; наоборот — наставницы учат своих учениц жить чувством, тогда намерение будет сильнее, живее и ярче. По крайней мере, Амаринэ так меня учила. Веру должна убить уверенность, а сдержанность должна погибнуть от экстаза. Ведь от эмоций не убежишь.

Тайназа очень удивляла эта способность Аратты говорить много, сложно и всё сразу; он привык, что львицы, в целом, если не глупы, то весьма ограниченны в

круге своих разговоров и интересов. Получается, что говорить с ними можно хоть день напролет, но как бы ни о чем. А любой разговор с Араттой не проходил в состоянии отвлеченных раздумий, мол, поговори себе, а наоборот — вызывал живой интерес, удивление, желание поспорить.

— Эх, как у вас всё сложно. Знаешь, Аратта, поверь, я вовсе не хочу тебя обидеть. Ты нравишься мне, очень-очень...

Аратта мурлыкнула в ответ.

— ...просто я по натуре не люблю верить во всякое... такое... не люблю чушь... когда много слов... и когда очень сложно. Я люблю простые вещи: это — так, это — саяк, это делается таким образом, а это — другим, и конец.

— Ну если наше знание чушь, тогда почему я могу вот так?

— Как? — спросил Тайназ и тут же понял, «как». В горле появилось ощущение давления, неудобства. Такое часто бывает, если сильно волнуешься. Это она, это всё ее пристальный взгляд.

— Я не говорил, что чушь. Честное слово, мне ты нравишься не из-за этого. Точнее, то, что ты шамани, придает тебе такое... что-то... интересное. Мне нравится твоя тайна. Я уверен, — Тайназ вдруг обнял ее и лизнул в щеку, — что ты хорошая шамани и прекрасная львица, а остальное для меня неважно.

Несмотря на практичность ума и скептицизм, он не был чужим в ее внутреннем мире; сразу чувствовалось, что Тайназ оставляет некое пространство в ее душе нетронутым, вольно или невольно понимая, насколько важна для шамани эта свобода. Он не интересовался ее знанием, не расспрашивал и не касался тайны. Не задавал дурацких вопросов, а просто принимал ее всю без остатка, как есть.

— Идем, погуляем! Хорошая погода, незнакомая земля. Идем!

Аратта прислонилась к стволу дерева. «Какое оно тоненькое», — невольно подумала она, сама не зная, чего хочет и как ей поступить. Она смотрела на него и боялась. Аратта хорошо понимала, чего боится, но признаться, даже себе — не осмеливалась, не смела. «А еще неустрашимая. Аратта неустрашимая...», — с оттенком грусти улыбнулась шамани, мельком думая о значении собственного имени. Не заметив, как обошла вокруг деревца, молвила она для него изменившимся, тихим голосом:

— Да ладно тебе... Мелькнет несколько дней, и ты пойдешь в Хартланд. Я пойду к веларийцам. Я — шамани Велари. Ты — лев Хартланда. Я всё понимаю и поверь — не злюсь на тебя, а напротив... Ты хороший лев, Тайназ. Когда будешь в моем прайде, то обязательно повидай меня — буду рада.

Он встал и подошел к ней; она отстранилась, но несильно.

— Говоришь, как будто мы прощаемся. Но я намеревался с тобой погулять. Прощаться не хочу.

— Так будет, — тихо сказала Аратта.

— Ты можешь видеть, что будет?

— Иногда могу, — еще тише ответила она.

— И сейчас видишь?

Она тихонько, молча покачала головой. Нет. Не видит сейчас шамани.

— Зачем я тебе... — она снова обошла дерево. — Зачем тебе шамани? Они и так тебе причинили много зла. Со мною сложно, непривычно. Зачем тебе такая? А когда ты меня бросишь — знаешь ли, что станет со мною? Меня бросали. Это так плохо, мой Тайназ.

По всему видно — Тайназ не ожидал таких слов от Аратты. Это был очень искренний монолог, и Аратта взгрустнула, сказав всё это: искренность часто играет злую шутку и оборачивается разочарованием, печалью для того, кто на нее решился. Как выяснилось, ничто, что близко молодой львице, не чуждо Аратте — ни страхи, ни чувства, ни... всё остальное.

— Я даже не думал, что ты настолько любишь одиночество, — сделал он вывод, больно царапнувший ей душу.

Вдруг спросила она, очень серьезная, прислонившись щекой к дереву и обвив себя хвостом:

— Тайназ, ты не бросишь меня? Не бросишь меня одну на этих чужих землях?

— Я не могу ничего обещать, — Тайназ решил быть честным. — Но видит честь — не хочу этого.

Шамани царапнула когтем гладкую кору, оставив четыре неглубоких, стремительных следа.

— Тебе, как и всякой львице, нужны обещания. Но право, мне никто не задавал этот вопрос так рано. Я знаю тебя всего день.

— Три, Тайназ. А если считать встречу в Хартланде, то четыре. Или ты считаешь лишь время после... после... сам знаешь чего?

Он не нашелся, что сказать. Разговор клонился куда-то не туда, Аратта намекала на нечто странное и малопонятное для него; Тайназ не мог ухватить, чего от него хотят.

— Я такая же, как все, — сказала она, желая на самом деле сказать лишь три слова: «Тайназ, похить меня!».

— А я думаю, что как раз наоборот. Ты уж точно не как все, — Тайназ желал поскорее уйти от темной темы и забрать ее на прогулку. Самому бродить скучновато, а глянуть на земли Таллалу и их обитателей весьма охота. — Послушай, не расстраивайся. Я сказал правду — я не могу ничего обещать. Разве ты веришь обещаниям? Я знаю, ты умеешь чутя ложь. Так разве веришь?

— Иногда верю, иногда — нет.

— Вот видишь. Я не хочу, чтобы ты приняла мое незнание будущего за ложь.

— Иногда хочется лжи... Приятной лжи, — мельком бросила Аратта взгляд, и Тайназу показалось, что она сейчас заплачет — настолько влажным был блеск ее глаз. — Есть в жизни одна вещь, которая может убить мне душу: когда меня бросают.

— Кому понравится, когда его бросают, — заметил он. Так, чтоб не молчать.

— Нет, Тайназ, не понимаешь ты. Тут другое. Сказать «не понравится» — значит... Тайназ, это убьет меня заживо, меня, Аратту-шамани, о которой все думают, что она — сильна, а потому снесет и предвидит любую тяжесть и подлость судьбы...

Тайназ долго смотрел на нее, оглядывал от когтей до кончиков ушей.

— Ты не в лучшем настроении.

Колючая волна с правой стороны. Аратта невольно глянула туда. К ним, по широкой тропке, среди легкого, еще только рождающегося заката, идет некая львица-Саргали. «Вот и здешняя шамани», — подумала Аратта.

— Отдаю почтение, союзный лев и шамани Союза. Охотного вам дня, — сделала она быстрый, чисто формальный кивок.

— Тебе того же, — нашелся Тайназ, хоть и чуть растерялся: он не знал, как правильно ответить на приветствие «Охотного дня!».

— Спасибо, — молвила Аратта, тоже не зная, как верно ответить.

— Некогда предки наши вонзали клыки друг в друга. Но отряхнем эту пыль с наших лап. Как ты зовешься? — обратилась львица к шамани Велари.

— Аратта. А ты?

Львица как-то устало ответила:

— Линэ зовусь я. Ступай в мой след. Аршах надеется на разговор с тобой.

— Его надежды вполне реальны, — затейливо ответила Аратта.

— Тогда поспешим, а то у Линэ-шамани еще много дел.

Тайназ, имеющий свойство непосредственно и сразу входить со всеми в контакт, спросил ее:

— Линэ, прошу тебя, скажи: почему шамани верны прайду, если ищут свободу?

Линэ незамедлительно ответила, словно лишь каждый день жила с мыслью о том, как правильно и точно ответить Тайназу:

— Ару-линая. Это живет в сердце каждой шамани. Аратта-шамани, Линэ-шамани, любая шамани идет на помощь и дарит преданность от свободной воли, которой нету у всех вас, — Линэ обвела лапой мир вокруг, подразумевая всех остальных. — Знаем мы, что мир — сон, и на самом деле имеет значение только борьба за свою силу; но Линэ всё равно всегда верна, потому что это — моя *ару-линая*, что значит: добровольная жертва. Это знак большинства шамани, именно поэтому мы лечим вас. Ару-линая — лишь свободное намерение, от которого я дарю прайду клятву, что буду ему верна. Кто не хочет такого делать, то просто идет. И тот, и другой путь не имеет упрека. Но нужно выбрать. Я выбрала остаться. Почти все выбирают остаться.

— Шамани Таллалу приносят прайду клятву? — наострила уши Аратта.

— Все шамани, что родились дочерьми гор, делают так. На, — Линэ поманила за собой Аратту.

— А что такое «кхала»? Мне говорили, ты сможешь объяснить, — успел вопросить вдогонку любопытный Тайназ.

Не оборачиваясь, Линэ быстро сказала:

— Это — душа, что одна на всех нас.

«Тоже мне, объяснила», — с обидой подумал лев и прилег, наблюдая за тем, как растворяются их силуэты в траве и игре сумерек.

Только чуть отошли, Линэ спросила:

— Почему ты грустна?

— Моя наставница называла это болезнью тех, кто начинает знать.

— А да, да. Мне амарах тоже о ней говорила. И у меня она бывает — я молодая. И знаешь, когда мне плохо, я просто прихожу к Нислану-намаи.

— А кто такой Нислан... намаи?

Линэ истинно возмутилась:

— Цанна, он не твой намаи! Тебе не стоит так говорить! Он мой. Значит это, что он мой лев, — с чувством некоего превосходства молвила Линэ, улыбнувшись. — Это мой лев.

«Очень вспыльчивые, но отходят еще быстрее...», — Аратта сделала первый уверенный вывод о северняках.

— Прости...

— Моя душа — его душа. Я — с ним. У нас двое детей.

— Это очень хорошо. Рада за тебя. Ты с такой... гордостью о них говоришь. Как тебе оно так удалось?

— Что удалось, Аратта?

Прошло добрых десятка шагов, прежде чем молодая шамани Велари решила молвить:

— Ладно, неважно. И большие у тебя дети?

— Нэй, нэй. Еще совсем малы. Их еще не приняла кхала Саргали, но скоро примет. Их *вирд* будет связан с Таллалу.

— Это как?

— Видишь: у нас всех есть знак на левом глазу.

— Да, я это раньше заметила.

— Это лучшая охотница Таллалу оставляет этот знак. Некогда, давным-давно, его ставили сразу, как только ты приходила во свет. Но однажды моя амарах Асгарда, еще много сезонов до нас с тобою, решила, что сломает давнюю традицию. Теперь льятам должно исполниться шесть лун, прежде чем их примет кхала прайда. Асгарда оказалась мудра. Новорожденные слишком малы для этого.

— Согласна.

— И осознанней, и страха больше. Так оно лучше.

— Но ведь так можно расцарапать глаз, — глянула Аратта на Линэ. Ее этот жестокий обычай весьма удивил. Та очень просто ответила:

— Можно. Так и бывает.

— И ты таких лечишь?

— У меня еще ни разу не было, лишь уши слышали.

— Линэ, а что такое «вирд»?

— Не знаешь?

Аратта покачала головой. Нет, не знает.

— Странно... Можно сказать, что судьба; просто судьба — очень общее, а вирд — личное. Судьба может быть для всех, а вирд — лишь твой, только тебя ведет он, никого больше. Вирд есть у всех нас. Это главный вызов жизни, что есть у каждого.

— Аааа... Линэ, а что такое «кхала»? Как это — одна душа на всех нас?

Линэ посмотрела на Аратту, словно та проявила слабоумие и глупость.

— В Союзе нет такого слова? У вас нету кхалы?

Аратта должна была признаться, что нет, что вызвало реку веселья у шамани Таллалу-Саргали.

— Нэй... Ай, смех получила. Так слушай. Кхала — это общая душа для каждого и каждой Саргали. Это то, что общее для всех нас, наш знак, наша особенность. Поймала ли ты, Аратта? — и шамани Велари не успела ответить, как услышала: — Кхала — это честь, смелость, уверенность, преданность прайду и роду. Ун-кхала — всё остальное.

Аратта абсолютно и полностью поняла, что хотела сказать Линэ.

— Мне говорили, что тебя не видели в Иллари. Ты не из Иллари. Откуда ты? — пригляделась к ней Линэ.

— Прайд Велари. Я одна там.

— Ве-ла-ри... — отчего-то по слогам произнесла Линэ. — А где твоя амарах? Что с нею?

— Нету в живых.

— Ай, ай, — после этих восклицаний Линэ весьма долго молчала — видимо, здесь так принято после упоминания павших или умерших. — Моей тоже нету. Она в Ордосс-Саргали.

— Так ты не здешняя? — решила догадаться Аратта, но неудачно.

— Нэй, Аратта, во мне кровь Таллалу. Конечно, здешняя. Просто амарах туда ушла.

— Зачем?

— Стала видящей. Вот и бродит по горам, живет, где хочет. Сегодня в Ордосс, завтра в Ниснару, а послезавтра идет в снегах на вершине, наговаривая: «Снег украл мой теплый след, снег украл мой теплый след...», — показала Линэ, как идут в снегу, высоко поднимая лапы. — Так каждый шаг легче, если наговаривать.

Но легче для понимания это не стало. Аратта с недоумением и осторожностью спросила:

— Снехи? Снег? Что это?

И Линэ пришлось долго объяснять, что это вода, но лишь холодная и твердая, что именно снег придает вершинам высоких гор белый цвет, и Аратта долго не могла поверить в такое. Это насмешило Линэ.

— Вот наш путь и кончился. В добрую ночь.

— В добрую ночь, — эхом ответила Аратта.

Линэ оставила ее. Оглянувшись вокруг, Аратта никого не заметила. Принюхалась... Где этот аршах?

— Еще раз красивого тебе дня, Аратта, — неожиданно вышел тот из пещеры, которую Аратта вообще не заметила.

— Спасибо. Льву тоже.

— Нэй, льву можно пожелать сильного дня. Красивый день — он для львиц. Молодых львиц.

— Пусть лев простит мое незнание, — шамани чувствовала себя неловко, не зная здешних обычаев и правил.

— Ничего. Это не страшно. Что ж, Аратта... Что значит твое имя? Если хочешь узнать львицу, стоит понять ее имя, — прилег он и пригласил ее сделать то же самое.

Это очень понравилось Аратте. Вопрос был необычным, сам подход — нетривиален.

— Мне впервые в жизни задают такой вопрос, — честно призналась она.

— Ты этого не знаешь? Или смысла в имени твоём нет?

— Знаю. Мне наставница говорила: оно значит «неустрашимая».

— Мне нравится, когда имя имеет смысл. Когда-то все мы говорили на одном языке. И львы Союза, и Саргали, и львы Одан-Мая...

— Одан-Май? Я впервые слышу.

— Это за горами, на восток. Нужно пройти через наши земли, потом земли Менаи, потом Ордосс — и выйдешь в Одан-Май. Такие же огромные земли, как Морлай. Тебе нравится у нас?

Аратта уклончиво ответила, скромно подобрав хвост, глядя вниз, в сторонку, и чуть прижав уши:

— Я еще не успела, если можно так сказать, поймать свое мнение.

— Это честный ответ. Мне по душе честные ответы.

— Не говори всей правды, но говори только правду, — быстро и тихо молвила Аратта. — Честно говоря, не знаю, нравится или нет. Скорее, да. У вас прекрас-

ные земли, они радуют глаз, красивые горы, красивые склоны, и даже этот закат, что сейчас дает силу сумеркам... — глаза шамани на мгновение блеснули отраженными лучами солнца.

— Ты красиво говоришь. Львица отличной крови, к тому же шамани. Айна! — выразил свое одобрение Ар-Дарраз.

— Спасибо на добром слове. Аршах тоже очень... — Аратта неприлично долго подбирала слово. — ...вежлив. Шамани приходится много говорить. Но это, скажу я аршаху: красиво говорить — не значит от души.

— Сейчас твои слова не из души?

— Нет-нет, нет, не то я желала сказать. Хотела сказать, что иногда мне...

Аратта-шамани посмотрела Ар-Дарразу в глаза; он ответил взглядом. Он заметил маленькое темное пятнышко на ее левом плече. «Знак от рождения» — сразу понял он. Его пленило вот это ее свойство долго и пристально глядеть в глаза, безо всякой робости, страха или напряжения, загнанности; после этого взгляда не покидало чувство некоей ирреальности окружающего и собственной жизни, словно он напоминал о чем-то другом, но о чем — сказать словом невозможно; оттого сразу приливалась легкая меланхолия. Этой непонятной грустью сразу хотелось с кем-то поделиться, и ведь рядом она же, Аратта, потому получалось: ее глаза всегда вызывали на откровенный, необычный разговор. Шамани его прайда Линэ не такова, она всегда глядит быстро, торопливо, а если случалось не вовремя встретиться с нею взглядом, то он оказывался остр, чуть яростен, словно она желала побыстрее подавить, заставить замолчать или насильно приспать. «Разные они бывают...», — подумал Ар-Дарраз, которого отец научил самым внимательным образом обращаться с верными помощниками каждого аршаха Саргали — шамани, что принесли клятву верности прайду. — «Вот в чем интерес: все шамани Союза таковы или это только она, эта красивая Аратта, неустрашимая Аратта?».

Он не терпел мешканья, неуверенности, мигающих глаз лжи, не терпел ничего приторного и притворного. И ничего этого в Аратте он не видел, ни на каплю.

— Мой глаз не видал ранее шамани Союза.

Она чуть сжалась, пригнувшись к земле. Можно было бы воспринять это как знак робости, боязливой скромности, но этот взгляд всё менял.

— Я первая. Буду первой.

— Тебя привела Линэ ко мне?

— Да.

— Это моя шамани. Прости ее торопливый, грубый уход от тебя. У нее всегда много дел, тороплива она — у нее лев, дети. Она очень предана прайду, — поспешил оправдать ее Ар-Дарраз.

— Я знаю, она говорила.

— Хочу тебя спросить. С каким намерением вы пришли? Что вам говорили, прежде чем вы отправились в путь?

— Мы пришли с миром, это ясно. Но в целом, это не ко мне. Я случайная львица в этой группе. Но как только я вышла из своего прайда, то поняла, что путь будет длинным.

— А как?

— Предсказала на костях. Так оно и случилось.

— А что еще ты предсказала о пути? — зашевелился и наострил уши Ар-Дарраз, но тут же внешне успокоился, чтоб не выдать любопытства.

— Что путь будет трудным. А здесь меня ест беспокойство.

— Беспокойство? Отчего? — заботливо приблизился он, наострил уши.

— Не знаю. Тревожно мне у вас.

Аратта сама не могла понять, зачем раскрыла истинные чувства и мысли тому, кто, по идее, должен знать о них в последнюю очередь. Ее действительно здесь что-то беспокоило: шамани чуяла, как вокруг них шестерых плетутся некий мрак и тени.

— Я была против этого похода, — очень честно молвила Аратта. «Что я говорю? Что за глупости делаю? Зачем раскрываюсь? Что со мной?..».

— Убей свое беспокойство. В нем нету смысла.

После этих слов аршаха Аратта поняла, что смысла в ее беспокойстве очень-очень много; аршах почему-то думал, что спокойным тоном сможет легко солгать и обмануть силы шамани.

— Хорошо, — тут же Аратта мастерски притворилась повеселевшей и обмякшей. — Я, наверно, слишком много раздумываю. Просто привыкла заботиться о своих; такова привычка — все должны быть в целостности и сохранности. Вот это — моя забота. Смею сказать аршаху, что лучше обо всем этом поговорить с Хагалом. Он главный. Это не забота львицы — отвечать на такие вопросы. Разве не так?

— Совершенно так. Ты послушна и умна. Побольше б таких.

— Спасибо.

Помолчали.

— Аратта-шамани, может ты увидишь тревогу и беспокойство среди моих львов и львиц. Возможно, она тебя хочет сбить с тропы. Но будь уверена: это просто из старого зла, что было между Союзом и Саргали. Нам давно уже пора выйти из этой воды.

— Согласна.

— Ничего худого у нас... — аршах зевнул. — ...в душе нет.

Она кивнула.

— И... — Ар-Дарраз наверняка желал добавить еще что-то успокаивающее, но вдруг заметил нечто позади Аратты. Там быстрой трусцой куда-то спешила шамани Таллалу.

— О, Линэ, ступай ко мне!

Линэ мигом была здесь и поклонилась:

— Уши слушают, мой аршах.

— Бери Аратту и покажи ей земли Таллалу.

— Линэ поняла, мой аршах.

Аратта из этого разговора поняла две вещи. Первое: она очень нравится Ар-Дарразу и он хочет обладать ею. Второе: здесь начинают душить плохие предчувствия. И из первого, и из второго следовало, что лучшим их поступком будет быстро и незаметно уйти отсюда сегодня ночью. Шамани уверилась в этом решении твердо и хорошо. «Нельзя играть со знаками и судьбой. Так будет лучше. Скажу Хагалу».

Линэ показывала и рассказывала ей многое, скорее не от собственного желания, а лишь потому, что так сказал аршах. Здесь, в Таллалу-Саргали, существует беспрекословное и строгое послушание всякому слову правителя. Аратта не видела такого в Союзе — там вполне в порядке вещей спорить с дренгиром, обсуждать его распоряжения, не соглашаться с ними. А тут: аршах сказал познакомить Аратту с землями — значит, так и надо делать, и всё.

Аратту прежде всего, удивила непосредственность и прямота суждений местных львов и львиц. В большинстве, это ей нравилось, хотя и не всегда. Но, в целом, это привлекало — никто ничего не прятал под лапами, как говорилось в Союзе. Если друг — так друг; если враг — значит, враг. Кроме того, здесь в характере львят, видимо, поощрялись разнузданность и всякое отсутствие дисциплины: ее несколько раз дернули за хвост, чисто от хулиганства и любопытства. Шамани Велари решила использовать взгляд, который у нее вполне может быть пугающим и неприятным. Ощувив его, львята сразу отстали — им стало не по себе.

— Чего они так себя вредно ведут?

— Как? — очень удивилась Линэ, и Аратта поняла, что эту пропасть ни ей, ни Линэ не перепрыгнуть. — Дети ведь. Как хочется, так и играют.

Они присоединились к молодым матерям. Они только пришли с охоты и устало разлеглись на камнях, греясь на них. Линэ говорила о каких-то непонятных для уха Аратты внутренних делах: кто, как и что делал в этот день. Обычная беседа львиц после трудного дня. Шамани Велари молчала, изумляясь, как, болтая с подружками, лежала одна юная львица — просто свесив хвост вниз, по гладкой стенке камня, совсем близко к вертикальному обрыву. Всё бы ничего, но сам этот камень-скала высотой в добрых десять прыжков, а внизу отнюдь не трава, а такие же беспорядочно раскиданные острые камни. Стоит ей сделать неверное движение, уснуть, оступиться — и вполне можно упасть и погибнуть. Никто ее не упрекнул, никто не отвалил от опасности. Бесстрашие здесь в почете, напрасное и нужное — любое.

В беседе у них проскочила новость, которую Аратта не могла не уловить. Суть ее заключалась в том, что во прайде Менаи-Саргали поймали какую-то львицу из Регноран и насильно держат, прокусив лапы, чтоб дожидаться, когда за ней придут регноранцы. Аратта не слышала от львиц Таллалу одобрения поступка этих Менаи, но и яркого осуждения — тоже. Не зная, где этот прайд Менаи-Саргали, Аратта решила выяснить это, но попозже. Видимо, львицы Таллалу сболтнули это при ней по неосторожности либо просто не думали, что для львицы Союза это может нести какой-то смысл. Аратта решила молча и будто равнодушно среагировать на услышанное, чтоб не рассыпать недоверие и тревогу.

Но на самом деле это еще больше укрепило ее в плохом мнении обо всей этой затее с походом. Как известно, когда Таллалу-Саргали пришли в прайд Иллари, то твердили, что мира ищут все Саргали, все северняки. Это Аратта помнила хорошо. А тут получалось, что это не совсем так и, по крайней мере, между Менаи и Регноран (а значит, и всем Союзом) есть вражда. Она не знала, что происходило в Регноран и зачем их львица отправилась к Менаи, но «наильно держат» и «прокусили лапы» никак не связывалось с поиском дружбы.

Потом Линэ познакомила ее возле местного водопоя (небольшой, но очень быстрой речушки) со старым львом по имени Арзрум. Выяснилось, что он в молодости ушел путешествовать в Большой мир, но не просто так, а с целью вернуться и рассказать о своих странствиях, чтобы все знали, что есть и чего нету в этом мире. Вернулся он через целых невероятных восемь лет и ему действительно было что поведать: он видел огромное озеро, которому нету ни конца ни края, а вода в нем соленая и пить ее невозможно, и местные львы очень смеялись, когда он всё же пытался ее пить; исходил весь Морлай и Одан-Май, был на землях Союза, но очень скрытничал на них — шерсть его светлая и длинная, сразу признают северняка; он рассказывал о бесчисленных ситуациях, в которых мог погибнуть; он побывал на землях южнее Союза. Аратта знала, что там очень бедные земли, веларийцы так их

и называли — Пустые. Веларийцы там иногда тоже путешествовали, но этот старый лев рассказал, что если идти, идти на юг и не сворачивать, то попадешь в жуткое место — вокруг один песок, камни, сухая земля, сухие колючки и ничего более. Это Аратта несколько раз слышала от старых львиц своего прайда, но считала это скорее преувеличенной выдумкой. Как так — вокруг один песок? Ан нет. Есть такое. Арзрум рассказывал, что в Одан-Мае видел много прайдов, и многие из них говорили на древнем языке, а некоторые, что далеко-далеко на север — так вообще на неизвестных языках. Аратту очень обрадовала та новость, что и там Арзрум встречал множество шамани, и какая-то из них, речи которой он не понимал, а она — его, излечила от весьма тяжелой и странной болезни. Он уже думал, что умрет и всему конец: идти стало крайне тяжело, одолевала слабость, и видел он уже плохо. Она яростно взялась его лечить и таки вылечила, хотя все говорили, и Арзруму было ясно, хоть он и не понимал слов, — с ним всё кончено. Но шамани его выходила. А потом у нее родились от него дети.

— Лев там надолго оставался? — спросила Аратта и чуть прижала уши от осуждающего взгляда Линэ: перебивать Арзрума очень неприлично.

Но тот с удовольствием принял вопрос:

— Нэй, моя маасси, лишь на несколько дней. А чего спрашиваешь?

— Так откуда лев знает, что оставил той шамани детей?

— Она потом пришла ко мне в сон. Я ее понял: она благодарила за те четверо детей, что я ей дал. Я это понял, проснувшись, — словно говоря о самой очевидной вещи на свете, ответил лев. — Я знаю, что она никак не могла заиметь детей. Но Арзрум оказался на редкость способным, — хрипло засмеялся он. — Звали ее Ниа-рама́э.

Видимо, за всю жизнь его расспрашивали бесчисленное множество раз о приключениях, потому он рассказывал четко, быстро, вовсе не сбиваясь, с чуть скупающим видом.

— А как зовутся шамани в других землях?

Он удивился необычному вопросу и глянул на Аратту, хотя, рассказывая, имел обычай смотреть куда-то вдаль: так ему легче вспоминалось прошлое.

— Чуть по-разному: шаманая, шаманэ, шамана...

— Но слово «шамани» понимают все?

— Да, именно. Понимают все. Оно какое-то очень общее, как ни странно. Его понимают даже гунналы, у которых шамани нету — они их ненавидят. Они вообще всё чуждое им ненавидят. Знают только своего... как его... Мара.

— Я слышала о Маре. Это какой-то их верховный лев, что давно умер, а они еще его почитают, — Аратта вспомнила рассказы львицы Менаи из своего прайда. Чуть взгрустнула: она очень любила Менаю, та в свое время почти заменяла ей мать, пока рядом не было Амаринэ...

— Маасси, это чуть не так. Он не умер, он и не может умереть, он просто там, на небе, и оттуда всё видит. Он всемогущ и создал весь мир. Если ему поклоняться, то тебе будет хорошо; если нет — плохо. Правда, я просил мне показать его, так еле унес лапы — чуть не убили. Гунналы, они вообще странные.

— Непонятно как-то.

— Эти гунналы больны, тут нечего понимать, — первый раз за весь диалог с Арзрумом отозвалась Линэ.

— Еще они почитают всяких бывших правителей. Самое интересное, что среди них есть львица. Но она, правда, не была правителем. Нэй-нэй, это уж слишком даже для них — львица-правитель, ха-ха.

— Что ж это, львицу нельзя почитать? — вспыхнула Линэ в шутку.

— Ой, Линэ, не рычи на Арзрума. Звалась та львица В́ирис, и почитается потому, что была лучшей их всех служителей Мара, живших на свете. Я видел, как славят эту Вирис. Кланяются закату и бормочут: «Охано, Вирис, охано...». И так пока не стошнит. Я ни разу не смог высидеть до конца.

— А что такое «охано»?

— Нечто вроде «слава, почет тебе!»...

Пока беседовали с Арзрумом, то совсем стемнело. Он извинился и сказал, что хочет спать. Аратте с Линэ пришлось идти дальше.

Встретили местную достопримечательность — льва Сичена: изящного, очень худого, с реденькой, но длинной гривой. Линэ молвила о нем:

— Ах Сичен, да что Сичен! Цанна! Знать не знаю, как он еще живет и даже ходит! Сколько раз прокалывал лапы, выдирал когти и сломал однажды кость! Устала его лечить. Ума нет, ничего нет!

Но тут же попросила его продемонстрировать Аратте свои умения. Что тот с удовольствием и сделал — ему лишь зрителей подавай. В темноте звездной, горной ночи это выглядело чарующе и пугающе. Смысла нет говорить о том, с какой ловкостью и легкостью Сичен карабкался по любым, даже самым крутым скалам и камням. Это было ерундой. Он для Аратты спрыгнул с того самого огромного камня-скалы, где она видела львицу, свесившую хвост. И ничего ему не было!

Линэ говорила, что таким образом он может прыгать в воду, вообще куда и на что угодно. Аратта в шутку спросила, не спрыгивал ли он с того огромного утеса, где живет аршах, и Линэ серьезно ответила, что пока не пробовал, но когда-то точно попробует.

— Но Линэ, там сто прыжков, это невозможно!

— Невозможно? «Невозможно» — слово слабых, Аратта...

**

Ар-Дарраз постукивал когтями по земле.

Их четверо и они укрылись за большим остроконечным камнем возле главного места прайда — большого утеса. Заходить сюда всякому без разрешения аршаха строго воспрещалось. Они — это: аршах, один из старейшин прайда, мать аршаха и молодой брат Нислана.

— Всё готово. Уснут они скоро, тогда можно лишать жизни, — первым начал брат Нислана.

Ар-Дарраз продолжал постукивать когтями.

— Нужно было Линэ принять в наши намерения. Она дала бы им чего для сна...

— Нет, — быстро оборвал предложение аршах. — Уже говорил я: не пойдет она на это. У нее слабая суть.

— Когда наши были в Иллари, то говорили, что там лишь одна старая шамани, а ее ученица еще очень мала. Нэй, откуда тогда эта? — задумчиво спросил старейшина.

— Уши слышали, что она из прайда Велари, не Иллари, — ответил брат Нислана.

— Она нам это... ничего не испортит?

— Пока не попортила.

— Что ж, я начинаю. Пойду собирать на... — начал было идти старейшина, но далеко не ушел.

— Стоять тебе. Завтра. Это произойдет завтра, — внезапно сказал аршах.

— Почему? — изумились все.

Мать Ар-Дарраза нахмурилась:

— Отчего, сын мой? Зачем ждать? Менаи и Ниснару ждут этого, мы так ждали этого.

— В эту ночь ничего не будет. Мое слово аршаха. Они еще слишком осторожны. Но если поспят эту ночь тихо и в покое, то утратят бязнь.

Аргументы выглядели весьма блекло и слабенько. Потому никто не принял их всерьез. Все ждали более основательных объяснений.

— Нислан глядит за ними? — после долгого молчания спросил аршах.

— Да, — ответил его брат.

— Хорошо. Расходитесь. Приходите на рассвете.

Решение оказалось неожиданным и непонятным. Но все знали, что молодой гений интриг и хитрости Ар-Дарраз знает, что делает.

Разошлись все, но мать осталась. Она недовольно глядела на сына.

— Зачем такое решение? — требовательно спросила Имэлда.

— Сначала я думал одно, но всё изменилось. Нужно сделать чуть по-другому.

— Я не могу поймать.

Ар-Дарраз царапнул когтями холодный камень, сосредоточенно глядя в одну точку.

— Мне нужна эта Аратта.

— Нэй, фу, что за Аратта? — с презрением молвила мама.

— Ай, моя мать, Аратта. Шамани, что с ними пришла... — аршах встал и начал прохаживаться по кругу, как обычно делал во время напряженных раздумий. — Отпускать ее нельзя мне, а тем более — убивать. Я даже не уверен, удастся ли нам это, пока она с ними — в ее обычае осторожность и ум. Я хочу заполучить ее для нас... для себя.

— Она не Саргали, сын мой.

— В ней больше кхалы, чем в десяти львицах Таллалу, вместе взятых! — яростно возразил он, обнажив клыки. — Взять ее к себе означает получить вернейшего помощника, сильную шамани и красивую львицу! Линэ никуда не годится рядом с ней!

Имэлда испугалась таких эмоций.

— Тише, тише... Чужие уши да услышат.

— Я вижу в ней... — Ар-Дарраз остановился. — Я вижу в ней силу! И самое главное, сила эта никуда не тратится, а покоится в ней. Мать моя, я сразу понял, что они вовсе не ценят ее. В Союзе живут сплошь дураки и тщетные души. Как она затерялась среди них — не уловлю. Каждой шамани, как и каждой львице, нужно направление, покровительство, авторитет, за которым она будет идти до конца... Сила, что будет направлять ее силу, а иначе она не будет ничего делать и станет умирать с тоски. Это именно о ней. Аратта чувствует себя оторванной от них, от-

дельной. Ей не хватает единства с другими. Погляди, она без слов пошла на встречу со мной. Да если она хотя б чуть больше чувствовала связь со своими, то никогда бы не согласилась пойти в одиночку!

— Чего ты решил, что она именно такая? Может, всё это лишь выдумки твои?

— Это очевидно. С первого взгляда. Это редкая шамани. Я уверен, что это — мой вирд, такое нельзя упускать.

— Но как собрался ты взять ее к нам? С чего ты вздумал, что она вдруг станет шамани Таллалу? И как будет с Линэ? Грызет меня сомнение, что такое невозможно. Ты возомнил слишком много, — поучительно молвила опытная мама, взмахнув хвостом.

— Нет ничего невозможного... Я еще не придумал. Потому и думаю. Потому и отложил всё на завтра, — раздраженно молвил Ар-Дарраз.

— Ты хочешь сделать ее своей львицей? Тебе мало твоих двух?

Тот смолчал.

— Как знаешь. Ты — аршах.

**

Nightwish (Century Child) — Ocean Soul

— Хагал, мы должны уйти отсюда, не оглядываясь.

— Почему?

Казалось, он совсем не удивлен предложению Аратты. Взглянув туда, где спали Саймири, Луана и Бастис, он спросил еще раз:

— Почему?

— Здесь что-то нечистое, среди этих Таллалу. Хагал, так будет лучше.

Шамани говорила ему чуть ли не в ухо — настолько близко она была — будто желала, чтобы он не думал, чтобы не его ум воспринимал сказанное, а нечто более глубокое, действенное.

Хагал беспомощно прижал уши:

— Аратта, я бы рад, но вряд ли возможно. Мы не можем вот так уйти, посреди ночи.

— Если ты меня не слушаешь, тогда зачем я тебе нужна? Зачем буду нужна, когда станешь дренгиром? — толкнула Аратта сына дренгира, желая быть услышанной.

— Ты не понимаешь... Вернемся мы в Союз, а что дальше? Как объясним свой поступок?

— Скажешь, что я предчувствовала плохое.

— Нас засмеют. Луана будет смеяться с меня, — кивнул он на Луану, что притворялась спящей.

— Не будет, — махнула на нее лапой Аратта.

Луана это запомнила, этот жест. Она, мастерица притворства, лишь чуть-чуть подняла ухо, но этого оказалось вполне достаточно для понимания их разговора.

— Будет. И дренгиром я стать не смогу оттого, что проявил трусость и сбежал от северняков во время переговоров... Да каких переговоров? Визита дружбы! Я не смогу ничего путного сказать, кроме невнятного мычания про предчувствия.

— А ты не издавай невнятные мычания, а говори, как лев.

— Но если твои предчувствия окажутся тщетными? А дружба будет сорвана! Аратта, мы ведь не пришли играть, мы ведь пришли представлять весь Союз. Не осознаешь?

— Осознаю. Но ваши жизни мне дороже.

— А себя, свою жизнь в расчет ты не берешь? — зачем-то съязвил Хагал.

Аратта перевела дух.

— Беру.

— Какие предчувствия? Конкретно, — топал он лапой по земле, желая, чтоб ему четко показали первое, второе, третье. — Что должно случиться, где, когда и как? Что мне сказать конунгу в Союзе, что я скажу Этиайнену?

У нее родилось понимание, что Хагал весьма ограниченный и, по сути, глуповато-упрямый лев; она раньше всё же как-то верила в его способности, но весьма жестоко ошиблась.

— Не знаю. Так невозможно сказать.

— Так брось кости или еще чего там сделай, — властно махнул он лапой, не слишком удачно копируя жест отца.

Аратта прижала уши.

— Ты отторгаешь меня, Хагал. Зачем наступать себе на хвост?

— Ты — не мой хвост.

Потом, поняв, что зашел весьма далеко, понуро сказал:

— Если ты думаешь, что мне здесь страшно охота пребывать, то заблуждаешься... Но раз уж пришли, то должны идти до конца. Вот, кроме того, погляди. За нами даже никто не следит. Мы проверяли уже с Бастисом.

Это было правдой. За ними действительно никто не следил. Более того, все знали строгий указ аршаха не беспокоить союзных. Задумка была простой и хорошей: те никуда не денутся, а отсутствие всякого контроля и слежки притупит их тревогу и бдительность.

Аратта молчала, утих и Хагал. Он бесконечно приглаживал гриву, словно стараясь успокоить самого себя.

— А где Тайназ? — вдруг встревожилась Аратта, наострила уши, вытянулась.

— Куда-то ушел. Гулять. Говорил, что раз ты ушла к аршаху, то так и быть, пойдет на прогулку сам.

— Что, так и говорил?

— Ага.

«Тайназ, где ты?.. Приди и обними меня, а то мне совсем плохо станет».

Они сидели так долго, ничего друг другу не говоря и думая о своем. В ночи горы казались страшными, их темная и пугающая сторона враз раскрыла себя. Шамани легла на траву, вытянув лапы, но так оказалось неудобно и чуть холодно. «Здесь вообще холодновато...», — подумала она. — «Лишь бы дождь не упал». Сновидеть? Нет, не сегодня. Слишком устала...

Спала она всегда чутко, любой звук мог нарушить ее сон. И теперь Аратта слышала звуки быстрой трусцы, шуршание травы и какое-то бормотание вперемешку с тихим рычанием.

— Чего такое? Чего случилось?

Аратта увидела, как Тайназ трясет за лапу Хагала, хотя тот уже давно проснулся и недовольно глядит на него, растерянного и какого-то взъерошенного. Тайназ превратился в воплощенные тревожность и страх.

— Да что такое?

Вдруг Тайназ словно обрел осмысленность и власть над словами и громким шепотом разбудил всех, кому еще лень было поднять голову:

— Я убил какого-то северняка. Вставайте, шакал вас разорви, вставайте.

— Как?.. Как убил?

Все собрались в круг, центром которого стал Тайназ. Его засыпали вопросами, и выяснилось такое: гуляя по землям Таллалу возле местной реки, Тайназ встретил льва, того самого крупного, что одним из первых встречал их, Нислана. Он оказался неожиданно зло и резко настроенным и начал оскорблять Тайназа, насмехаться, сознательно желая вызвать его на поединок. Нислан не считал Тайназа за стоящего противника; кроме того, он знал, что им уготована смерть, но не знал, что аршах переменял планы на завтра. Потому решил расправиться с одним из союзных, считая, что уже расправляются с его друзьями. Но Тайназ убил его в ответ.

Все заметили, что на самом Тайназе — ни царапины.

Он умолчал, каким именно способом смог достичь такого. Он притворился крайне испуганным и кротким. И Нислан сделал именно то, что требовалось — сам подошел вплотную; он расслабился, не ожидая сопротивления. Тайназ притворился, будто бы пригибается в повиновении, а потом вдруг бросился снизу вверх, уцепившись клыками в горло. Зная, что нужно прижиматься к противнику, а не отходить подальше, Тайназ еще и застраховал себя от царапин его когтей.

— А где это случилось? — смотрел на него Хагал глазами, полными страха.

— Там. У реки... Тело я сбросил в нее.

— Как сбросил? — деловито осведомилась Луана.

— Так получилось. К ней было... пара прыжков, и крутой берег. Оттуда и сбросил.

— Да зачем ты его убил? — зашипел Хагал.

Тайназ громко выдохнул, и, чуть не сорвавшись на рык, молвил:

— Он меня в открытую вызвал! Каждый нормальный лев должен быть готов, что его ударят, и что он может ударить сам! Что я, по-твоему, должен был делать?

— Бежать сюда!

Тайназ махнул лапой.

— Что делать будем? — задал главный вопрос Бастис.

— Нужно уходить, — тут же изрек Хагал, хотя сам несколько мгновений назад убеждал Аратту в глупости и бессмысленности такого поступка.

— Постой, уйти успеем... Тебя кто-то видел? — Луана начала перебирать дело в свои лапы.

— Нет, вроде никто. Ночь вокруг, все спят.

— Уйти мы не можем, — решительно молвила Луана, верная дочь рода. — Если сбежим, то станет ясно, кто виновник. Северняки устроят за нами погоню.

— Не догонят, — предположил Бастис.

— Догнать может и не догонят. Но мы здесь представляем весь Союз. Как я посмотрю в глаза отцу? Что мы скажем? Получится, что мы испортили всё, что только можно испортить. Нет, убегать мы однозначно не можем.

Луана оказалась отнюдь не робкого десятка.

— Что тогда? — растерянно спросил Бастис.

— Если тебя никто не видел, то гиена с ним. Пусть плывет по реке. Северняки схватятся, что пропал лев, но мы-то здесь как бы ни при чем. Ты точно не ранен?

— Вроде нет... — равнодушно молвил Тайназ.

Но Луана не обратила на это внимания. Она попросила шамани:

— Аратта, глянь... Следов не должно быть.

— Но если они начнут что-то подозревать? — спросила Саймири, которая вместе с Араттой начала дотошно осматривать Тайназа.

— Если северняки действительно что-то разнюхают, тогда путь только один. Ты, Тайназ, во всём признаешься.

— Но его тогда убьют! — забеспокоилась Саймири.

— Убьют, тогда будет знать в следующий раз, как делать глупейшие поступки, — сказала очень странную фразу Луана. Бастис невольно ухмыльнулся.

— Эй, так не пойдет. Лучше будем все молчать, — предложила Саймири. — Знать не знаем, ведать не ведаем. И всё тут.

— А если кто видел, как Тайназ прогуливался? — решительно спросила Луана. — Уж нагулялся так нагулялся.

— Тогда всё равно не скажем, — не сдавалась Саймири.

— Тогда все и помрем.

— Вот и умрем.

— Вот и славно, — иронично заключила Луана.

— Тайназ, ты сам-то что скажешь? Что делать? — с оттенком паники спросил Хагал, крутясь на месте.

Луана издевательски молвила, бесстрашно толкнув лапой Тайназа:

— Ой, только его не спрашивай, уж он наворотит дел так, что горевать не придется.

— Слушай, закрой рот. Я что, должен был убежать от него? Ползать перед ним? Не принять вызов? Что вы за души такие, без чести? — не вытерпел Тайназ.

— Сейчас я тебе кое-что закрою...

И Хагалу с Бастисом пришлось придержать Луану, что порывалась дать лапой по морде Тайназу.

— Ну и чего теперь? — недоумевал Бастис, почесав за ухом.

— Ладно... Пустите, — Тайназ отпихнул лапой Саймири, что всё еще осматривала его (Аратту не решился). — Сам во всём сознаюсь, расскажу чистейшую правду.

— Тогда не исключено, что и нас накажут, — заметила Саймири, снова схватив его когтями за плечо.

— А чего вас должны наказывать за мои поступки? Лучше я сам подохну, и все дела. Вам же хочется этого.

— Никто этого не хочет, не говори дурости, — молвила Саймири.

— Хагал, решай, что делать будем, — Тайназ понял, что решение нужно принимать немедленно, и обратился к тому, кто был формальным лидером группы.

У того глаза забегали, как мыши в траве.

— Я думаю... Считаю, что лучше всего... Эмммм... Эаааа...

Аратта всё это время молчала. Не потому, что ей не было что сказать, а потому что обдумывала то, как лучше спасти ситуацию. Она примерно представляла как, и обдумывала детали, мелочи. Всё, прошлого не вернешь, решение есть и оно должно сработать.

— Слушайте сюда. Тихо все! Так не получится. Нислан — лев Линэ, а Линэ — шамани Таллалу. И будьте уверены, что она приложит все силы, чтоб найти виновного. Если мы уйдем, все станет ясно. Если останемся, то она наверняка каждо-

му из нас будет глядеть в глаза, и Тайназ не сможет скрыться от нее. У него прямая натура. Она наверняка поймет, кто убил, она увидит страх и ложь Тайназа.

— И что ты предлагаешь? — спросила Луана.

— Нужно действовать самим. Я возьму это дело на себя. Вы лишь ложитесь спать, будто ничего не знаете. Забудьте всё, особенно ты, — Аратта приложила лапу к гриве Тайназа и он дотронулся к ней, но лишь на мгновение, потому что шамани сразу убрала лапу. — Я пойду и скажу, что всё видела. Скажу, что Нислана убил какой-то лев.

Все слушали: Луана — чуть сузив глаза, сосредоточенно, с пониманием; Бастис — кусая собственную лапу; Тайназ — молча, наклонив голову, и грива скрывала его глаза; Саймири — тревожно; Хагал — почесываясь, как всегда при волнении.

— Но ты ведь будешь лгать... Линэ ведь тем более поймет, что к чему, если ты сама пойдешь с ложью, — не уловила суть идеи Саймири.

Аратта отрицательно покачала головой.

— Шамани очень плохо чувствует другую шамани. Линэ не сможет, я хорошо всё скрою. И шамани как никто умеют врать, уж поверьте.

— Аратта, не подставляй себя, зачем тебе это, — беспокоилась Саймири. — Это опасно.

— Нет другого выхода...

— Перестань, мы вместе должны находить выход и вместе нести ответ, — не унималась та.

— Боюсь, что Линэ уже ощутила, что случилось. Времени очень мало. Судя по тому, что шума Саргали пока не подняли, то пока что всё хорошо и никто ничего не знает. Но это пока что... Нужно действовать. Я пошла.

— Аратта, стой! — вздрогнул Тайназ.

— Что?

— Спасибо... Спасибо тебе. Но ты уверена? — спросил ее он.

— Уверена.

Все наблюдали, как Аратта скрывается в ночи, и никто не остался равнодушным и спокойным, в душе желая лишь одного — чтобы ей всё удалось.

**

Аратту чуть не убили, когда она попыталась сообщить новость лично аршаху, поскольку бежала она крайне быстро. Две львицы Ар-Дарраза, что спали с ним, восприняли ее очень внезапный ночной визит крайне враждебно. Но ее взволнованный тон, паника и бесконечное утверждение, что убили некоего льва-Саргали, заставили даже их умолкнуть и наострить уши.

Все, кто был поблизости, сбежались, большие и маленькие.

— Я видела, я всё видела! Какой-то лев стоял над его телом, но когда заметил меня, то удрал, как трусливый шакал! Я подбежала к нему, я пыталась его спасти. Но он весь истек кровью... — шамани Велари для верности вроде как невзначай показала на себе следы, плохо различимые в темноте ночи, но, несомненно, пахнущие кровью. — Я не узнала, кто это был. Не знаю его, не знаю.

— Какого он вида? — сурово спросил аршах, одновременно кому-то кивая головой. — Линэ, ко мне стань... Какого вида?

— Из чего шум? — подошла шамани Таллалу, зевая. Она пока еще не знает, она весьма равнодушна и довольна жизнью.

Аратта зря боялась, что Линэ нечто ощутит во время убийства своего льва. Она измученно спала, тяжело устав за день, и никакое предчувствие да чувство не смогло пробраться в ее душу.

Из Аратты посыпались подробности:

— Он не очень похож на Саргали. В темноте было видно плоховато, но у него не было длинной гривы. Уши большие, лапы толстые, роста примерно с... вон того льва, да-да! — Аратта выбрала совершенно случайного льва-Саргали, который удивленно уставился на нее. — Оттенок его темноватый был, не светлый, как у всех здесь. Похож на льва Морлая, а не льва-Саргали.

— Веди нас туда! Немедленно.

Бежать Аратте стало больно. Это давала о себе знать вновь рассеченная изнутри лапа, которая толком и не успела зажить после ритуала для Тайназа. Она вдруг подумала, что очень часто шамани платят своей кровью. И на рамзану нужна кровь, и на камне ей положено быть, и тут вот пришлось испачкать саму себя... «Судьба шамани, в какой-то степени, предполагает жертву. Отдавать саму себя. И свою жизнь. Так странно... Хорошо, что вовремя вспомнила о крови, а то глупость бы вышла: пыталась спасти льва от смерти, а сама — чистенькая».

На месте, понятно, тела не оказалось, ведь Тайназ сбросил его в реку, а течение унесло. На это Аратта молвила, что оно точно было здесь, да и вот они, вот следы; а подлый убийца, видимо, только что сбежал прочь, в горы, сбросив Нислана в реку, а потому надобно немедленно отправиться искать его. Что аршах и приказал сделать.

В какой-то миг она стала реально бояться, что Саргали смогут учуять слабый запах следов, что вели в прайд, а не в горы. Но не учуяли.

Линэ оказалась склонной к яркой, всепоглощающей истерике; но в ее вое и рычании, от которых дрогнули горы, не было ярости мщения и силы, а лишь боль утраты. Она более-менее взяла себя в лапы лишь под утро. Аратта холодно подумала, что такое ей на лапу — Линэ утратила драгоценные мгновения, когда легче всего узнать суть произошедшего случая. Если бы она в то время пристально пригляделась к Аратте, то, наверное, и смогла что поймать, поймать ложь за хвост...

Здесь не принято успокаивать тех, кто находится в горе утраты, потому ее предоставили самой себе, а детей Линэ сестры по прайду убрали подальше, в чем им помог брат Нислана. Кстати, последний долго пытал Аратту расспросами, которые та стойко выдержала.

К определенному мнению не пришли. К утру вернулись поисковые группы, и, понятно, никаких следов убийцы не нашли. Только после этого Аратта осмелилась отлучиться к своим, которые восприняли наставления Аратты прямо и без фантазии, а потому продолжали оставаться на прежнем месте, старательно притворяясь спящими.

— Что там?.. — первым спросил Хагал. Остальные пыливо и тревожно ели Аратту взглядом.

— Нормально. Идемте за мной. Притворитесь удивленными, но только лучше. Вживитесь в образ.

Они сразу попали на большое собрание. Аратте пришлось выступить главным и единственным свидетелем. Она хорошо запомнила то, что говорила ночью, — Аратта никогда ничего не забывает — и ни разу не спуталась в своих словах.

В прайд как раз возвратились львы Таллалу, что были в долгом обходе, и — вот удача! — сказали, что этой ночью видели какого-то льва, но очень далеко. Кроме того, они не могли точно сказать, где в тот момент была луна (проще говоря, какой период ночи) и пришли с северо-запада, а предполагаемый убийца вроде как убежал на северо-восток.

Дело темное, непонятное, и аршах не знал, с какой стороны к нему подступиться. Он послал львиц еще раз осмотреть всё место убийства и принять во внимание мельчайшие детали.

Саргали не прощают убийства своих, потому каждая из них старалась исполнить всё как можно лучше. Вскоре они принесли вести аршаху: нашли немножко крови и несколько очень слабых следов, которые, правда, не вели в горы, а вели к главному месту прайда. Также, как ни старались, не смогли найти пути, по которому ушел загадочный убийца в горы: ни сломанных веточек, ни притоптанной травы, ни следа — ничего.

Но, чуть оправившись от горя, к аршаху пришла Линэ и сказала, что приложит все силы, чтоб раскрыть смерть ее любимого льва. Она уже сделала кое-что для этого: обошла всех во прайде, кого только могла заподозрить в причастности к убийству. Конечно, сделала Линэ это тихо и незаметно, ведь открыто подозревать в таком братьев и сестер по прайду — непростительно. Она просто глядела им в глаза. Но все они были безупречно чисты. Она попросила аршаха позвать для нее Аратту — желала расспросить обо всём. Аршах же молвил:

— Я их всех позову... На всех глянешь.

Скорее из чувства долга и желания ничего не упустить, чем от реальных подозрений, аршах решил пригласить всех союзных пред глаза Линэ-шамани. Он не раз пользовался силами Линэ для выведения лжецов на чистую воду. Это удобно, легко и весьма надежно.

И вот так: Аратта чуть впереди, стоит прямо, с осанкой, загнув кверху кончик хвоста, а позади пятеро ее друзей. Линэ подошла сначала к ней, чуть пригнувшись, посмотрела в сторону и вниз, пригладила широкой лапой львицы-Саргали сухую землю. Потом обернулась к аршаху, словно ища помощи, будто в его силе враз разгадать, кто и зачем сделал это. Линэ вовсе и не смотрела пристально на суть души Аратты — ведь шамани не могут бессмысленно и бессовестно врать, такого не может быть. В ее глазах, осанке, выражении Линэ видела лишь грусть, участие, желание помочь. Хоть мелочью, но помочь. Линэ лишь желалось поделиться с кем-то слезами, но было не с кем, потому она сдерживалась.

На Бастиса, Саймири, Тайназа, Хагала и Луану она бросила лишь маленький, коротенький взгляд:

— Нэй, поймала я... Что жизнь тратить на это. Как они могут знать...

Ар-Дарраз, несмотря на легкую, отлично скрытую неприязнь к Линэ, всегда воспринимал ее очень серьезно. Потому для него союзные сразу выпали из круга подозрений. Линэ тихо молвила ему:

— Есть у меня подозрение, кто совершил...

— Кто? — с оскалом спросил Ар-Дарраз.

— Гэлсааз из Менаи. Знает Линэ, что они с Нисланом давние враги.

«Вот и славно. Вот и удалось... Тайназу ничего не грозит. Ничего не грозит нам», — подумала Аратта. Главное — выполнено. Ее группа и она сама — вне подозрений. Смешно и желать лучшего.

— Пойдем, сестра-Аратта, — развернулась Линэ и пошла усталым, измученным шагом. Потом будто вспомнила, что стоит попросить согласия: — Дашь мне помощь?

— Дам, Линэ, — кивнула шамани Велари, чуть прикрыв глаза.

**

Qntal (Silver Swan) — Lingua Mendax

Если кто думает, что кости — огромная премудрость, то сильно заблуждается. Предсказывать на них довольно просто, если иметь достаточно личной силы и помнить значение их положений. Не даром гаданием занимаются не только шамани, но и простые львицы, которым мать или еще кто передала тайны костей.

Линэ расспрашивала Аратту недолго, ведь та не могла рассказать ничего нового. Да, видела какого-то льва. Да, тот сбежал, когда ее заметил. Да, пыталась помочь, но не успела.

— Было у него последнее слово?

— Нет. Ничего не говорил.

Но было видно, что расспросы для Линэ не слишком важны. Она попросила Аратту погадать вместе с нею на костях. Вместе, оно ведь вернее и сильнее. Конечно же, Аратта согласилась.

«А я хорошая обманщица. Даже слишком. Вся в мать», — Аратта почему-то подумала именно так. Пришло в голову именно это: «Вся в мать». Молодая львица удивилась легкости и доступности своей лжи; это чуть испугало ее, хоть шамани ничего не боятся, они пуганные, их просто так не возьмешь... «Во имя прайда, во имя их жизни», — думала верная шамани Велари. — «Для Тайназа, что не убоюлся защитить честь».

Она наблюдала, как Линэ достает из своей пещеры всё необходимое для предсказания. Странное зрелище: принесет одну кость — плачет; вторую — еще больше плачет. Но тихо плакала, без единого звука. Когда вынесла все семь и панцирь, то успокоилась, будто не было сегодняшней ночи.

Кстати, о пещере Линэ. Она чем-то напомнила Аратте ту самую, где упал и потерялся Багис: тот же холод, тьма и, несомненно, незримое присутствие множества поколений шамани. В ней скрывалась тьма и нельзя было сказать наверняка, как и где она кончается. Идти Аратта не хотела, а спрашивать тем более не время.

Кости у Линэ оказались старыми, прекрасными. Они, вне всякого сомнения, — ценность. Четыре косточки — белые, три — всю черные (Аратта поняла, что окрашены они соком хирайи, только как удалось добиться такой прочной и глубокой окраски — внять не смогла).

Когда Линэ складывала кости в панцирь, то ей показалось, что она вовсе не в прайде Таллалу-Саргали, вовсе никуда не ходила, нет-нет, и нет здесь никакой Линэ, и Тайназа она не знает, а тем более он еще никого не успел лишить жизни. Она лишь снова маленькая львица, еще вся в пятнах детства, что живо наблюдает, как наставница Амаринэ раскладывает косточки, чтоб показать ей, ученице, искусство предсказания. Это светлое, призрачно-солнечное воспоминание на мгновения украло всю ее волю, силы и внимание, и Аратта предалась ему так, как предаются самому глубокому сну, вовсе забыв о своей жизни.

— Ма нэймáл ахмáр най вирд ритуэ́ль. Най вирд ритуэ́ль. Най вирд ритуэ́ль...

Это было начальное слово Линэ для предсказания на древнем языке. Для глаза Аратты казалось странным, что она не давала свою кровь взамен, не раскрашивала ею кости. Но это не в традициях шамани линии Линэ. «А меня учили за всё платить кровью. Разве ж так сработает? Хотя... Обряд — всего лишь обряд, и работает всё то, что может провести силу. Хоть на одной лапе прыгай. Если это работает, значит, подходит...», — думая, наблюдала Аратта, как Линэ встряхивает и крутит старый, отличный, большой панцирь, чтоб кости в нем легли так, как им хочется. Она всё больше понимала, что кости эти сильны; как знать, сколько поколений шамани работали с ними... Наследственные кости. Появилось понимание, четкое и хорошее, даже слишком хорошее, что обмануть их нельзя — это то же самое, как обозвать всю тропу шамани чепухой. Линэ она сможет обмануть, аршаха тоже, но не силы, что правят миром. Слишком многие львицы знания (а, может, и львы) держали эти кости в лапах, и не надо им крови — они так всё скажут...

Нет, страха у Аратты не было. Чего бояться? Судьбы ведут всех нас. Лишь, сожалея, подумала: «А сейчас ведь прочтет их ответ. И что за глупость — согласиться гадать на убийство, если сама к нему причастна. Причастна? Да, а чего врать. Ха-ха, смешно звучит: «...чего врать». Смешно...».

Линэ выбросила кости из панциря. Навострив уши и внутренне сжавшись, Аратта начала глядеть, что за расклад выпал для них обоих.

Нет-нет, нету здесь никакой особой сложности. Когда кости ложатся на землю, то одна оказывается дальше, чем ее сестры, иная улетает совсем недалеко. Они могут лежать параллельно к шамани, перпендикулярно или боком — в общем, как хотят. Потом их нужно собрать: ту, что прилетела ближе всех, положить снизу, параллельно ей ту, что улетела чуть дальше... И собрать такой вот ряд. По этому ряду черно-белых костей можно видеть вещи, какими они есть. Нужно лишь запомнить, что всего положений два десятка и еще четыре. Амаринэ так говорила:

— Возьми шесть львов и посчитай сколько у них лап. Столько и значений у семи костей.

Вот и сейчас Аратта, которая наизусть и хорошо помнила значения всех положений костей, видела: две белых косточки лежали дальше всех, три черных злобно скучковались вместе посередке, и остальные две белые не пожелали далеко улетать от панциря. Если кости хотели сказать правду, то не могли бы сделать этого лучше. Одна из черных своим концом указывает прямо на Аратту, словно желая предупредить Линэ: «Вот оно, вот обман, сквозь нее найдешь убийцу!». Значение расклада — две белые сверху, три черные посередине, две белые внизу — Амаринэ объясняла как «Зло изнутри». Это его имя. Аратта называла его по-иному — «Тщетность» — ибо ей нравилось делать всё самостоятельно, в том числе придумывать имена.

Никаких сложностей, всё ясно. Если бы Аратте выпало такое, она сразу бы поняла: убийца совсем рядом, он во прайде, он внутри прайда, никуда не уходил и прячется обманом, хитростью, уловкой. Обман, много обмана, потому гляди всем в глаза хорошо и слушай тщательно, ничего не боясь.

Аратта так и сидела, задаваясь вопросом: как быстро Линэ уловит всю суть и вонзит клыки ей в шею? Вдруг Аратта, осмелившись повернуть голову направо, заметила, что Линэ вовсе не смотрит на кости и их значение. Она уткнулась головой в

лапы, что-то шепча; по всему, шамани Таллалу намеренно скрывала от себя вид костей раньше времени, упрашивая силу дать ей прозорливость и понять ответ костей.

«Ох... Ой, мама...». Это драгоценный час, большая удача, огромный успех! Шамани Велари поняла: сейчас или никогда. Она даже не успела подумать, как ловкие лапы молодой охотницы-шамани успели сделать всё сами.

Теперь совсем другое дело: одна белая косточка тихо и без шума оказалась наверху. Расклад теперь иной, совсем иной: три белых вверху, потом три черных, одна белая — внизу. Такое Амаринэ назвала бы «Молния, рассекшая небо»; Аратта тоже так называла, ей нравилось имя и образ, данные наставницей. Такие кости предсказывают победу, успех, мол «твое дело правое, ты одержишь верх», дают совет: действуй, как действовал, и делай это уверенно.

Аратта опасливо покосилась на Линэ, но та еще спрашивала саму себя и силы, не зная, что ответ наверняка будет ложным.

Вздохнула... Когти судьбы пронеслись совсем близко, но не заделли.

Она видела перед собой ответ костей; она всегда имела с ними прекрасную связь, сквозь них помогали ей все шамани ее длинной и славной традиции. Но теперь растерянность и уныние владели ею, а мрак укутал смыслы; она старалась рассмотреть сопутствующие знаки, мелкие детали, старалась прекратить внутренний разговор, чтобы безмолвное знание лучше открылось ей. Но бессилие и тщетность не давали знать.

— Твои слова, Аратта... Помогите мне видеть, — обратилась за помощью Линэ.

Но ответа не получила. На Аратту свалилось слишком много ощущений и впечатлений. Только теперь, спустя несколько мгновений, к ней пришло чувство, подобное на чувство ночного страха, страшной утраты и скользкого предательства одновременно. Озноб прошел вдоль спины и растекся колючей волной к лапам. Вспомнилось в краткое время очень многое: Амаринэ; Зирэра; собственные слова «нельзя говорить всей правды, но нужно говорить только правду»; вспомнила Айнаю и ее поступок; и еще много, много, множество разных образов...

Шамани может обманывать кого угодно и как угодно; но обманывать силы, что дают вирд каждой львице и каждому льву? Что может принести это?..

— Ай, нэй! Айна! Видит Линэ. Правильно думала я, правильно делала я, искать нужно вовне! Гэлсааз, Менай-прайд, пусть станет им мерзко. Ар... Аратта! Пойдешь ты со мной! Ты узнаешь его, ты почувешь, ты видела, ты изловишь подлость!

— Я... Хочу сказать, что...

— Не откажи сестре-шамани в такой услуге. Буду в жизнь должна тебе.

Аратта видела, что вконец запуталась в коллочках и ветках собственной лжи. Как выбраться из этих дебрей?

Глаза Линэ умоляют.

«Отказывать нельзя... Заподозрит. Надо идти».

Ее успокоило то, что она не лгала для себя. Это — ее верность прайду. Такова судьба шамани для прайда.

Собрались в путь как-то неправдоподобно быстро. Линэ лишь быстро попрощалась с аршахом и всеми, кого встречала на пути, попросила приглядеть за детьми. Аратте дала несколько мгновений, для прощания со своими.

— А где Тайназ? — искала шамани его взглядом.

— Не знаем... Шатается где-то, — злобным и раздраженным тоном молвила Саймири. — Шатается шакал знает где, еще снова кого убьет.

— Тогда уж спасете его сами, — еще тише сказала Аратта. — Я должна идти.

— Идти? — нахмурилась Саймири.

— Ты куда? — изумился Хагал, оторвавшись от досужей болтовни с Луаной, которая вовсе не касалась их тяжелого положения.

— В прайд Менаи, с Линэ. Только не спрашивайте зачем. Всё, пока. Попрощайтесь за меня с Тайназом, — Аратта развернулась и начала уходить. Но Хагал догнал ее.

— Да намекни хоть, в чем дело-то?

— Линэ думает, что убийца — лев из прайда Менаи. Она попросила пойти с нею, чтоб его узнать, — Аратта зажмурилась и приложила лапу к шее. — Я не могу отказать. Если откажу, то мы будем в опасности. Нужно играть до конца, — еле слышно молвила шамани Велари.

— Тогда давай. Удачи.

«Не много ты и расспросил. Хоть бы поинтересовался, как и что я там врать буду...». Они дотронулись друг ко другу правой щекой. Аратта сделала шаг, но тут кое-что припомнила. Подбежала к Луане.

— Попрошу тебя... Поцелуй за меня Тайназа и скажи, что это — от Аратты.

— Что?

— В щеку. Левую. Просто поцелуй и скажи, что от меня.

— Хорошо, — вняла странной просьбе Луана.

Аратта, весьма голодная еще со вчерашнего дня, быстро выступила в путь вместе с шамани Таллалу-Саргали.

**

mso — Aratta the Devoted

Здесь тропы такие затейливые, сложные, за ними трудно уследить, а тем более запомнить. Они шли по ущельям среди гор; и эти ущелья, более похожие на большие равнины посреди гор, были прекрасны.

Давно после полудня, ближе к вечеру, Линэ поймала айрана — так она назвала эту помесь антилопы с... гиена знает чем, Аратта прежде никогда не видела такой добычи.

— Мы айранов по большинству и ловим. Свиной тоже ловим, — рассказала Линэ, когда зашел разговор об охоте.

Аратта без вкуса съела добычу, лишь принимая пищу как должное для жизни.

Потом говорили о судьбе каждой из них. Пошел разговор об Амаринэ; Аратта, которая испытывала к ней истинную любовь и привязанность, рассказывала, как наставница заботилась о ней вместо матери. Линэ слушала внимательно, не перебивая. Потом вынесла вердикт:

— Свинья твоя амарах.

— Что?! — изумилась Аратта такому кощунству и подлости со стороны Линэ, хоть и у самой клыки были в крови.

Та, недоумевая, повторила:

— Ну, свинья твоя амарах, Линэ сказала.

— Как это — свинья? Почему свинья?!

Шамани Таллалу поняла, что сказала что-то не то.

— Нэй, заботливая, как свинья. Оберегает от всего... Так говорят. Цанна, Аратта, ведь ты видела, как свинья за поросятами бегают?

Аратта постояла и потом рассмеялась, забыв о прошлом и будущем.

Казалось, они лишь львицы-подруги, что решили прогуляться к соседнему прайду. Линэ как-то вовсе не выдавала своей скорби, напротив — старалась разговором и живой веселостью львицы-Саргали приглушить боль. Аратта должна была признать: Линэ, несмотря на первое впечатление высокомерной львицы, оказалась отличным компаньоном и хорошей подругой; это хорошо чувствовалось с первого момента их совместного, вынужденного путешествия. Она принимала Аратту за свою, как сестру по пути и просто хорошую молодую львицу, и ее вовсе не заботило то, что она — союзная.

Но иногда взгляд ее останавливался, и лихмаай ее почти касался сути вещей:

— Чего печальна так ты, Аратта? Это мне пристало тешить свою печаль, но ведь твоя жизнь ждет тебя.

— Ждет, — кивала шамани Велари, и становилось нехорошо.

Линэ тоже кивала в ответ и дотрагивалась к ее лапе:

— Узнай его, прошу тебя.

— Узнаю, — и становилось еще хуже.

После такого Аратте каждый шаг давался с трудом и она начинала о чем-то думать, чтобы отвлечься; на самом деле, хоть и было трудно от лжи, но она держалась, сознавая, зачем и почему делает это, помня о верности и помня о долге. Аратта успела привязаться к Тайназу, очень быстро и легко, как это бывает с любой беспокойной, одинокой душой. И неважно, душа шамани это или обычной львицы — все равны перед этим чувством внутренней пустоты. Она думала о всяком, даже о смысле жизни, и подумала, что легче выдумать смысл жизни для себя в голове — ведь можно нечаянно догадаться о нем или коснуться его печально текущим чувством; а жить без смысла претит ум. И изыскать его в иных мирах нельзя, там есть много странных и причудливых вещей, много силы, но среди них смысл вряд ли застрял. Так что его можно для себя придумать, придумать...

«А вот и я для себя выдумала смысл жизни. Верность прайду. Ведь это только тень моего сознания. Но это и есть призвание каждой из нас — следовать собственной тени, зная, что она лишь только туман и мираж, как и всё в этом мире, и в остальных тоже...», — шла Аратта в след Линэ, забавляясь игрой, знакомой еще с детства: точно попадать в чужие следы. Она совсем упустила тот совет, что некогда, в иной жизни, говорила ей Амаринэ:

— ...стань хозяйкой своих теней.

Кстати, о миражах. Когда шли по тропке какой-то вершины (Линэ твердила, что так короче и обещала, что завтра к вечеру уже придут к Менаи-Саргали), то шамани Таллалу показала ей миражи. Аратта видела их, причем мир, этот дивный обманщик, доходил до сущих чудес: видения далекой водной глади стояли столь ясные, что в них отражались соседние, настоящие скалы!

— Там озеро Гáрзакс. С него уходит вода и там, — показала лапой Линэ на восток, — превращается в Нáхмэ-Валáру. Мы там будем, ты увидишь.

Аратта не поняла слов, но решила смолчать, решив, что лучше ей хранить тишину, не то... Лучше молчать.

Как ни странно, Аратта вовсе не думала, что будет во прайде Менаи. Что она будет говорить, как поступать.

— Линэ, расскажи, как выглядит клятва прайду. Ты ведь клялась прайду? Так мне сказал аршах.

— Просто. Выходишь на середину, а тебя окружают. И клянешься.

— Как?

— Как умеешь. Сама выбирать слова должна. Главное — пусть говорит твой лихмаай.

— Кто говорит?

— Лихмаай, — устало повторила Линэ, дивясь тому, как шамани Союза во все не знает древнего языка (Аратта действительно знала лишь пару слов). — Душа твоя, суть.

Внезапный вопрос-догадка родился у Аратты:

— А как тогда твоя амарах смогла уйти из прайда, куда хочет? Ведь тоже клялась, так?

— Линэ не знает. Для этого нужно быть видящей. Меня держит клятва, Линэ не может перескочить ее. Но видящие знают мир лучше, и, наверное, они могут перескочить это, как и многое другое.

— Наверное, потому, что все клятвы, в итоге — тень, — выразила Аратта неясное предположение, полное странного и довольно неприятного смысла, но Линэ уловила суть того, что желала сказать шамани славного прайда Велари.

— Верно, да. Может и так, — долго думала Линэ. Потом перескочила сваленный ствол длинного дерева ига. — Да, Линэ ее понимает. Чему можно научиться среди других? Ничему, тебе скажу я. Но глянь вокруг: горы, даль и бесконечность, а еще миры, которые ловят тебя, когда бродишь ты в другом теле. Окружающие тянут нас вниз, а это тянет нас вверх.

— Но наша свобода, пока мы не *видим*, — всё же следовать клятвам, — как-то обреченно заключила Аратта.

— Верно, так. Наш взор еще не забрался и не живет на вершинах гор.

— Чего ж, Линэ. Гляди — мы высоко, глядим на миражи, и знаем, что они — миражи. Взор не на вершине, но и не в бездне.

Линэ остановилась.

— Ты одна из лучших шамани, что видели мои глаза.

Потом решила пойти дальше, но остановилась в последний миг.

— В тебе очень много силы, необычно много. Я сразу знала, как только ты вошла во прайд.

В потухающем воздухе стоит чистый звон птиц поверх широкого шума воды водопада, быстрого, яростного. Совсем стемнело.

— Это ковки, — сразу определила Линэ. На всякий случай объяснила: — Птицы такие.

Аратта смотрела на Нахмэ-Валару заморожено; она никогда в жизни не видела водопадов. Дочь равнины, она много чего красивого не видела, привыкшая к ровным местам и к тому, что глазу не за что зацепиться и нечего высматривать в окружающем мире.

— «Падающая вода», с древнего, — объяснила Линэ суть имени водопада, улегшись у кромки воды.

От гула воды у водопада сильная, волевая не по юности, прочная и не поддающаяся всякому влиянию Аратта пришла в транс; каким-то волнением наполня-

лась грудь и голова; вода мчалась сверху со страшной силой, совсем гладкая, но вдруг чудовищно рассыпалась на неисчислимые камни, достигнув препятствия камней снизу, громоздя разноцветные волны, с бешеным ревом проносясь меж камней, и с трех прыжков высоты, из-под радуг первого порога водопада, рухнув во мрак, бежала дальше, уже по-другому: клокоча, вся сизая и снежная от пены, и так ударялась то в одну, то в другую сторону берега, что казалось, скалы не выдержат, и земля тоже, по скатам которой, меж тем, в блаженном покое цвел строфант, любитель влаги.

Потом вода успокаивалась и текла совсем гладко, мирно, будто ничего и не было.

— Почему ты любила его? — Аратта спросила громче обычного — мешал шум.

— Не знает Линэ... Отчего я должна знать. Любила, и всё.

Но такой ответ не удовлетворял Аратту, а тем более саму Линэ. Она продумала, как ей лучше сказать, действительно задумалась — а отчего любила льва Нислана?

— Он брал Линэ таковой, как есть. Ему не было дела, что я шамани. Он был тяжел характером, знаешь. Но именно потому я предалась ему — потому что не было разницы для него, кто я и почему...

Это настолько совпадало с ощущениями Аратты к Тайназу, что она затихла, чувствуя надломленность и растерянность. Она уже знала, что никогда, до конца жизни, не сможет спокойно вспоминать эти мгновения.

— Там, в лучах, сияют души шамани, что ушли от нас, — махнула Линэ лапой вверх, куда-то в небо, вовсе не замечая переживаний Аратты.

Там, наверху, действительно играли капли в лучах закатного солнца.

— Это действительно они? — Аратта безгранично предалась меланхолии детства и наивности.

— Амарах говорила, что да. Пусть так и будет. Идем, посмотрим?

— Идем! — не думая, согласилась юная шамани Велари, забыв о всём.

Они пошли, карабкаясь ввысь, на высоту пяти десятков прыжков резво и уверенно. Она вовсе не замечала пути, лапы сами несли вперед и вверх, ожидая сверху чуда, чего-то необычного. И это необычное таки ждало Аратту наверху. Глядеть вниз и смотреть, как падают воды, было страшно и жутко, и появлялось знакомое с детства желание спрыгнуть, попробовать хотя бы чуть — как это, летать...

Но для Линэ красота внешнего мира лишь внесла мучительный контраст в ее внутренний.

— А знаешь, как... Что мне теперь делать? — говорила она на ухо Аратте, чтоб та слышала хорошо и верно. — Всё было ярче, всё было лучше, и в ночи было больше надежды, и каждая мечта уносила вдаль, а теперь желания так пусты и бессильны. Знаешь, Аратта, пусть шакал съест того, кто убил намай. Мне нету больше никакого дела, и мести Линэ больше не видит. У мести глаза плохие. Слепые, не видят. И кто знает, поймаю ли того, кто виновен, или оклеветчу чистого совестью. Теперь смотри, слушай... Ты вот что скажешь моим детям: мать ушла вослед за отцом и нету в этом стыда. Когда подрастут, то будут горды.

Шамани Велари видела, как близко, опасно близко к обрыву подходит Линэ, не заботясь о своей жизни.

— Не делай этого, Линэ! Подожди же, не делай!

— Не имей страха, Аратта, всех нас ждет это. Любовь и смерть меняют всё, ты поймешь.

Внезапно Аратта ударилась в такой вой, такой плач, что Линэ и позабыла о своем намерении, удивившись такой яркой тоске той, что, казалось, должна скорбеть об ее уходе, но не настолько же сильно. Что с ней? Отчего так побивается?

— Не имей страха, Аратта. Запомнила, что должна сказать?

— Стой, стой, не уходи, ты ведь всего не знаешь, ничего не знаешь, ведь повсюду ложь, лишь ложь! — уцепилась Аратта ей в лапу, да больно.

— Ты боишься, что меня не станет? — забрала лапу Линэ.

— Боюсь безумно. Линэ, послушай, я скажу тебе...

— Тихо! Помнишь ли ты, что должна сказать детям?

Аратта яростно покачала головой, не глядя на нее, закрыв глаза

— Не буду, не буду я ничего говорить, ты сама скажешь, что хочешь.

— Смысл мне жить? Объясни.

— Не знаю... У тебя ведь дети! Не делай этого!

Шамани Таллалу-Саргали выдохнула, пригляделась к Аратте.

— Зачем в тебе раскаяние? Да, я вижу. Ты знаешь что-то.

Аратта сидела молча, утирая слезы.

— Что ты знаешь? — требовательно спросила Линэ.

— Я ничего не знаю.

— Ты знаешь.

— Я не могу тебе сказать...

— Почему в тебе есть обман? Говори, иначе не будет в тебе больше жизни, — пригрозила Линэ.

— Так случилось...

— Нэй, знала ты! Ты видела его?! И знала ты, что нет смысла нам идти в Менаи!

Линэ еще сидела спокойно, но потом превратилась в истовую молнию ярости, когда уловила и поняла, что стала жертвой лжи; в ее *ахмаре* действительно было сброситься в воду, Линэ не шутила, и последние мгновения жизни придали ей чуткость и силу. Аратту же истощила нескончаемая внутренняя борьба, она утратила волю и контроль: все чувства начали исходить наружу. Возможно, здесь и сыграл роль тот самый извечный закон мира: тайное становится явным. Линэ поняла, что каким-то образом, но глубоко обманута Араттой, и это непосредственно связано со смертью Нислана.

— Грррррр, подлость твоя не видит меры.

— Линэ, ты послушай...

— О, да, шакаля дочь, я буду слушать, а ты говорить.

Линэ наступала на Аратту, и та попятилась на несколько шажков назад.

— Говори, что знаешь, иначе тебе сдохнуть, — вдруг Линэ ловко и быстро набросилась на нее, желая просто искромсать когтями.

Аратта поняла, что всё кончено, игра проиграна; она поняла, что раскрылась из-за жуткой нерадивости, безволия, наивной глупости. Испорчено всё: ничего хорошего не стало, лишь плохое. Она успела отскочить, потому Линэ с прыжка вскочила прямо в мелкую, прибрежную, спокойную воду, которой вскоре судилось упасть с огромной высоты.

— Знала я, что не принесете вы хорошего, а лишь подлость, — сказала Линэ, не оборачиваясь, глядя на воду. — Разве ты можешь называться «шамани», дочь подлости?..

Потом обернулась для того, чтобы достичь ее наверняка. Если еще не удрала. Нет, не удрала эта дочь подлости, в ней хватает наглости и тупости оставаться на месте. Ничего... Месть рядом.

Уши прижались, нос вдохнул много-много воздуха, глаза закрылись. Аратта чувствовала, как ей становится плохо, невыносимо плохо, как уходит от нее всякое намерение, контроль, что надлежит ей, Аратте, ее «я», и словно вселяется в тело и душу нечто иное, вовсе чужое ей, пронесится сквозь сердце и сознание жутким по силе ветром, вовсе неслышным, но оттого еще более сильным и ужасным. Силы играли с Араттой, а вовсе не она с ними. Ее гаснущему сознанию показалось, что настал час и она умирает; а в памяти всплыло одновременно множество образов, и все они оказались тяжелы и безрадостны, будто не было в ее жизни светлого, но лишь темное; образов было много, но везде в них скользил обман, будто всю ее жизнь она лишь всех обманывала, а они — ее, играя в некую тщедушную, безжалостную игру под названием «жизнь» в насквозь лживом мире. Нужно было как-то избавиться от этой муки, отогнать хотя бы на миг, но как это сделать — невозможно придумать, потому что Аратта уже утратила способность думать. Что остается? Лишь зарычать...

Она потом не могла вспомнить, как это случилось; пришла в себя лишь от сильной рези в глазах, чувства облегчения и слабости. Когда взглянула на мир, то перед Араттой расплывчато предстала картина: Линэ крайне неуверенно встает на лапы; ее саму не видно — лишь силуэт, что освещается закатным солнцем, и Аратта от этого света не может разглядеть ее глаз и ее облика. Наверное, львица утратила всякую ориентацию в пространстве и времени, потому шагнула вовсе не навстречу Аратте, а сначала в сторону, к шумящей воде, а потом и на восток. Поступь ее была легкой, по-детски беспечной. Линэ от инстинкта желала куда-то идти, но путь очень скоро прекратился, шаг был сделан в пустоту, и она как была, так и свалилась вниз.

Шамани Велари так сидела очень долго, слушая воду и плохо осознавая свое положение в мире. «Я сплю. Я во сне. Утратила волю над снами и теперь вот такое... это сон. Так, нужно глянуть вдаль. Вдаль...».

Попробовала. В сновидении Аратту сразу же бы притянуло к тому месту, куда смотрела. Или выкинуло домой, в обычный мир. Как? Нет? Не работает? Теперь вытянуть себя вверх, будто желаешь взлететь душой вверх через точку за ушами — так тоже можно, это верный способ попасть как в измененное состояние сознания, так и вернуться в обычное.

Но ничего не вышло.

Она вздохнула, шумно выдохнув. Попила чуть воды, осторожно глянула вниз, через каменный уступ. Но там лишь вода, много воды, и капли, что уже прекратили играть в лучах солнца — они уже туда не долетают.

Слабость одолевала. Аратта уже привыкла к силе, и не только к силе тела, но и той самой, что дала ей Зирэра — силе шамани. И только лишившись ее, сразу почувствовала большую утрату. Истощение оказалось очень сильным: хотелось прилечь немедленно и так лежать, не двигаясь.

«Что это я? Ослабла так...».

Гул в ушах.

«Да, так и есть. Я зарычала силой. Это был рык силы».

Аратта прилегла.

— Я убила Линэ, — вдруг тихо, безжизненно молвила она самой себе.

**

Ар-Дарраз сразу смекнул, что все события последних дней и сегодняшней ночи — это очень и очень кстати.

«Нет худа без добра», — думал он. Впрочем, худа для аршаха немного: все Саргали привыкли, что лев может погибнуть быстро и внезапно, потому не в их правилах слишком скорбеть. Павших в драке и бою они почитали, вовсе не считая такой случай трагическим. Единственное, что очень омрачало настроение львов и львиц — так это неожиданность, и, как они думали, тихая подлость убийства. Тем более, что у аршаха и не было особых приятных отношений с Нисланом и его родом.

Лично он не сомневался, что Нислана убили или некие случайные чужаки либо тот самый враг из Менаи-Саргали. Он вовсе не спешил послать кого-то, например посыльную, чтоб спросить аршаха Менаи об этом деле. Они теперь союзники, и всякие скандалы вовсе не на лапу в эти очень важные для Саргали дни, когда пришло время раз и навсегда разбить Союз, и поселиться на его обильных землях. Прайды Саргали стали слишком большими, а охотные земли — слишком маленькими...

Ар-Дарраз, молодой аршах, гордился собой. Практически, весь его план, направленный против Союза, был придуман им и только им, правда, не без помощи коварной, умной и прагматичной матери. Но она всегда оставалась в тени, никогда не мешая своему младшему сыну (двое старших вместе погибли в Морлае) и не затмевая его. Сначала план вырабатывался хаотично, случайно; первоначально было лишь желание поселиться на землях Иллари. Но желание желанием, а прайд Иларри — большая, серьезная помеха, тем более, что Ар-Дарраз практически ничего не знал о нем и о Союзе в целом. Он даже не знал, сколько в нем голов. Аршах не знал, чем живет и как живет Союз, готовы ли они драться, каков их дух и характер в эти дни... Его предки знали своих врагов, но он, сын иного поколения — нет.

Но в одну ночь Ар-Дарраз решил действовать по-другому, по-хитрому, что несвойственно льву-Саргали. Он собрал молодых львов и львиц, объявив, что нужны добровольцы для похода в Союз, но не с войной, а миром. Такое было весьма неожиданно, и некоторые зароптали, мол, как это — мириться с извечными врагами. Но на то Ар-Дарраз отвечал остро и умно: сильно преувеличил угрозу гунналов, что сейчас медленно, но верно начинали хозяйничать в Морлае; говорил, что из этого они извлекут много выгод и будут держать врага вблизи; кроме того, указания аршаха не обсуждают.

На вопрос «Кто пойдет?» вышла вся молодежь Таллалу, потому аршаху пришлось выбирать. Отобрав самых сообразительных и смелых, он отправил их. Они реально думали, что идут если не на смерть, то на смертельный риск, вовсе не считая, что в Иллари их примут мирно и поверят.

Аршах волновался за них, потому пошел за советом к Линэ, жалея, что не сделал этого перед этим.

— Как всё пройдет? Ты проведай, моя шамани.

Линэ сказала придти ему вечером. И вечером аршах получил ответ:

— Прекрасно.

Так оно и случилось. Шестерка вернулась живой, здоровой, с большой кучей впечатлений и бесценных сведений. Прозорливый аршах из их рассказов составил довольно цельную картину, из которой выходило, что Союз — в упадке и разрозненности.

— Их дренгир тешился, как львенок, когда узнал, что мы с миром и все Саргали ищут мира, — говорил предводитель группы.

В то же время Ар-Дарраз начал договариваться с остальными аршахами, предложив оставить за хвостом всякие споры о землях и старых обидах. И тут его ждало везение: Менаи согласились сразу — они всегда ненавидели Союз, особенно регноранцев; Ниснару тоже, им нравилась любая драка; Ордосс-Саргали немного поворчали, давали какие-то свои условия, но в целом чувствовалось — лишь стараются оторвать кусок побольше для себя, но не против поучаствовать в общем деле. Остальные два прайда Саргали слишком далеко от Союза, потому их не слишком интересовала вся эта возня. Ар-Дарраз попросил аршахов пока ничего не делать, но лишь поддержать в нужный момент. Еще знаком для Ар-Дарраза стало то, что в Менаи поймали львицу из прайда Регноран. Менаи-Саргали решили спрятать ее у себя и выждать, что будет.

Как ни странно, но о полных планах Нислана во всех прайдах Саргали, вместе взятых, знало лишь шесть голов. Все остальные просто знали, что ведется некая большая игра с Союзом, но вовсе не предполагали открытую вражду. Планы Ар-Дарраза предполагали множество хитрых и подлых вещей, а это ун-кхала, это не есть кхала, как сказал бы любой из Саргали. Открытая и смелая натура Саргали не предполагает всяких подземных ходов, как у крота.

И одной из таких вещей были эти походы во Иллари. Ар-Дарраз знал, что всеобщий закон вежливости и переговоров должен сработать, и после нескольких визитов Таллалу-Саргали илларицы должны тоже придти в ответ. Придет дренгир — отлично. Не придет, а пришлет лишь молодежь — тоже хорошо. В любом случае, союзных ждет смерть в первую же ночь во прайде Таллалу. Прайду объяснить такое убийство несложно: мол, выяснились новые обстоятельства, они желали здесь всё выведать, а потом совершить некое злодеяние. В общем, обставить такое в правильном свете очень просто. Небольшие сложности тут могут возникнуть с Линэ, ведь она не посвящена в планы, а ложь может учуять; но, в конце концов, она должна служить прайду Таллалу, так что в этом Ар-Дарраз большой проблемы не видел.

Понятно, в Иллари и Союзе начнут беспокоиться: куда пропали те, кто пошел к Таллалу? Вот тут уже по ситуации. В одном не сомневался аршах: союзные пойдут искать своих, и ищущих тоже надлежит убить. Это будет проще, чем обычно, ведь это им требуется сделать поход, придти на чужие, незнакомые земли... Так можно перебить пол-прайда Иллари. Или весь. Или, может, еще какая новая возможность появится.

В общем, Ар-Дарраз полагал: кто действует — тот и побеждает.

Но Аратта чуть сбила его планы. Даже не чуть, а совсем. Он понимал, что убивать ее — большая неразумность, а суметь использовать ее знания и силу было бы одной из лучших его побед, не говоря уже о том, что Аратта станет прекрасным источником сведений о Союзе вообще. Правда, задача казалась невыполнимой, невозможной. Шамани Союза не станут просто так служить ему. Требовалась хитрость, интрига... Но шамани провести вокруг хвоста много тяжелее, чем простую львицу. Получался замкнутый круг. Потому аршах думал, думал...

И теперь такую возможность, что дал ему вирд, нельзя отпускать из зубов. Аратты здесь нету, а ее друзья остались здесь. Без шамани.

Аршах велел позвать ему Хагала.

— Случай в моем прайде меня не радует, — начал аршах, остро глядя из-за гривы, что почти скрывала его глаза. — И мне выдается странным, что смерть Нислана так связана с вашим приходом в мой прайд. Цанна!

— Что лев думает? Да как?.. Что мы... что я?.. — совершенно и сразу сдал Хагал, сжался.

— Мои львы и львицы недовольны, и кхала Саргали требует мести в таких случаях, а месть слепа, и может...

— Лев желает приказать убить нас?.. — холодея, перебил Хагал.

— Не желаю, но прайд Таллалу может возжелать, — молвил аршах, лишь стараясь припугнуть Хагала, желая намекнуть, что Таллалу подозревают их в убийстве (хоть на самом деле такого не было). — И что мне делать?

Он хотел добиться лишь одного: убедить Хагала уйти со своей группой прочь, домой, оставив здесь Аратту, намекнув, что во прайде им угрожает опасность возможной несправедливой расправы. На самом деле Ар-Дарраз уже и думать не думал их убивать: он безусловно понимал, что союзных надо оставить в живых, ибо, если он убьет союзных, то Аратта точно не захочет иметь с ним дела.

— Я понимаю... Пусть аршах пощадит жизнь моих друзей. Я расскажу всё начистоту.

Аршах поднял бровь.

— Говори.

И Хагала понесло на откровения. Всё рассказал, ничего не забыл: как Тайназ убил Нислана и почему; как советовались, что делать; как Аратта вызвалась взять всё в свои лапы; как Аратта всем врала.

Ар-Дарраз сначала не поверил своей удаче и даже проскочила предательская ухмылка, но он быстро превратился в самую суровость:

— Вот как... И что делать мне с этим, как скажешь, союзный?

— Не знаю. Аршах решает, — сдался на милость судьбы Хагал.

И аршах действительно начал решать. Во-первых, он еще больше укрепился во мнении, что Аратту отпускать — безумие. О, она не промах, она оказалась смелее и преданнее, чем можно себе представить. Во-вторых, теперь есть более чем веский повод отправить эту пятерку домой. В-третьих, в Союзе будут невероятно рады тому, что их непутевые переговорщики так дешево и просто обошлись, и не сразу хватятся того, что Аратта больше в Союз не вернется. Не должна...

— Что ж. По обычаю, должен я немедля приказать спустить из вас всю кровь и оставить грифам. Но... но отношения со Союзом для меня важнее, чем смерть моего льва. Помни это, Хагал. Я не буду ничего говорить своим львам и львицам. Пусть во следующий раз приходит дренгир Иллари. Или сам конунг, если его честь изволит явиться. Аршах Таллалу-Саргали приглашает, от имени всех Саргали. Так и передай. А теперь немедленно бери своих и убирайся в родные земли.

— Но Аратта... она еще не пришла... — Хагал вконец потерялся.

— Немедля уходи. Иначе я долго не смогу держать ярость моего прайда. Аратте расскажу я, как всё случилось, и отпущу домой.

Хагал мучительно думал, чем всё это может обернуться для него лично в Союзе.

— Аршах не причинит ей вреда?..

— Клянусь кровью, что не причиню. Вот! Клятва аршаха для тебя, — и Ар-Дарраз тут же связал себя древней клятвой Саргали: расцарапал себе левую лапу. «Точь-в-точь, как делала Аратта при гадании», — вспомнил Хагал.

— Иди сюда.

Хагал смиренно подошел, и аршах оставил кровавый след на его плече и гриве. Он вовсе не давал пустое обещание: лживо клясться кровью он ни за что бы не решился. Просто вреда Аратте он действительно не намеревался причинить, ни на йоту. Потому клятва его — чиста.

— Этого достаточно, союзный, чтоб уверить тебя. Всё, следуй своим следам назад. И пусть твоя голова не забудет, что я жду дренгиров или конунга.

К своим Хагал вернулся совершенно потрясенный и подавленный. Он быстро-быстро собрал всех в круг.

— Так... Так! Мы должны немедленно уходить.

— Ты чего, спятил? Аратта еще не пришла! — Луана, дочь дренгира, всегда умела думать не только о себе, но и о других.

Подал голос Тайназ:

— Ага. Сейчас. Без нее я не пойду.

— Ты... Тупая твоя голова! Аршах знает, что это ты убил Нислана, и ты уж лучше прикрой рот, потому что из нас ты наступил в дерьмо больше всех! — набросился на него Хагал, да так, что Тайназ даже не решился его ударить за такие слова.

— Он знает?! — в унисон изумились Луана, Бастис и Саймири.

— Да. Да-да-да. Сказал, чтобы мы уходили, иначе здешние нас скоро разорвут на игрушки для львят. Он сказал, что отношения с Союзом ему дороже, чем смерть льва его прайда. О как! Вы даже представить не можете, как нам повезло. Так что всё, уходим.

— Но что будет с Араттой? Как можно ее бросить? — нахмурилась Саймири. — Я без нее не пойду.

— Да. Я тоже не пойду. Он нас отпустит, а ее убьет. Это ж очевидно. Он поймет, что она лгала всё это время, — молвил Бастис и сел в знак серьезности своего намерения.

Тайназ сидел, сжав зубы.

Хагал упал в состояние, близкое к истеричному безумию:

— Каждый здесь считает себя самым умным, ага! Самым честным и правильным! И все полагают, что тупой Хагал лишь только придумывает, какую глупость еще совершить! Он поклялся мне, вот, глядите, — он показал свое правое плечо, где был след крови аршаха. — Он поклялся мне, что отпустит Аратту! Подумайте своими головами: если он отпускает нас, то и ее отпустит. Отношения с Союзом для него дороже! А нам оставаться тут — смерти подобно!

Луана изрекла, подумав:

— Разумно. Клятва аршаха — это много; то, что он нас отпускает — много; но нужно увериться, что они ее действительно отпустят. Надо увериться.

— Как? Ну и как?! — Хагал теперь набросился на Луану.

Она отпихнула его, как ненужную, надоевшую вещь.

— Да не верещи ты... Думаю... Мда, никак. Всё-таки нужно идти.

— О чем я и говорю!

— Надо подождать ее у границ Таллалу, — обратилась Луана к остальным.

— Она может пойти другим путем, и мы упустим ее! Кроме того... — перевел дух Хагал. — Кроме того, аршах поручил мне сказать дренгиру Иллари... и конунгу... Конунгу! Что аршах их ждет!

Тайназ, до того молчавший, сказал:

— Как тебе может что-то поручить аршах? Он чего, твой правитель?

— Заткнись!

— А может, ты всё нам тут наврал?

— Грррр, — зарычал Хагал, полный ярости.

— Слушай, Тайназ. Ты — лев-проблема, — ударила его лапой по морде Луана, не очень сильно, но больно так, веско. — Ты создал нам множество неприятностей. Из-за тебя мы сейчас должны спешно убираться домой, из-за тебя аршах вряд ли в восторге от нашего визита, из-за тебя Аратта сейчас шакал знает где. И я не уверена, что у нее всё хорошо. Я не говорю, что Хагал был безупречен, но то, что мы до сих пор живы — его заслуга, и проси судьбу, чтобы в Союзе тебя не изгнали вон, когда мы расскажем о твоих приключениях. Проси судьбу, чтобы мы не рассказали всей правды.

Тот как-то внутренне сдался, притих, утратив чувство уверенности и ощутив на себе тяжкое бремя. Хотя, по сути, всё он делал по чести — Нислан сам искал повода для смертной драки.

— Эй, союзный, что с именем Тайназ! Аршах зовет тебя, — львица-Саргали грубым, рычащим голосом издали обратилась к их компании. Среди Таллалу все хорошо знали указ аршаха не подходить близко к союзным и без нужды с ними не говорить.

— Ну, большой привет, — вместо напутствия молвил ему Хагал, когда львица отошла прочь, поняв, что зов принят. — Если он тебя убьет, я недолго буду реветь.

— Хагал! — сурово оборвала его Саймири. Потом обратилась к Тайназу: — Иди с удачей. Она тебе понадобится.

Тайназ шел среди любопытных взглядов. Какой-то вредный львенок неслышно подкрался сзади и дернул его за хвост. Когда это удалось, то пустился наутек. Путь неблизкий, от утеса аршаха до места, что определили для их группы, нужно пройти; Тайназ заметил группу из шести молодых львов, которых раньше не видел; они зло и насмешливо смотрели на него. «Наверное, вернулись с обходов, с гор...», — подумал он.

Он предстал перед аршахом. Когда он пришел в его пещеру, то аршах сидел у входа, и рядом с ним находились его две львицы. Одна тщательно вылизывала лапу, вторая всячески искала внимания Ар-Дарраза, используя различные нежности, но безуспешно — он принимал их, как должное, но думал о своем. Еще недалеко была мать и грелась на теплом камне, что остывал — закат почти превратил день в ночь.

— Неали, Сизэ — уйдите, прошу вас.

Львицам пришлось удалиться. Мать и сам аршах остались.

— Расскажи, как было.

Не зная, как начать, Тайназ всё же начал:

— Я пошел посмотреть на земли... У меня не было плохих намерений. Просто себе гулял. Это было сразу после заката, стало уже темно. Нислан первым меня заметил, там, возле реки, и спросил, почему здесь «мои грязные лапы». Так и спро-

сил. Я ответил, что мне не нравится такой тон. Он сказал, что тогда мне понравится его клык у меня в шее. Я его за эти слова и убил. Не вижу тут несправедливости.

— На тебе ни единого знака. Как ты его убил?

— Так... Молча.

— Тяжело верить в такое. Львы после драки получают раны, а на тебе ни одной, ни царапины, — заметила мать Ар-Дарраза.

— Мы не дрались, я его просто убил.

— Отчего ты Аратту решил использовать в своих лжи и страхе? — аршах намеренно поставил вопрос именно таким образом.

— Я не просил ее, она сама на такое решилась. Сказала, что таков ее долг.

— Хорошо. Ступай.

Когда Тайназ ушел, аршах вскинул лапу и молвил:

— Мать моя, смотри. Нет ценнее львиц, чем такие, как Аратта, а еще более, если они — шамани.

— Я вижу. Но как ты хочешь ее взять к нам во прайд? Отчего вздумал, что она даст согласие?

Он уверенно молвил:

— Посмотрим...

— А как будет с Линэ?

Он уже не так уверенно молвил:

— Посмотрим...

**

Аратта от присущего ей фатализма думала, что уже всё — она утратила всю силу навсегда, и после такого истощения ей и думать нечего о том, чтобы обрести ее назад. Но силы оказались равнодушны к поступкам и чувствам, стали возвращаться к хозяйке: сначала медленно, потом всё быстрее. К утру Аратта уже не чувствовала слабости. Оказалось, что сила возвращается охотно, быстро, без трудности.

«Нужно возвращаться в Таллалу, и побыстрее», — решила она, потому как это было единственно возможным решением.

Что стало с Линэ, она смотреть не пошла. И так всё ясно.

Она очень боялась, что не запомнила пути назад; но страхи ее оказались напрасны. Выяснилось, что и здесь, как и повсюду, есть свободные львицы, которые знали всё и про всех. Они и указали ей путь в Таллалу, подробно его описав.

Аратта с опасением ступила на их земли. Но делать нечего.

«С какой-то стороны даже хорошо, что Линэ нету среди живых. Теперь вряд ли кто узнает правду... По крайней мере, мои — в безопасности».

Но оказалось, что ее друзья более чем в безопасности. Когда она пришла к аршаху и низко, до земли поклонилась, возвестив о своем слишком быстром и неожиданном приходе, то узнала, что:

— Твои ушли, Аратта, — с грустью и сожалением молвил он.

— Куда ушли? — тут же заподозрила неладное шамани Велари, не ожидая ничего хорошего от этих дней и этих земель.

Аршах глядел ей в глаза и веско молвив каждое слово:

— Прочь. Домой. В Союз.

— Почему? — растерялась она и села. «А... как же я?», — проскочила крайне банальная и весьма болезненная мысль.

Он очень старался говорить с непониманием и сожалением, и у него получалось:

— Не знаю. Так решили. Сказали, что гостевать им хватит, могут уже идти, ну а ты и сама потом подойдешь.

— Вот как... — закивала она головой.

Ар-Дарраз не спешил подталкивать ее к правильному выводу; хитрый и ловкий, он понимал, что тут важна его выдержка и ее самостоятельное решение.

— Ты можешь отдохнуть в моей пещере после долгой дороги.

— Спасибо, но я пойду отдохну там... на нашем месте...

— Это большая честь — отдохнуть в пещере аршаха. От нее не смеют отказываться, — заметил Ар-Дарраз, но не сурово, а очень мило, по-доброму.

— Пусть лев меня простит... Благодарю, — решила не претить ему Аратта.

Глядя в землю, она зашла вовнутрь и скромно улеглась у самого входа, в уголке, обняв лапами какой-то теплый камень.

— Кстати, вы очень рано вернулись. Что-то случилось?

— Да. Я пришла одна. Линэ прыгнула с Нахмэ-Валару. Она лишила себя жизни, — закрыла глаза Аратта и крепче обняла камень.

Просто не веря своим ушам от такого неожиданного везения, аршах надолго лишился дара речи. Аратта учуяла радость аршаха и открыла один глаз, думая, что этих Саргали действительно сложно понять. Ар-Дарраз понял: вирд дарит ему эту Аратту, ее нельзя упускать!

— Ты говоришь, прыгнула в водопад?

— Да. Я думала, мы пошли туда случайно. Она решилась. И прыгнула...

Вокруг Аратты быстро собралось десятка два Саргали, в том числе — родственники Линэ. Она бесстрастно и устало рассказывала им историю Линэ, что была почти правдивой. Издав прощальный рык и посетовав, что союзные принесли с собой одни беды, Саргали разошлись.

Аратта же осталась возле пещеры, никак не в силах понять, почему Хагал, Луана, Тайназ, Бастис и Саймири ушли. «Они что, как-то поняли, что о Тайназе узнали правду? Или действительно трусливо смылись, не желая тут пребывать? О судьба моя, неужели они побоялись остаться и бросили меня одну?.. Я не нужна им... Я не нужна тебе, Тайназ, да? Ты решил меня бросить, так ведь? Вы оставили меня одну среди этих Таллалу-Саргали, что чужды мне, которых я не знаю? А вдруг они решат меня убить? Ничего, будет тогда другая шамани Велари... Они ведь должны служить прайду, а когда не нужны, так и шакал с ними...».

Она пустилась в жалость к самой себе, хоть и знала, что это — недопустимо. Не потому, что это плохое качество, просто такие чувства крадут силу шамани.

«Когда-то шамани были в глубоком почете. Их любили и боялись. Ну, а теперь? Теперь, оказывается, быть ею — пустяки. А может, я плоха? Возможно, нет во мне силы, и меня не принимают всерьез?», — подумала Аратта, привыкшая нести ответственность за свои неудачи, успехи, за саму себя.

Но она быстро обрела над собой волю и начала думать, не поддаваясь потаканию себе и своей слабости. Незаметно утерла слезы, хоть рядом никого не было.

«Ладно. Нужно идти домой. Во Велари. Сама пойду, сама и справлюсь. Шакал поberi все эти походы. А Хагал не станет дренгиром. Я расскажу правду о его трусливом поступке. Если поймут и сделают выводы. Тайназ, Бастис, Хагал, Луана и Саймири — еще не весь Союз. Еще не весь прайд Велари... Я — его дочь, львица Велари».

— Аратта, — аршах как-то очень тихо подкрался и дотронулся к ее спине. Аратта вздрогнула от неожиданности.

— Да?

Он повернул голову чуть набок, как любопытный львенок.

— Как будешь делать?

— С разрешения аршаха, я пойду домой, — вздохнула Аратта.

— Тебе не надобно моего разрешения, чтоб вернуться домой. Но... но хочешь ли ты этого?

Львица поцарапала когтем камень и искренне ответила:

— Я думала над этим только что...

— Не буду ходить вокруг, — Ар-Дарраз решил валить буйвола одним ударом. — Я аршах и лев. Предлагаю тебе остаться. Тем более, что Таллалу-Саргали утратили свою шамани. Я предлагаю тебе стать частью Таллалу и стать его шамани.

Аратта почему-то совсем не удивилась, хоть и не предполагала такого развития событий. Она долго думала; это навело аршаха на мысль, что всё удалось окончательно и бесповоротно.

— Это честь. Но — нет. Я должна вернуться домой, — наконец, отказалась она.

— Твой будущий правитель Хагал поступил с тобой подло. Я знаю, что он должен стать аршахом Велари...

— Дренгиром, — невольно поправила Аратта.

— Дренгиром. Ты хочешь жить во прайде, где таковы правители, где такие львы и львицы?

— Нет, не хочу. Но он — еще не все Велари. Велари — сильный и честный прайд. Кроме того, я не могу стать шамани Таллалу, если бы даже хотела...

— Почему?

— Я не львица-Саргали.

— Это чепуха. В тебе больше кхалы, чем в любой из моих львиц. В любом из нас важна лишь кхала.

— Ценю слова аршаха. Но не могу.

— Цанна, почему?

— Так... — молвила Аратта, снова царапнув камень. Как можно быть шамани прайда, который обвела вокруг хвоста и которому без совести врал ради другого прайда?

Он долго смотрел на нее.

— Хорошо. Отдохни до утра. Нехорошо идти в путь вечером. Всё обдумай. Я приму всякое твое решение, Аратта неустрашимая. Отдохни...

И сон... Аратта уснула, устало и спокойно, не тая в себе тревоги — она устала ее предсказывать и чувствовать. Ей снился родной прайд. Снилось, что она вернулась, все рады ее возвращению, и она даже не зла на Хагала и помирилась с ним.

Вечером она встала, потянулась, тихо ушла попить воды, вернулась назад. Ее уже ждал аршах, его две львицы, что очень недовольно и ревностно глядели на нее, и мать Ар-Дарраза. Тот обеспокоился: подумал, что Аратта ушла прочь.

— Куда уходила ты?

— Пусть простит меня аршах. Хотела пить.

— Так что скажешь ты? Согласна ли? — спросил вовсе не аршах, а его мама.

Что тут утаивать. Конечно же, она не может согласиться. Что дергать их за хвост? «Так и скажу. Чего ждать до утра... И будь что будет».

— Я не могу стать шамани Таллалу, — твердо ответила Аратта.

— Но ты подумала хорошо? — с истинным сожалением спросил аршах.

— Да. Не могу я. Думаю, каждый и каждая Саргали поймут, что такое преданность.

— Понимаю... Что ж, аршах обещал, что примет каждое твое решение. Так и будет.

— Благодарю аршаха.

Мать аршаха еле заметным кивком поманила сына за собой. Они отошли на приличное расстояние, где никакие уши не могли их услышать.

— Она не согласится.

Немного помолчал. Потом со злостью ударил лапой землю, подняв пыль.

— Она не согласится! — пожаловался Ар-Дарраз, точь-в-точь как капризный львенок. — Нэй, уж да. Мое намерение оказалось пустым.

— Придется ее убить, Дарраз, — с чувством опыта жизни молвила мама.

— Истинно не желаю такого. Не должны мы ее убивать. Я не хочу такого, и так не будет.

— Но тогда твой план изошел в прах, — дотронулась она кончиком носа к его шее, потом пригладила по лапе.

Он резко возразил:

— Не изошел, мать моя. К нам придут дренгир или сам конунг Союза, уверенные в нашей дружбе, как никогда. Ведь мы отпустили их львов и львиц после такого преступления.

— Ладно, пусть. Но эта Аратта видит и знает слишком многое. А когда встретится со своими друзьями дома, то они поймут, откуда дует ветер. Послушай, сын мой...

— Я клялся, что не будет ей вреда.

— Вреда от тебя. Но я расскажу роду Нислана правду о ней. О том, как скрывала она тайну смерти Нислана. И они убьют ее, это лишь месть за ложь.

— Мать моя, глупо это. А потом род Нислана спросит, отчего мы так долго молчали и откуда это знаем. Тогда они тоже будут знать слишком многое. Пусть смерть Нислана будет тайной.

Они постояли вместе, каждый — в своих раздумьях.

— Пусть идет, — повторил Ар-Дарраз. — Она будет хорошего мнения о Таллалу-Саргали, это безусловно. Она станет лучшей защитницей наших поступков там, в Союзе. Поверь мне, мама. Я возьму ее слово, что она не будет рассказывать ничего... Она сдержит его.

Мама взмахнула хвостом, нахмурившись, желая, чтобы сын стал более рассудительным. Как и все матери, она никогда до конца не была довольна поведением своего сына.

— Она лишь принесла нам неприятности, а ты так желаешь ее спасти. Погляди: солгала всему прайду о Нислане и с нею погибла Линэ. Теперь Таллалу-Саргали без шамани и откуда тебе взять другую? Что скажешь?

— Линэ сама лишилась жизни от тоски за Нисланом.

— А откуда знаешь ты? — сощурилась мать.

— Не думаю, что ей был смысл врать, а тем более убивать Линэ.

— Кто соврал раз, тот врет без остановки, — мудро заключила мать. — Впрочем, ты аршах. Решайся.

— Пусть идет. Нэй, я решил! Ничего не говори роду Нислана. Я дал клятву аршаха, что Аратте не будет вреда, и не будет ей вреда. В ином случае я бы подумал, но здесь поклялся.

— Вот и глупая твоя голова. Цанна, придется ей следовать. Таллалу держат свои клятвы. Впредь умнее будешь, клятвами бросаться не станешь и, нэй, всяких львичек, что впали тебе в глаз, опекать перестанешь. Молодость — она ведь глупость. Что, сын мой, понравилась она тебе? Хочешь ее? Ты на правду говори.

— Хочу, — не стал отрицать очевидного Ар-Дарраз.

— Так пойди и возьми, а не делай ее шамани Таллалу. Или сначала бери, а потом делай таковой. Если будет послушна. Умнее будешь впредь...

Мать, гордо взмахнув длинным хвостом, ушла, оставив сына сам на сам с огромными горами и бесконечным небом.

Ар-Дарраз ухмыльнулся.

«С чего взял я, что она согласится? Действительно, дурак. И вообще, затея глуповатой оказалась... Но кто не ошибся — тот не научился», — вздохнул он и начал возвращаться к своему утесу.

«Но в целом, всё вполне хорошо. Нужно дать посыльную в Ордосс... У них есть амарах, а у нее — несколько учениц. Мой прайд не может надолго оставаться без шамани».

**

Когда Уруз узнал от посыльной, что Этиайнен с радостью и улыбкой отпустил Хагала, Аратту и Бастиса вместе с Луаной, Саймири и Тайназом к севернякам, то не смог вымолвить и слова. Но лишь на короткое мгновение. Потом от него изшел жуткий поток ярости и ругательств, самым приличным из которых было:

— Этиайнен — редкий дурак! Как он мог отпустить моего сына к севернякам?!

Когда узнал, что всё это действие — с согласия и подачи конунга, то еще больше рассвирепел и немедленно отправился в Хартланд выяснять все обстоятельства. Уруз — опытный дренгир, с холодной головой и циничным умом. Он знал, что никому нельзя верить, а особо таким заклятым врагам, как северняки. Не зная всех обстоятельств, он знал одно — этот «поход» — глупейшая ошибка, которая может стоить жизни всем шестерым.

Примерно в то же время внимания конунга Амана незамедлительно потребовала Скади, которую в последнее время он вообще практически не видел. Он сидел на скале и играл со своей маленькой дочерью, как прибежала она, полусумасшедшая:

— Мой конунг, это безумие. Это безумие почище, чем мое лакание наралэ каждый день в этом мире! Наверное, конунг тоже стал его лакать и выдумывать всякие глупости?! Я могу делиться, оно у меня получше выйдет!

— Что такое, Скади? — вежливо осведомился Аман, вовсе не удивляясь своей шамани. Он привык к ее странностям; кроме того, она не раз ему помогла, в том числе и в одном очень щекотливом деле. Потому он не мог ее грубо оборвать.

— Лев отправил молодежь к этим вонючим севернякам!

Аман кивнул:

— Так и есть. А что такое?

Скади, широко расставив лапы, испугав бедную дочурку конунга (та убежала прочь в страхе), выпустив когти, орала на весь Хартланд:

— Северняки коварны и хитры! Они же в опасности! Зачем мой конунг послушал тупого, как нога слона, Этиайнена?!

— С ними Аратта... — первое, что нашел ко слову Аман.

— О, мой шакал, потому я и кричу здесь. Потому, что там Аратта! Пусть сдохнут остальные, пусть Союзу их не жалко, но не дитя Амаринэ! Ибо другой такой конунг не найдет!

— Погоди, Скади. Тихо... Не всё так плохо. Ты что-то узнала? Аратта ведь сможет им помочь в случае опасн...

— Да что лев говорит! Аратта не спасет их, Аратта — доверчивое, доброе дитя, которое бросили в детстве на произвол жизни! Она еще не успела твердо стать на лапы. Пусть конунг не говорит об Аратте. Пусть не говорит. Я упрашиваю судьбу, чтоб ей хватило сил на все те испытания, что предстоят, — Скади мгновенно обессилела, сжалась, а потом — о, странность! — прилегла, вытянув лапы.

— Да с чего ты взяла, что они ей предстоят?

— С того, что умеет Скади много больше, чем умеет конунг. Скользить по ветвям древа мира — не валяться на скале! — очень зло молвила она, сверкая большими глазами снизу вверх, а потом сорвалась на лапы и убежала прочь, вниз.

**

Elhaz (Goetic Experience) — The License to Depart

Аратта поднялась на рассвете, мило попрощалась с аршахом и его матерью, и отправилась в путь, домой, во прайд Велари.

«Странно, что вокруг никого нету. Видимо, он приказал всем попрятаться, чтобы я смогла спокойно уйти...», — заключила шамани Велари и идти почему-то от этого стало веселее.

День оказался на редкость светлым, солнечным, без единого облачка.

Она старалась высмотреть, где находятся ее друзья. Где Тайназ? Хагал, Луана, Саймири, Бастис? Но они не ждали сразу за землями Таллалу.

«Таки пошли себе домой... Ну и гиена с ним. Буду знать, что они за друзья... Эх, Хагал, а бросит тебя твоя Луана — ведь не стать тебе дренгиром. Я позабочусь об этом. И тебе, Луана трусливая — не стать львицей дренгира. Тебе, Бастис, что не имеет памяти на спасение... Тебе ничего. Будь себе просто трусом и живи дальше, шакал с тобой. Саймири... Дети у тебя, Саймири, потому тебе больше всего понимания я уделю. Тайназ... Но кто угодно, только не ты, ведь думала я — ты любишь меня. Но ты оказался лжив и труслив, и знаю я, как ты убил Нислана — так же подло и трусливо, ха-ха. Ты не пошел искать меня, я знаю, а пошел вместе со всеми. Откуда знаю? А что ж меня шамани называют, за полоски на левой щеке? Так я их не ношу, хоть ты мне и приказывал носить их, но я не буду, потому как истинную знающую видно с глаз, а не с полос на щеке...».

Она лишь мельком зашла в Иллари, и даже не помнила, что там делала. Саймири ей на глаза не попадалась.

Потом зашла в Хартланд, и конунг был очень рад ее увидеть. Она сказала:

— Последняя из группы возвратилась. Теперь, мой конунг, мне время идти домой.

— Конечно, конечно, — засуетился тот и почему-то предложил ей пять львов для охраны в пути к Велари-прайду, но Аратта, конечно, отказалась. На то она и неустрашимая.

Когда пришла домой, то одной из первых ее встречала Меная. Еще почему-то очень радовалась ее приходу Айная. Они так вот трое сели, и Аратта начала рассказывать им о своих приключениях в неизвестных и далеких землях прайда Таллалу-Саргали, рассказывать, как странно говорят эти северняки и как она ловко спасла Тайназа от расправы, хоть он и не оценил ее жертвы, ну да ладно... Менае очень понравился ее рассказ, она похвалила Аратту и лизнула в щеку, отчего шамани очень захотелось заплакать, и она решила не сдерживаться. Зачем, если делала это столько времени и столько всего пережито?

И Аратта, конечно же, заплакала. Только Меная почему-то такая холодная... Чего она похолодела? Умерла в объятиях Аратты? И серая...

Тут-то стало понятно, что обнимает она вовсе не Менаю, а тот самый камень, что был таким теплым в этот день, но остыл ночью. И она снова заплакала, уже не во сне, а вживую, продолжая обнимать камень, и ее раздражало, что камень так холоден и нужно греть его, чтоб он отдал хоть толику тепла, что некому пожаловаться и не с кем поговорить; но потом поняла, что он и только он сейчас есть ее другом, никуда от нее не уйдет и точно не предаст, потому как не умеет такого делать...

Аратта поняла, что может разбудить аршаха своим тихим плачем, потому успокоилась, полежала тихонько.

«Пойти прямо сейчас, что ли? Ай, нет. Смысл? Хотели бы эти изгнать или убить, так уже б сделали... Утром пойду. Эти Саргали, как ни странно, обошлись со мною наиболее хорошо...».

Она спала беспокойно до самого рассвета: ворочалась с боку на бок, несколько раз ходила пить и вообще, уже хотела уйти — стало неудобно. Аратта просто не хотела уходить внезапно, без прощального слова, поскольку не собиралась оставлять напрочь плохой след во прайде Таллалу; она и так не принесла ему ничего хорошего... Аршах еще спал. «Подожду, пока проснется».

Аратта зевнула, потянулась, села, распутив хвост по земле. Горный воздух раннего утра бодрил. «Как они могут спать в таких холодных пещерах? И вообще, здесь по утрам зябко».

Вдруг она заметила, что к пещере аршаха направляются двое. Первый — лев-подросток, ему грива прикрывала лишь уши и часть шеи. Это местный, его Аратта узнала. Вторую — это старая, хромя львица-Саргали — Аратта не знала и могла поклясться, что никогда в жизни не видела.

— Красивого тебе утра, Аратта! — первым обратился к ней лев, когда они подошли на три-четыре прыжка.

— Сильного тебе утра... — шамани Велари уже знала, как отвечать.

— Аратта ты зовешься, маасси? — спросила львица.

Шамани рассмотрела ее. Это старая, довольно большая (как для здешних) львица, с каким-то растерянным и бегающим взглядом; у нее на мордочке остались следы былой красоты молодости. Маленькие, темные уши, обычные для всех львиц-Саргали, были прижаты в знак непонятной скорби. Она сильно хромала на переднюю правую лапу; Аратта удивилась, что она чуть распускала лапы и выпускала когти при каждом шаге; так тут делали лишь молодые львицы, а львицы возраста силы и старые львицы считали для себя неуместным следовать этой игривой привычке молодости.

— Да, — тихо и мягко ответила Аратта.

— Тебя не знают мои глаза.

— Это шамани из Союза, она пришла с миром от ее правителей, — предупредительно и вежливо объяснил старой львице молодой лев.

— Аааа... Союзная. Никогда не видела, — чуть оживилась львица. — Ты не против немного побеседовать?

— С удовольствием, но с кем имею честь?

— Ой, не имеешь большой чести. Зовусь я всего лишь Асгарда.

А вот тут Аратта могла поклясться, что слышала это имя, только в упор не помнила, кому оно надлежит. Пока вспоминала, Асгарда осведомилась у малого льва:

— Что, аршах спит у себя?

— Именно.

— Айна, придется разбудить. Ох, нэй. Пусть меня извинит, но дело мое ждать не может...

Но Ар-Дарраз, услышав шум и разговор, вышел сам, зевая.

— Аааа... Честь видеть тебя, амарах Асгарда, — сразу присмирел он, когда увидел, кто к нему пожаловал.

Асгарда долго глядела на него. Аратта скромно сидела в сторонке.

— Ты знаешь, отчего я пришла?

— Знать не могу, но догадываюсь. Да, так это. Линэ лишила себя жизни, спрыгнув в Нахмэ-Валару. Нислан погиб, и она решила уйти за ним. Эта львица Аратта всё видела и может рассказать.

— В Нахмэ-Валару... Значит, ты всё видела? — скорее утвердительно, нежели вопросительно сказала Асгарда.

— Да, я видела.

Шамани Велари не волновалась. Она уже устала волноваться. Аратта желала сейчас лишь одного: придти к себе домой и хорошо отоспаться у своей скалы — на чужой земле спалось плохо.

— Ох, дитя мое хорошее... Уши Асгарды не хотят слышать этого, и ты не хочешь будить плохие воспоминания, но должна я знать, как всё стряслось. Идем. Асгарда старая, больная львица; не ждала, что переживу свою ученицу... Пошли, всё расскажешь мне. Нэй-нэй-нэй... Ты идешь?

— Иду, конечно иду, — Аратта послушно следовала старой львице.

Аршах и молодой лев остались у пещеры.

— Смею заметить, Асгарда так постарела...

— Да уж, нескоро я думал ее такой увидеть, — молвил аршах, проводив их взглядом. Асгарда и Аратта скрылись за краем утеса.

Выяснилось, что Асгарда желает оказаться на самой верхушке утеса аршаха. По правде говоря, Аратта сама не раз подумывала туда забраться, из любопытства, ибо вид обещал быть захватывающим. Аратта долго и обстоятельно рассказывала старой шамани всю историю от начала и до конца; у них было много времени, потому как Асгарда карабкалась вверх медленно и вяло, часто останавливаясь и вздыхая. Честно говоря, ей не слишком-то и хотелось проводить много времени с Асгардой, но из некоего запоздалого чувства долга перед Линэ и всеми Таллалу-Саргали Аратта желала оставить по себе лишь добрую память, и решила снести последний день в Таллалу стойко и с честью; конечно же, Аратта учла ошибки прошлого, и не стала больше поддаваться чувствам: лгала ровно, обыденно и уверенно, как и долж-

на врать шамани. Она понимала, что от этого будет больше пользы, чем от голой правды, что из игры нельзя выйти просто так, что все дела нужно доводить до конца. Она сознавала, что всё вышло грубо и гадко, но попыталась сызнова утешить себя — ее вели долг и любовь. Или любовь и долг. Где ж ты, Тайназ, неужели не стыдно тебе?.. «Ах, ничего. Я сильна. Лучше сделать и пожалеть, чем не сделать... А что, жалею я? А смысл? Ведь и снова поступила бы так же...».

— Никто не знает, кто убил Нислана. Но Линэ гадала на костях и подозревала, кто это может быть. Будь я чуть ближе к Линэ, то смогла бы спасти... А львица знает, Нислан действительно с кем-то враждовал из Менаи? — говорила Аратта.

— Ох... Да тут половина прайда имеет врага в Менаи, что тут скажешь.

Карабкаться по обратному склону утеса оказалось не так просто. Аратта вскарабкалась на дерево со странным, кривым стволом, чтобы рассмотреть мир вокруг получше и понять свое место в нем. По склону шли глубокие рытвины, оттого их путь оказался труднее, и сложно было понять, сколько еще осталось до голого каменного края, после которого — обрыв.

— Осторожно, маасси, не свались. Тебе еще львят рожать, побереги себя, — участливо подбежала прямо под ствол Асгарда, глядя вверх.

Аратта чуть улыбнулась и с ловкостью молодости соскочила оттуда.

— Да как знать, когда это случится, — вздохнула шамани Велари. Она вдруг подумала, что совсем не против... совсем нет. «Я готова. Я бы хотела этого... Иметь детей и никогда-никогда их не бросать».

— Случится-случится. Четыре луны ждать осталось.

— То есть? — поджала лапу молодая львица.

— Нэй, в тебе уже не одна, а несколько жизней.

— Почему львица так думает? Я ничего не чувствую.

Асгарда устало молвила:

— Что мне думать. Знаешь, скольким жизням я помогла придти в мир? Ой, считать собьемся, я столько не умею считать. Сразу вижу. Да идем, идем, чего ж тут такого странного.

— Ой, я просто не думала...

Асгарда остановилась и села, смеясь.

— Все вы вот так. «Ой, я просто не думала...». Ничего нового за столько лет.

— Надо же... Тогда пусть так.

— Пусть так, — улыбнулась Асгарда. — Айна, Аратта-маасси, мы не закончили наш путь.

Остальную часть пути Асгарда давала какие-то смешные советы по воспитанию детей; Аратта смеялась и не воспринимала их всерьез, приговаривая, что, мол, это может быть ошибкой и она совсем не беременна. Асгарда же говорила, что ей так просто не отвертеться, так что пусть лучше молодая шамани готовится.

Там, наверху, дует сильный ветер и много свободы — столько не найдешь на земле и равнине. Аратта села, не желая никуда идти; села и Асгарда, покачивая головой, словно утверждая молчаливую и величественную красоту мира перед своими глазами.

Аратте почему-то вспомнилась Скади, ее тяжкие глаза безнадежной мечтательницы и сновидицы.

— А я понимаю теперь Скади... Есть один из миров, так там повсюду — одни сплошь коричневые горы, огромные-огромные и безумно большое солнце на крас-

новатом небе. Я раз была в нем; потом целый день ходила среди прайда, ничего не понимая — только он стоял перед глазами. Такое зрелище стоит всей жизни...

Асгарда глянула на Аратту.

— Амарах Асгарда была в нем? — ответила ей взглядом шамани Велари.

— Да, я была во всех мирах древа мира.

«Поразительно... Скади тоже говорила о древе мира», — отметила для себя Аратта, но своего удивления не выдала.

— Скади говорила, что их девять.

— С нашим — десять. Не забудь о своем доме, маасси. Мы не можем избежать нашего мира. Потому нужно превратить странствие по нему в такое же приключение, как и по остальным девяти. В этом и есть суть нашего знания.

— А как львица думает? Их больше на самом деле?

Амарах засмеялась.

— «На самом деле»... Шамани, даже молодой, не пристало говорить такие бессмысленные слова: «На самом деле...». Следуй моему следу, маасси. Я тебе кое-что покажу.

Аратта так и сделала, но робко остановилась, когда Асгарда подошла прямо к самому краю обрыва, без страха выглядывая через край. Этим она напомнила львице Велари ту самую смелую, молодую львицу, что сидела на камне, которую она видела в первый день.

— Пусть львица будет осторожна, — Аратта испугалась возможной глупой смерти Асгарды.

— Ай, нэй, что мне, старой и бесполезной... Погляди туда. Вниз. Видишь, какие они маленькие?

Это Асгарда указывала на львиц Таллалу, что, не подозревая ни о чем, ходили и бегали далеко внизу, в сотне прыжков.

— Они там. Они рождаются, стареют и умирают — живут. Но мы здесь, наверху, среди вершин гор, что в холодном снегу. Он холоден, Аратта, воздух здесь холоден и дует ветер. И что скажешь ты, Аратта-шамани — где лучше?

— Я... Я не знаю. Я когда-то думала, что здесь, наверху. Я стремилась наверх, потому как мне приказала так судьба и вели туда следы Амаринэ...

— Но здесь слишком много свободы, слишком холодно и глаза, что всегда смотрят на солнце, те слепнут. И ты смотришь вниз... Хочешь к ним, туда. Там теплее, уютнее, не видно чужих миров и есть с кем поговорить. Знаешь, вот с ними весело так... когда всё хорошо. Когда ничего не надо, когда не голодна, а опасность далеко. Они шутят, обнимают, и тебе тоже кажется, что идешь с ними, и всё так ладно. Ты скучаешь за этим и спускаешься вниз, но иной тропой. Тропу, что ведет тебя наверх, зовешь ты путем знания... Тропу, что ведет вниз, назовешь ты преданностью прайду; ты хочешь сама взять этот обет, чтобы оправдать свое сходжение вниз. Но шамани, что перестали лгать себе, не идут с вершины; они остаются. Они выбрали, поняв — нельзя быть и там, и тут. А те, кто этого не понял — они рано или поздно устают ходить вверх-вниз; тогда чаще всего остаются внизу — вверх, оно труднее. И будь осторожна — может случиться, что сократишь ты свой путь преданности, но какой ценой...

Асгарда отпрянула от обрыва, вздохнула и начала вылизывать лапу, наверное, считая свою речь оконченной.

— Сокращу путь? — наострила уши шамани Велари, взглянув на нее.

Она перестала умываться; посмотрела в пропасть и молвила, не двигаясь:

— Сократишь... Ты снова приглянись. Глянь еще раз.

И Аратта снова посмотрела на прайд Таллалу, что жил внизу.

В некий самый-самый последний момент она всё поняла и лапы успели напрячься, чтоб через мгновение сильным прыжком отнести ее подальше от гибели. Но Асгарда, мгновенно превратившись из старой львицы в настоящую Саргали-амарах, зло и сильно сбросила ее вниз, не давая шанса.

Как и всякая сильнейшая видящая, она умела скрывать свои силы. Она постояла немного на вершине; глаза ее горели огнем изнутри, есть такая страшная вещь у всех видящих; у Асгарды в сердце холод, а в глазах — огонь. Громко выдохнув, со скрытым рычанием, амарах помотала головой и глаза ее стали обычны.

Потом Асгарда быстро спустилась вниз. Не обратив никакого внимания на Таллалу-Саргали, что с трепетом собрались вокруг тела Аратты, она подошла к аршаху:

— Она повинна в смерти Линэ, — объяснила она перепуганному и подавленному Ар-Дарразу. — Всё может простить амарах Асгарда, но не убийство Линэ. Я видела ее вину. Не заботила меня ее ложь — и так лжив этот мир; но нету прощения смерти моей Линэ.

И ушла в горы.

**

Тайназ, Бастис, Хагал, Луана и Саймири вполне благополучно добрались к землям Союза. Они не стали ожидать Аратту возле земель Саргали.

— Она может пойти другим путем! — ответил Хагал на предложение Саймири подождать шамани. — Тогда в нашем ожидании не будет смысла.

— Будет смысл, — твердо сказала Саймири, но ее никто не услышал.

Она даже собиралась остаться и подождать сама, но как-то не решилась.

Тайназ с каждым шагом к Союзу видел всё меньше предательства в их поступке. Вернется! Чего ей станется? А он и так не намеревался играть с нею по приходу домой.

«А что... У шамани передо мной должок. Так пусть и отдают мне, а не я — им. Отдавай, Аратта».

Хагал очень удивился, когда встретил отца в прайде Иллари, куда они зашли проводить Саймири, передохнуть, рассказать о своем походе и подождать Аратту.

— Живы, здоровы?

— Живы, здоровы, отец...

— А где Аратта? — с подозрением спросил Уруз. У него, дренгира, глаз наметан. Он всегда выявит, кого где не хватает и кого где нету.

— Она там, — с напускной беззаботностью махнул лапой на север Хагал. — Задержалась у северняков. Знаешь, отец, там та...

Сын получил от отца по морде тяжелой лапой.

— Ты только мне не ври, подлец, я знаю, когда ты врешь!

Надо сказать, что Хагал, как и все, пообещал, что никогда не расскажет о случае Тайназа. Они, рассуждая по дороге, решили, что знать такое в Союзе никому не нужно — это будет излишним и вредным. Такую идею дала Луана; она хорошо и верно всё просчитала. Она и убедила Саймири тоже хранить тайну, хоть та сначала и упиралась. А результаты похода получались хорошие! Ведь аршах Таллалу приглашает к себе дренгира Иллари и даже самого конунга!

Но он мгновенно сдался, испугавшись отца, и от страха рассказал ему вообще всё начистоту, даже то, как его припугнул Ар-Дарраз.

— Как ты станешь после такого дренгиром! Кто ж тебя, дурака, выберет?! — бессильно шипел отец. — Прайд взвоят! А этот Тайназ тоже молодец...

— Папа, мы все договорились, что ничего не расскажем...

— Но Аратту вы забыли, что ли?! Думаешь, она тоже кость зубами сожмет, как все вы?!

— Когда она придет, то я смогу ее убедить ничего не рассказывать...

— О, нет. Ты, видимо, плохо ее узнал за столько-то времени. Она на такое не пойдет. Аратта исключительно честная львица.

— Ага, папа, расскажи это севернякам, — попробовал пошутить Хагал и получил еще лапой, уже сильнее.

Потом Уруз чуть остыл и начал думать. Он тоже понял, что историю нежелательно знать всем. Тем более конунгу. А когда придет Аратта... Тогда он сам с нею поговорит.

Всё же его сын должен стать дренгиром, не так ли?

Потому всем, даже конунгу, Хагал рассказывал доступную и легкую сказку о походе к Таллалу-Саргали. Мол, пришли, погостили, Аратта куда-то ушла с шамани Таллалу-Саргали по имени Линэ по своим странным делам, ну а они ушли, потому что условились встретиться с шамани уже в Иллари. Всю правду о походе знали лишь Хагал, Тайназ, Луана, Саймири, Бастис, а еще Уруз.

Но беспокоились Хагал и Уруз зря. Аратта, конечно же, не вернулась в родной прайд Велари. Хагал даже втайне обрадовался; теперь правда будет погребена под прахом времени, а остальные... остальные, они смолчат. Они смолчат, что он бросил там, у Таллалу-Саргали, свою шамани, что могла стать ему верным другом и помощницей.

Как-то было всеми враз решено, совершенно спонтанно, что Аратта где-то пропала по дороге к Союзу либо же последовала примеру матери и стала свободной львицей.

— Ну, пропала, так пропала, что поделаешь. Объявится — рады будем, а так — разве сыщешь, — вот так поговаривали.

Бастис, вернувшись во прайд, зажил обычной жизнью, абсолютно уверенный, что Аратта ушла в Большой мир.

— Да она ушла! Я в ней издавна нечто такое видел, — отчего-то всем рассказывал он свой домысел, если вдруг разговор заходил об Аратте.

Здесь можно забежать на много лет вперед. В старости с Бастисом приключилась такая вещь. Ему приснился сон о том, как он сидел в той самой пещере возле прайда Иллари, и как Аратта спасла его шкуру. Он прекрасно услышал те самые слова: «..Если мы тебя не вытянем, то я прыгну к тебе, и умирать станет веселее...». Оказалось, что за столько лет память где-то в глубинах сохранила абсолютно всё: тон, окраску и громкость каждого слова. Бастис был потрясен: оказалось, что за столько лет он даже никогда особо не вспоминал этот эпизод жизни; подавшись хорошо знакомому чувству всех старых львов и львиц, что говорило: всё лучшее — позади, и все лучшие — ушли из жизни, он долго сокрушался и стремился рассказать эту историю каждому встречному, но его, как водится, не особо слушали — стар уже.

Скади перестала общаться с кем бы то ни было, а при случае, завидев конунга, обязательно ругала его, при всех; опасаясь за свой авторитет, Аман таки решился изгнать ее.

Зирэра тяжело заболела. Она, как никто, ощутила гибель Аратты. Она думала, что выздоровеет, но странная болезнь так быстро забирала силы и тяжело протекала, что Зирэра быстро сдалась и перестала лечить саму себя; не желая затягивать неизбежное, она взяла побольше цветков строфанта, который как раз цветет в эту пору года, и ушла вглубь своей пещеры.

Тайназ вернулся в Хартланд. Там в него, наконец, решилась вцепиться мертвой хваткой Мирэль, что всё так же была от него без ума.

— Смелый... надо же — пойти в сам прайд северняков, — томно говорила она, и Тайназ таял, как и всякий самец, от похвалы.

Как-то они лежали у дерева посреди саванны, наслаждаясь друг другом на длинной охоте, на которую ушли вместе; слово за слово, и Тайназ нечаянно вспомнил в разговоре об Аратте (он старался о ней не упоминать, не только Мирэль, а вообще, даже себе).

— А я помню ее. Помнишь, я даже познакомила тебя с ней. Ой, я расскажу... Она со мной ходила к воде... Мммм...

Мирэль поняла, что сделает большую оплошность, если скажет, что желала его привернуть при помощи Аратты-шамани.

Он, играя кисточкой ее хвоста, лениво спросил:

— Зачем?

— Ах... Смеяться будешь. Она говорила, что ты ей очень понравился. Хи-хи.

— Ты что, серьезно? — даже привстал он.

— Эй, лежи. А то мне неудобно. Чего ты так вдруг всполошился?

— Неожиданно просто. Она ведь никак не выдавала этого... Я вообще без понятия. Мы лишь говорили друг другу «привет» и «пока», а больше ничего.

— Так вот. Так вот... Она меня попросила поучаствовать в каком-то там... обряде. Там нужна помощь львицы. Она хотела тебя привернуть, чтобы ты в нее влюбился. Я помню: она тогда пришла к воде, зашла в нее так вот, прямо по грудь и начала свой... как его... приворот, — притворилась Мирэль, будто забыла слово.

— А, да-да. Было, стояла в воде. Помню. Я гуляю себе ночью, а она — в воде стоит. Помню-помню такое. Мы тогда еще побеседовали немного, но она почему-то меня лапой ударила. С когтями.

— Хи-хи. Странная.

— Да. Смешно.

Он лежал и упал в раздумья, перестав уделять внимание Мирэль, хоть та мурлыкала и всячески ласкалась к нему.

— Почему ты сначала согласилась, а потом отказалась? — вдруг быстро спросил он, нахмурившись.

— Аааа... Ну ведь... Так она меня попросила уже тогда, когда зашла в воду и пробормотала какое-то там заклятие. Ты что, я б никогда не согласилась. Каждый волен любить, кого хочет...

Кстати, зря Хагал радовался. Он так и не стал дренгиром. Что-то сломалось в Саймири, когда она поняла, что Аратты нет и не будет, и она отправилась во прайд Велари и там сама всё рассказала прямо на торжественном собрании, посвященном избранию Хагала.

Луана потом за это ее прокляла и обозвала последними словами, но Хагала не бросила и не ушла домой, в прайд Иллари.

**

Аманиэль не умела держать в себе чувства.

Ее маленький прайд продолжал беззаботно нежиться в лучах солнца. Ее дети гонялись друг за другом вокруг озера, пока вконец не устали и слегли у кромки воды. Брат снова сделал вредное сестре: топнул лапой и обрызгал с ушей до лап. В иной день Аманиэль обязательно бы отругала его за такое глупое поведение, но тут даже ухом не повела. Она наблюдала на призрачным блеском воды, отблесками солнца, упав в некую задумчивую, глухую ко всему тревожность.

С чуть растерянным видом она сказала своему льву, не отрываясь от своего наблюдения:

— Знаешь, я видела сегодня львицу из Велари. Это же мой бывший прайд! Она такая странная была, со странным поведением... Представляешь, прямо в грязь села.

— О, неужели, — равнодушно молвил ее лев, перевернувшись на иной бок. — Слушай, ты уже десятый раз это говоришь.

— Ах, да, да... — отстраненно протянула Аманиэль, вовсе его не слушая.

Дочь Аманиэль внимательно наблюдала за мамой: она редко когда видела ее такой задумчиво-меланхоличной. Брат приставал к ней со всякими пакостями, но она лишь отмахивалась.

— Раз она такая странная, так зачем придавать ей столько значения? — ухмыльнулась одна из львиц, что вылизывала свое еще совсем маленькое чадо, смотревшее на мир с непрерывным удивлением.

— Видимо, в этом прайде Велари не всё хорошо с воспитанием львиц, — засмеялась другая. — Тогда хорошо, что ты оттуда ушла, Аманиэли.

— Мама, а прайд Велари — это тот, в котором ты жила? — спросил сын, просто так, чтобы спросить. Он прекрасно знал, что мама когда-то, очень давно, жила в союзном прайде Велари; для него это было настолько странным и труднодостижимым (мама — львица большого союзного прайда Велари? Такое невозможно себе представить!), что он почти никогда не задумывался о прошлом матери.

— Да.

— Мам, а ты долго в нем жила? — теперь спросила дочь.

— Ну... Я там родилась, — Аманиэль ненавидела рассказывать о прошлом, а особенно детям. В свое время она всё оставила за хвостом. Ее дети даже не знали, что у них есть сестра Аратта. Она улыбнулась им, желая дать понять: «Оставьте это, лучше играйте и веселитесь...».

— Да, мы тоже видели ту львицу. Странненькая такая. Но милая. Правда, Тантали? — обратилась сестра к брату.

— Ага. Она, оказалось, шаманая. Аратта ее имя, верно?

— Угу, — подтвердила сестра. — Мам, а она тебе что-то рассказывала о Велари? О чем вы с ней говорили?

Аманиэль так и сидела, продолжая улыбаться.

— Мама? — вопросительно глядела дочь.

— Что, дитя мое? — посмотрела на нее Аманиэль, но так, что та аж отпрянула назад.

Вся ее жизнь показалась каким-то непреходящим ночным кошмаром, в котором не можешь закричать или зарычать; именно так сейчас и было: она очень хотела зарычать, как обычно это делают, когда тоскуют за ушедшими или умершими — изо всех сил, протяжно — но не получалось. Потом волна медленно угасла; не имея сил больше сидеть, Аманиэль тихо слегла набок и подумала, что жизнь сложилась совсем не так, как она представляла в юности. Она чувствовала бессмысленную нежность и печальную теплоту к своей первой дочери, которую, как уже знала, никогда больше не сможет увидеть — судьба дает такую возможность лишь раз в жизни, она не бросается удачей.

Аманиэль, конечно же, плакала. Она думала, что сейчас дети подбегут и начнут ее утешать и спрашивать обычное «Что случилось?», но так не было: они просто посчитали, не успев заметить влагу ее глаз, что мама решила прилечь и отдохнуть, потому что прожила больше, чем они, и потому сильнее устала от жизни.

**

Когда наступила черная луна — так и в Больших горах, и в Союзе называют новолуние — то Таллалу-Саргали утратили спокойную жизнь. Начали болеть и умирать дети; на прайд посыпались неудачи и хвори; ссоры не утихали. Ар-Дарраз и сам чувствовал себя с каждым днем всё хуже, особенно когда заходил в пещеру — становилось крайне плохо. Слегла его мать. Посоветовавшись с матерью, львами и старейшинами, он сам лично пошел во прайд Менаи, чтобы тамошняя шамани пришла и глянула, что творится с его праидом.

Она даже не стала подходить к утесу:

— Это место суть проклято. Смертным ахмаром сильной шамани оно проклято. Вам тут покоя не будет. Ты, Ар-Дарраз, собери своих и уберись отсюда.

— Куда пойти мне от извечного места Таллалу? — удивился и растерялся он.

— А чего мне думать, я львица, а ты аршах, вот и смотри сам.

Посоветовавшись, Таллалу-Саргали переместились ближе к западу, к Морлаю.

На том месте долго никто не жил. Но вскоре этот утес обнаружили некие свободные шамани, которые пришли издалека и ничего о нем не знали; оно, полное мрачной, непонятой силы, сразу понравилось им.

— Тут было что-то... Попробуем пожить тут.

Из слухов они узнали, что тут жил большой прайд, но ушел, потому что это место прокляла некая шамани.

— Уж молва... Сразу — прокляла место. И всё тут. Врагам всегда зла желаешь, а не месту, — умно рассудила самая старшая из них троих, по имени Асса-Уана.

Со временем они поняли, что уходить никуда не желают: земли тут охотные, хорошие, вокруг горы и красота, и этот утес, в котором полно силы — это любая шамани чувствовала, что сюда заходила, случайно или намеренно. Те, что здесь поселились, заметили, что не всякие шамани могут здесь пребывать. Кому-то становилось плохо, кто-то чувствовал себя прекрасно.

— Судьба. Кого черная луна принимает, а кого — нет, — рассудили они.

Здесьние шамани заметили несомненную связь между лунным циклом, собственной силой и своим настроением; лучше всего им было в черную луну, в луну охотницы, как ее называют — потому как отсутствие света в новолуние не выдает львицу, что охотится в ночи.

Вскоре на этом месте появился небольшой прайд, который со временем рос всё больше и больше. Таллалу-Саргали, которые стали их соседями, не трогали новый прайд — они возненавидели свое старое место и предпочитали вообще туда не ходить; а у Союза и прайда Иллари и своих проблем хватало, потому они не обращали внимания на новых соседей.

Их попробовали согнать Менаи-Саргали, но новый прайд оказался крайне дружным и дал достойный отпор. Потом Менаи отстали — неприятности с Регноран снова переросли в войну с Союзом. Кроме того, в нем было необычно много шамани. Не одна, не две, а целых шесть, причем разных, и они не давали себя в обиду. Они говорили, что им очень нравится их новая родина, потому они никуда не уйдут, и всё тут.

Именно они назвали новый прайд прайдом Черной луны. Прижиться в этом прайде могли лишь преданные и честные львы и львицы; другие как-то не могли, хоть и пытались.

И всё удастся этим шамани в черную луну. Всё могут они под лунной охотницы.

2011 г.

